

**Анатоли́й
Санжаровский**

Сатира Юмор

*Переводы
с украинского, белорусского,
польского, немецкого*

Анатолий Никифорович Санжаровский

Сатира. Юмор (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68993563

SelfPub; 2023

Аннотация

В одиннадцатый том Собрания сочинений в шестнадцати томах московский писатель Анатолий Санжаровский собрал все свои переводы с украинского, белорусского, польского, немецкого. Раньше эти переводы печатались в «Литературной газете» («Клуб 12 стульев»), в «Литературной России», в «Крокодиле», в «Смене», «Неделе», в «Независимой газете» (приложение «Экслибрис») и в других газетах и журналах. В книге опубликованы рисунки О. Верещагина, К. Зарубы, А. Арутюнянца, А. Разумовой, В. Коваля, В. Чечвянского. Большую помощь в поисках архивных материалов автору переводов оказали главный редактор газеты «Ахтырка» Игорь Кириенко, заведующая библиотекой в селе Грунь Сумской области Татьяна Сокол, заведующая отделом «Украиника» харьковской научной библиотеки имени В. Г. Короленко Надежда Полянская и научная сотрудница харьковского литературного музея Ирина Сальник.

Содержание

В. М. Чечвянский	11
Василь Чечвянский, или Зачем Ильф и Петров приезжали в Харьков	14
Предисловие	14
Василь Чечвянский	41
О себе	41
Ну и времена...	47
Пивная история	52
Мягкий характер	56
Принципiallyно	61
Объект	69
Два девяносто	72
Иностраный язык	75
Ответственность момента	77
В бане	77
И тут революция!	81
Разочарование	83
Про удочку, рыбку и вообще	86
Некоторые советы для начинающих	91
Как поймать много рыбы	92
«Оскудение»	92
Когда будут крематории	97
Кино на селе	100

Конь в воздухе	103
Международное положение	105
Подход	108
Как я стал хулиганом	112
Неужели?	115
Дачные мученики	117
Воздух, вода, солнце	121
Стихия	123
Контрреволюция	129
Цари природы	132
Популярность	135
Христос воскрес	137
Как оно будет	139
Юбилейная переписка	143
Письмо деловода директору треста	143
От Коровченка Быченке	143
От парня девушке	144
От рабфаковца родителям на село	145
Охватили	147
Вегетарианец	150
Энтузиасты	153
Солидарность	155
Ярмарка в Полтаве	156
Кошмар	160
В пивнушке	163
Хитрый врач	167

Триумф жены	173
Нет житья	175
Несчастные	178
Ложки	183
Собака – друг человека	191
Воша	199
Хищник	205
Топ-топ на село!	206
Любовь Федьки Гуски	208
Точка	212
В Киеве не женись	215
Остап Вишня	215
Проливы	215
Писатели	218
«Отец Килина»	225
«Молочное производство»	227
Ах, молодость!	229
Что посоветуешь?	232
Сенокос	236
Держись, хлопцы!	239
«Долой стыд!»	242
Сон кобылы вороной	245
Ничего не поделаешь, готовимся!..	248
Земля – Луна – Марс	251
Вот вам и «да-а!»	253
Спорт на селе и вообще	255

География	259
Жатва	263
Микола Билкун	270
Из дневника футболиста	270
Репка	275
Жертва стандарта	279
Фатальный взрыв	282
Бестолковый сын	287
Гость	289
Ой за гаем, гаем...	294
Ой, пуговица!	297
Иван Сочивец	303
Флюс	303
Продолжение рода	307
Улыбки Днепра	312
Андрей Крыжановский	312
Негативный тип	312
В порядке дискуссии	314
Информационный взрыв	316
Контексты	318
Олекса Вусык	319
Как меня украли	319
У каждого, к сожалению, есть зубы	321
Диспут о воспитании	323
Методы	323
Как раз пора	324

Столько шума	324
Валентин Дуб	325
Гомо гомини	325
Валентин Чемерис	328
В мире букв	328
В. Срибный	331
Жертва спорта	331
Короткие басни	335
Федор МАКИВЧУК	337
Как писать рецензии	337
Юрий Ячейкин	341
Что покупают мужчины	341
Юрий Прокопенко	346
Что дарить на праздник	346
Леонид Шиян	349
Ёлка	349
О. Подгорный	353
Цепная реакция	353
Е. Кравченко	357
Марсианин	357
Усмешки Днепра (Из украинского журнала «Перец»)	365
Микола Винграновский	375
Не смотри мне в спину	375
Белорусские рассказы	387
Явген Пушкин	387

Приятное знакомство	387
Вл. Отчык	389
Икона помогла	389
Борис Саченко	393
Не имей сто рублей	393
Может, это и правда	396
В. Семянтович	397
Мимоходом	397
П. Шыбут	398
М. Ковзский	399
Звёзд на небе хватает для всех	399
Белорусские народные усмешки	402
Перепутал	402
Логика	402
Нашёл выход	402
Вынужденная ситуация	403
Спасся	403
Взаимная любовь	403
Зачем учиться?	404
Среди лекторов	404
Раскрыл тайну	404
Не дали отгул	404
Не исправил	405
Птички	405
Польские рассказы	406
Анатолий Потемковский	406

Рассказ о добрых желаниях	406
Рассказ о любви	409
С гражданской позиции	410
Веслав Брудзиньский	413
Не вступай в спор...	413
Немецкие рассказы	415
Альфред Саломон	415
Югомат	415
Руди Штраль	419
Хорошо б родиться трижды	419
Инге Ристок	424
Срочный разговор	424
Примечания	427
Василь Чечвянский	427
Приложение	455

Анатолий Санжаровский

Сатира. Юмор (сборник)

Заговори сегодня воронежский степняк с чистокровным запорожцем – вряд ли поймут в доподлинности друг друга с первых глаз, а вот крючковатые слова, живописно перекрученные судьбой вдали от днепровской сини, непременно расколдуют союзом, уяснят себе тот же час; зато манера слушать, лучезарно светясь и сияя и загодя в искренности радуясь каждому звуку, каждому жесту рассказчика, зато манера говорить, говорить пленительно-певуче, доверительно-мягко, говорить светло-доброжелательно – Боже праведный, да все это духом сполна выкажет родство, хоть и разделенное пропастью веков.

Мне почему-то кажется, всяк говорящий на украинском не горазд на злое, настолько младенчески чист этот язык. Холодный ум скажет – вздор, я перемолчу, я ничего не отвечу, но в мыслях я еще с большим убеждением встану на сторону своих слов, а отчего – я и себе не объясню.

Анатолий Санжаровский

В. М. Чечвянский
Радостная параллель избранное

*К 125-летию со дня рождения В. М. Чечвянского
(1888–1937).*

A. J. [unclear]

В «Избранное» вошло все лучшее, что написал «Колумб украинского юмора и сатиры» Василь Михайлович Чечвянский, которого по праву считают украинским Зоценко.

Книга вышла в свет на средства московского писателя и переводчика Анатолия Санжаровского.

Василь Чечвянский, или Зачем Ильф и Петров приезжали в Харьков

Предисловие

Василь Чечвянский и Остап Вишня.

Между ними много общего. У них одна подлинная фамилия – Губенко, – потому что они родные братья. Оба сатирики-юмористы.

Классики украинской литературы.

Василь Михайлович Губенко родился 28 февраля (12 марта по новому стилю) 1888 года на хуторе Чечва (Полтавщина). Отсюда и псевдоним Чечвянский.

Под хутором Чечва

Эту «слабость» он позаимствовал у младшего брата, у Павла Михайловича, первый псевдоним которого был Грунский (по местечку Грунь, близ которого родился в том же хуторке Чечва).

Как писал Вишня, ходило много кривотолков среди родственников о его появлении на свет божий. Одни твердили, что его нашли в капусте, другие авторитетно уверяли, что его принёс трудолюбивый аист, третьи клялись-божились, что его достали из колодца, когда поили корову Оришку. Павлуша подрос, огляделся и храбро выдвинул свою версию о рождении, которой упрямо придерживался всегда. Утром и вечером. До обеда и после. Родился он ночью 13 ноября 1889 года. Вскоре взялся за пастушьё учение, поскольку «очень рано начиналась учеба на селе. Первая наука – это гуси. Высший курс – это свиньи».

Несмотря на эти крестьянские университеты, братья росли живыми и любознательными. Помогали родителям по хозяйству, ездили верхом на лошадях, бегали в лес по орехи, летом купались на речке и удили рыбу...

Сыновья крестьянина по образованию военные фельдшера. Учились в одной киевской военно-фельдшерской школе. После ее окончания Василь экстерном сдал в Харькове экзамены за восьмой класс мужской гимназии.

В семье приказчика полтавской помещицы фон Рот, отставного солдата Михаила Кондратьевича Губенко, прослужившего в русской армии 20 лет, было 17 детей.¹ Жену зва-

¹ Дети были одаренные. Олена закончила в Киеве музыкально-драматическую школу композитора Лысенко и стала певицей. Владивостокский музыкальный мир долгие годы наслаждался ее обворожительным, виолончельным пением. Константин, последний ребенок в семье (вверху на отдельном снимке рядом с собой в детстве), играл во Львове, в Национальном академическом драматическом

ли Параска (Прасковья) Александровна. В девичестве носила фамилию Балаш. До замужества жила в соседнем селе Вязовом.

После Остап Вишня вспомнит:

«... родители были ничего себе люди. Подходящие. За двадцать четыре года совместной их жизни послал им Господь всего-то семнадцать детей, ибо умели они молиться милосердному... Появился я на свет вторым. Передо мной

театре им. М. Заньковецкой. Снялся в семи фильмах, в том числе и в комедии «Ни пуха ни пера», сценарий которой был написан по мотивам охотничьих рассказов Остапа Вишни, родного брата. Катерина 35 лет преподавала в школе. Удостоена звания заслуженного учителя Украины.

был первак, старший брат, опередил меня года на полтора».

Был это Василь. На снимке он с длинными черными волосами, стоит рядом с матерью.

Отец

Мать

Василь Чечвянский в восемнадцать лет начал работать в военных госпиталях, участвовал в Первой мировой войне. В 1917 году перешел на сторону революционно настроенных солдат.

В гражданскую войну – интендант Первой Конной армии. После возглавлял в Ростове-на-Дону санитарную службу Северо-Кавказского военного округа.

УКРАЇНА

Сумська обласна державна
адміністрація

ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ СУМСЬКОЇ
ОБЛАСТІ

вул. Сидора, 99, м. Суми, 46010

Телефон/факс: (0542) 22-67-90,

E-mail: info@admo.gov.ua

27.12.2006, № Дк/Дв-97

На № _____ від 27.11.2006

АРХІВНА ДОВІДКА

Повідомляємо, що в метричній книзі Покровської церкви м. Грунь Зіньківського повіту Полтавської губернії за 1888 р. під № 15 є запис про народження Губенка Василя Михайловича.

Дата народження: 28 жовтня 1888 року

Дата хрещення: 28 лютого 1888 року

Батьки: батько – хутора Чечин запасний солдат Михайло Кіндратович Губенко

мати – Параска Олександрівна Губенко

Хрещені батьки: козак Яків Іванович Голішків та жінка священника Ганна Михайлівна Михайлівська

Підстава: ф.Ф-1195, об.1, спр.28, арк.203зв., 204.

В метричній книзі Покровської церкви м. Грунь Зіньківського повіту Полтавської губернії за 1889 р. під № 81 є запис про народження Павла Михайловича.

Дата народження: 1 листопада 1889 року

Дата хрещення: 5 листопада 1889 року

Батьки: батько – м. Грунь міщанський солдат Михайло Кіндратович Губенко

мати – Параска Олександрівна Губенко

Хрещені батьки: священник Ілля Іванович Олександровський та жінка священника Ганна Михайлівна Михайлова

Підстава: ф.Ф-1195, об.1, спр.29, арк.95зв., 96.

Директор архіву

Г. М. Іванушенко

Провідний спеціаліст

О. М. Козлов

Справка

Первые его сочинения были опубликованы в газете – «Со-

ветский Юг» (Ростов-на-Дону). В 1924 году Чечвянский демобилизовался. Вернулся на Украину и занялся литературной работой.

Василь играл на пианино.

Когда его раз спросили, где он научился играть, ответил, смеясь:

– Так я ж вырос при дворе.

– Каком? Царском?

– Колхозном!

Василь был очень популярен и красив. И это не прошло бесследно. Ему плеснула в лицо кислотой одна безответно влюбленная в него шизофреничка. Этот несчастный случай стоил ему дорого. Глаза. Пришлось постоянно носить черную повязку.

– После ареста Остапа Вишни в декабре 1933 года, – рассказывал мне Виктор Васильевич Губенко, сын Василя Михайловича, – отца перестали печатать. Семья начала бедствовать. Отцу не давали работать. Он даже не мог под своим именем опубликовать хоть строчку. Все написанное отдавал друзьям, и те, напечатав его фельетон или статью за своей подписью, гонорары отдавали отцу. За отцом установилась постоянная слежка. Отец даже в шутку говорил маме: «Теперь я никогда не потеряюсь! Выглянь, шпик токует под окнами. Всегда провожает на работу, встречает с работы. Теперь я и под машину не могу угодить. Я всегда под надежной опекой!»

И в это время...

Тут нельзя не привести строки из книги Натальи Шубенко «Неизвестный Харьков»:

«К середине 30-х романы Ильфа и Петрова были переведены на множество языков – редкий случай популярности при жизни. Среди них есть и столь экзотические, как румынский, хорватский, македонский и даже хинди. Отсутствовал, как ни парадоксально, перевод... на украинский. Пытаясь решить эту проблему, Ильф и Петров в 1936 г. вновь приезжают в Харьков на встречу с писателем Василем Чечвянским. Увы, работе не суждено было осуществиться: через несколько месяцев украинского писателя арестовали и расстреляли как «врага народа». Впрочем, и сам Ильф держал наготове сумку с двумя сменами белья.

А первому изданию ильфо-петровского романа на украинском языке суждено было появиться на свет лишь спустя 35 лет после этой встречи».

«Опекунство» органов длилось до 2 ноября 1936 года, когда Чечвянского арестовали.

Во время следствия жена Надежда Михайловна как-то исхитрилась добиться свидания с Василем Михайловичем. Его вид напугал ее. Был он в синяках, изможденный. У нее с болью вырвалось:

– Вася! За что они тебя так?

– Мне, Надя, шьют литературные ошибки... Бьют каждый день...

Но литературные ошибки – это всего-то лишь туманный фон. На самом же деле из него выколачивали признан в причастности к какой-то украинской контрреволюционной националистической фашистско-террористической организации.

Под побоями человек ломался и начинал «признаваться», наговаривать на себя и на близких.

14 июля 1937 года писателю был вынесен смертный приговор.

В протоколе закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в тот же день записано:

«Подсудимый ответил, что виновным себя не признает. От своих показаний на предыдущем следствии отказывается, поскольку дал их под нажимом следствия... Подсудимый заявил, что показания не соответствуют действительности... В последнем слове ничего сказать не пожелал...».

На следующий день, 15 июля, Василя Михайловича расстреляли в Киеве. И лишь в октябре 1938-го семье сообщили о его смерти... от болезни сердца. (!)

15 августа 1937 года появляется оперативный приказ № 00486 наркома внутренних дел СССР:

«С получением настоящего приказа приступить к репрессированию жен изменников родины: имеющие грудных детей немедленно отправляются в лагерь без завоза в тюрьму вместе с детьми, откуда дети при достижении 1–1,5 лет пе-

редаются в детские дома НКВД.

Арестованные дети комплектуются по группам так, чтобы в один и тот же детдом НКВД не попали дети, связанные между собой родством или знакомством.

При аресте жен их дети старше 1–1,5 лет изымаются. На каждого ребенка старше 15 лет заводится следственное дело, и дети направляются в детские приемники отделов трудовых колоний НКВД.

Имущество арестованных жен конфискуется, квартиры опечатываются. Операцию закончить до 25 октября 1937 года».

Жену Надежду Михайловну – она служила медсестрой еще в Первой Конной армии у Буденного – «уложили» в срок. Ее арестовали 3 октября 1937-го как члена семьи врага народа, а детей, двух малолетних сыновей Павла и Виктора, упекли в детприемник при тюрьме, где она сидела, ожидая суда.

В квартиру же Чечвянских со всем их имуществом баринном въехал мозолистый чмырь из НКВД.

А Павла и Виктора упрятали в мелекесский детдом НКВД на Волге.

Надежда Михайловна получила восемь лет «отдаленных лагерей». И когда ее везли товарняком по этапу в сибирскую глушь, она оторвала от простыни кусок и химическим карандашом написала на нем письмо. На одной станции она кинула в толпу на платформе эту завязанную в узелок тряпочку

с адресом сестры Лидии Михайловны, жила в Ростове-на-Дону.

Добрая душа отправила это тряпичное письмо Лидии Михайловне уже в обычном конверте.

В письме была одна мольба: «Сеструшка! Спасай моих сыновей! Забери сынков из каторжного детдома к себе».

Лидия Михайловна была знакома с женою Максима Горького. В Москву и подалась Лидия Михайловна. И Екатерина Пешкова разузнала, где находятся Павел и Виктор. Помогла Лидии Михайловне забрать племянников из Мелекесса.

Павел и Виктор стали жить у нее. Началась война. Павел – он был старший – ушел на фронт. Матери он так и не увидел. А Виктор, ставший потом водителем, дожил у тети, пока не вернулась из тюрьмы мать.

БИБЛИОТЕКА

ISSN 0132-2095

ОГОНЕК

№ 27 1990

Олег
ВИШНЯ

Василь
ЧЕЧВЯНСКИЙ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
МОМЕНТА

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Я первый, кому удалось собрать в одну эту книжку еще

не известные русскому читателю рассказы и юморески двух родных незаконно репрессированных братьев-погодков – Василия Чечвянского и Остапа Вишни.

Сама же Лидия Михайловна позже сгинула в лагерях неизвестно где...

Павел храбро сражался.

Молодым погиб в бою за родной Харьков.

В 1957 году Василия Михайловича и Надежду Михайловну полностью реабилитировали. Надежда Михайловна жила в Харькове, умерла от туберкулеза.

Остап Вишня был в двадцатые годы самый популярный на Украине писатель. «Гоголь Октябрьской революции» – так называли его тогда.

Однако на него сфабриковали дело. Обвинили в причастности к несуществующей контрреволюционной украинской военной организации и в подготовке покушения на жизнь высокопоставленного партработника, секретаря ЦК КП(б)У П. Постышева. И целые десять лет, с 1933-го по 1943-й, провел Вишня в печорских лагерях.

По словам внучки Марьяны Евтушенко, *«повод для ареста был, мягко говоря, странный – терроризм. Якобы юморист с товарищами готовил покушение на известного партийного деятеля Павла Постышева. Обвинение было на-*

столько нелепым, что на допросах в НКВД писатель не смог удержаться от шутки: «Почему бы вам не обвинить меня и в изнасиловании Клары Цеткин?» По иронии судьбы, через несколько лет сам Постышев был объявлен врагом народа и приговорен к высшей мере наказания. И, по семейной легенде, Вишня вновь не удержался от иронии, дескать, я же первый хотел его расстрелять! Но это было через несколько лет, а в начале срока юмориста едва самого не поставили к стенке. По рассказам очевидцев, а может, просто байка такая, писателя спас псевдоним. Приказали ликвидировать Остапа Вишню, а заключенный по документам был под настоящей фамилией и именем – Павел Михайлович Губенко. Впрочем, родные скептически относятся к этой версии и рассказывают историю о том, что деда спасли морозы, которые сковали реку Печору. Пароход с арестантами долго не мог пробиться к порту назначения. И пока арестанты шли по этапу, начальника лагеря успели снять с должности и расстрелять, а приказ о расстреле Вишни счастливо потерялся».

Писатель был реабилитирован.

А до этого...

В январе 1927 года в Харькове начал издаваться первый на Украине журнал политической сатиры «Червоний перець». Среди его основателей и сотрудников оба брата. Василь много писал. Свои юморески сам и иллюстрировал. За год журнал завоевал широкую популярность. Наивысшим мо-

ментом празднования годовщины было торжественное надевание штанишек юбиляру. Дескать, подрос младенец, пора и штанишки носить.

Карикатурист дружески представил читателям этот момент. Тут мы видим и братьев. Они рядом.

О них сказано:

«Остап Вишня. Редактор «Червоного перця». Женат. Бывший блондин. Охотник. Недавно с ним произошло чрезвычайное происшествие: застрелил зайца. Ей-богу! Но это злодеяние никак не подействовало на его (не зайца, а Вишни) мировоззрение. Чувствует себя бодро даже тогда, когда к нему приходят представители всех украинских газет и журналов и говорят: «Дядя, дайте фельетон! Ну хотя бы вот такусенький. Дайте же!»

Юморист, но в последнее время начал прятаться. Причина – «Дайте же!»

Василь Чечвянский. Шахматист и юморист. Талантливый шахматист среди юмористов и талантливый юморист среди шахматистов.

Секретарь редакции, но еще не битый. Любимые выражения: «Не пойдет!», «Пойдет», «Товарищ, зайдите завтра». Пишет много. Самое выдающееся его произведение такое: «Выписывайте «Червоний перець». Подписная плата на месяц – 30 копеек, на шесть месяцев – полтора рубля и на год три».

В годовщину пятилетия журнал снова представил читате-

лям своих сотрудинок:

«Уважаемый читатель, насколько «Червоний перець» его изучил, прочитав заголовок фельетона, сразу опускает глаза на подпись. Кого бить? А подпись редко бывает членораздельной.

Всегда она складывается из двух-трех букв: «М. Б.», «Бона», «О. В.». Так дальше нельзя. Читатель должен знать, кто его враг, извините, автор, и я ему покажу. День пятилетнего юбилея я отмечаю полной ликвидацией обезлички.

Подписи: Вас. Грунский, Чечь, Вас. Ч., В. Ч., Чиче, Чиче, Чечь, Чечвянский-Колумб, Василь Чечвянский-Колумб, Чиче-Рон и др. скрывают известного юмориста Василя Чечвянского. Этот автор прячется за псевдонимами с одной целью – утаить от жены подлинную сумму литгонорара.

«О. В.», «В.» – подписи тоже известного юмориста.

В восстановительный период этот известный юморист имел псевдоним Остап Вишня, но в пору реконструкции отказался от него и приобрел себе реконструктивный псевдоним «О. В.».

Веселым, острым, злым своим словом братья служили народу, боролись за его идеалы.

Незадолго до кончины Вишня записал в свой дневник:

«И если мне за всю мою работу, за все то тяжкое, что пережил я, посчастливилось хоть разочек, хоть на минутку, на миг разглядить морщинки на челе народа моего, весело заискрить его глаза – никакого больше гонорара мне не надо.

Я – слуга народный!

Я горд этим, я счастлив этим!»

Какие отношения были между братьями?

Как Вишня смотрел на Василия Чечвянского?

По словам Ю. Мартича, Остап Вишня не только любил его как брата, но и высоко ценил как соратника по жанру.

– У моего Василия только один глаз, – говорил он. – Но видит он тем глазом остро.

За короткую творческую жизнь Василь Чечвянский выпустил семнадцать книг. Его книги тоже были наказаны. Долгие годы они отбывали свою Колыму в библиотечных спецхранах. Для перевода страшно мне было в Российской государственной библиотеке брать в руки книгу с черным тулобым квадратным спецхрановским штампиком. И еще страшней сознавать, что ее более полувека никто не открывал: поверху листы не разрезаны.

Репрессированный сам за четыре года до рождения, а после, через 62 года, реабилитированный, сперва я перевел *непроходного* Василия Михайловича для себя.

Я обошел несколько московских издательств и везде – отказ. А в «Библиотечке «Крокодила», которую возглавлял заместитель главного редактора журнала «Крокодил» Алексей Ходанов, и вовсе свертелся казус.

– Ваша рукопись пропала, – полуубито сказал однажды он мне. – Исчезла!

– Как она могла исчезнуть? Я же вам ее из рук в руки пе-

редавал. Что, марсиане выкрали почитать Чечвянского?

Рукописи не горят. Могли бы еще они слышать и говорить, и тогда б рукопись моя рассказала, что она невольно подслушала этот разговор, лежа в неудобной вульгарной позе на полу между столом и стеною. Всего в четверти от гордо блестящих штиблет на ногах вышешпоименованного дорогого субъекта Российской Федерации.

Я принес копию рукописи. Вдобавок вскоре Ходанов сам наткнулся на свою пропажу. («Понимаешь, негодница, завалялась и молчит!») И все равно от этого моя рукопись не «заговорила», не стала книжкой.

А отпустя четверть века все-таки я издал свои переводы «Колумба украинского юмора и сатиры» Чечвянского «Ответственность момента» в «Библиотеке «Огонька» № 27 за 1990 год. Спасибо, поддержал Виталий Коротич, который в то время был главным редактором журнала «Огонек».

Приятно сознавать, что я выхватил из небытия репрессированного и лишь посмертно реабилитированного Василя Чечвянского, этого украинского Зоценко, и первым подал его русскому читателю.

В Харькове на доме, где жили братья, установлена в их честь мемориальная доска.

У этого предисловия горькая судьба.

3 мая 2011 года я отправил его электронкой Ларисе Ившиной, главному редактору всеукраинской газеты «День». По предложению редакции я сократил очерк до одной газетной полосы. Мне духоподъемненько сообщили, что материал выйдет 23 сентября.

Да снафтогазили.

Обіцяв пан кожух, та слово його тепле.

На 24 сентября были назначены нелегкие газовые переговоры между Россией и Украиной. Наверное, в «Дне» учуяли, что халявные русские шлюзы не откроются, из-за которых, как я предполагаю, материал в газете так и не появился?

Мне доподлинно известно, что Василь Михайлович Чечвянский «невыгодных» газовых контрактов в 2009 году **не подписывал**. На то была Юлия Тимошенко, творения которой суд оценил в семь лет колонии. Как шутят на Украине, «Тимошенко получила семь лет тюрьмы, а «проффесор»² Янукович – семь лет геморроя».

Так почему тогда из-за газа пострадал за компанию с Тимошенко и Чечвянский, великий сын Украины? Правда, их несколько «роднит» лишь то, что каждый в разное время сидел в одной лукьяновской тюрьме.

² Донецкий заочник В. Янукович в графе «Ученое звание» анкеты кандидата на должность президента собственноручно указал: «проффесор». Это слово стало на Украине крылатым, как и высказывание Януковича об «известном украинском поэте Чехове». («Свободная пресса». 20 апреля 2012).

Была блестящая возможность исправить положение. Появился прекрасный информационный повод для публикации. Подбегало второе ноября. Ровно 75 лет назад, 2 ноября 1936 года, был арестован Василь Чечвянский. К этой трагической дате как не дать материал о писателе-мученике?

Дорога ложка к обеду.

Да... Ложки почему-то выдали до поры и неожиданно на ковыль-костыль, кое-как «отобедали» 21 октября, в самый канун события в судьбе писателя. Почти полгода очерк мариновали и **за две недели до трагической круглой даты вдруг напечатали**. Подложили москвичу экую свинью! Или это от избытка сала на Украине?

И пришлось писать в редакцию такое письмо.

Мне стыдно за газетный материал о Чечвянском под моей фамилией. Я такого материала в «День» не посылал. Это уже в редакции так его «усахарили».

Первое. Почти на две трети материал урезали. Зачем? Во имя чего? Почти полвека я собирал факты из жизни Василя Михайловича. А тут походя какая-то вумничка в один присест выплеснула из очерка на свой вкус львиную долю фактов и никаких дорогих прений.

Если редакция взялась кромсать уже согласованный с нею материал члена Союза писателей, так окончательный изуродованный вариант **обязана** была согласовать с автором. И тогда бы я отказался от публикации.

Второе. К материалу я прикладывал портрет Василя

Чечвянского с его автографом. Почему выбросили фото Чечвянского и без моего ведома сунули в материал фото Вишни? Или в редакции никак не могли отличить Чечвянского от Вишни? А если уж отличили, так и надо было ставить портрет Чечвянского. А то очерк о Чечвянском, а портрет – Вишни! Очень весело? Ну прямо для крокодильской рубрики «Нарочно не придумаешь».

Московские украинцы хохочут, требуют от меня объяснений. А я ничего не могу им сказать. Понимаете, у меня нет слов. Может, эту катавасию вы им объясните через газету?

Третье. Почему материал запихнули под рубрику «Почта»? Чтобы замаять и вообще всерьез не отмечать в газете дату важного события в жизни писателя? Повторяю, я полвека собирал материал о Чечвянском, и что, все эти полвека мечтал начеркивать письмишко в «Почту» «Дня», которого еще 15 лет назад не было в живых? Не мечтал. И письмо полвека не пишется.

Четвёртое. Дорога ложка к обеду. И когда у нас «обед»? Второго ноября. Ровно 75 лет со дня ареста Василя Михайловича. Сначала почти полгода мариновали, не давали материал. А тут и подкати времечко «обеда». Пошло вроде по-людски. Двенадцатого октября мне сообщили:

«Мы приложим максимум усилий, чтоб текст вышел 2 ноября. Спасибо.

„День“»

Наверно, слишком много сил бухнули. Переборщили. Выскочил материал 21 октября. За две недели до трагической даты. Досрочно. Как в советские времена досрочно сдавали объекты в эксплуатацию. Ну тут-то зачем? Что можно придумать нелепей? Ну прямо валенком в суп! Какой нормальный человек отмечает событие за две недели перед самим этим событием? Это называется, океан переплыл, а на берегу утонул. Так к чему эта спешка? И случайна ли эта спешка?

Кислая епера не все ли та же? Смазать, замять событие? Вроде и отметили, а вроде ж как и не отмечали. Отыгрались изуродованной в редакции заметулькой. Но дорогую галочку добыли-с.

Я писал не по заказу. Заказ – это принудилровка обязательством, рублем. Я же писал о Чечвянском по приказу своего сердца, своей крови, которые помнят, что мои далекие предки по линии отца корнем с южной окраины России.

Очерк этот – дань глубокого уважения к памяти великого украинца. И как соотечественники в «Дне» отнеслись к Чечвянскому? С уважением?

Насколько я знаю, пока не возбраняется иметь мужество исправлять свои ошибки.

Если в «Дне» действительно чтят память писателя, так надо с уважением и отнестись к 75-летию В. М. Чечвянского. Надо второго ноября целиком дать мой уже согласованный с редакцией, выверенный материал, дать безо

всяких кунюор. Только это и докажет уважительное отношение к памяти великого соотечественника.

Молчание было мне ответом.

А дальше...

А дальше было сплошное киевское молчание...

Как обычно, «День» дублируется в интернете. И снова пришлось мне писать в редакцию:

*«В интернетовской копии моего материала о Чечвянском нужно **срочно** убрать фото Вишни и на это место вставить фотографию В. Чечвянского с его автографом. Это хоть несколько срежет поток издевательских насмешек».*

Редакция не посчиталась с моим мнением.

Тогда по моему требованию материал был убран из интернета.

Что и говорить, отнесли в киевском «Дне» к своему великому соотечественнику непорядочно.

«День» напечатал два моих больших материала, напечатал нашармака, не заплатив ни копейки. Оказывается, чтобы получить разовый украинский гонорар, надо прописаться и трудоустроиться в Киеве. Что за хреновня?

Ну черт с ними, с гривнами.

Я их никогда не видел. И не жалею.

Меня беспокоит вот что.

Лет пять назад в интернете не было даже упоминания о Чечвянском. Очерк о нем и его фотографию я отправил в киевский биографический банк данных «Личности». Тогда и появились в интернете первый материал о Чечвянском, снимок с автографом, что я посылал. К слову, позже из шести картинок о Чечвянском пять появились при моем старательстве.

Но почему дело с мертвой точки толкнул именно русский? москвич? Почему в Киеве до этого сами не доехали?

Я просил финансовой поддержки у сумского губернатора Чмыря Ю. П. Надеялся, что поможет издать книгу переводов рассказов Чечвянского, его земляка. Даже не ответил чинуща Чмырь. Не ответил на такую же мою просьбу и харьковский губернатор Аваков А. Б. В Харькове прошла почти вся творческая жизнь Василя Михайловича.

Насколько мне известно, за все пятьдесят шесть лет после посмертной реабилитации у В. Чечвянского вышли на Украине лишь две тощенькие книжечки. За последние сорок пять лет ни одной книги не издано на Родине.

Зато в Москве за последнюю четверть века вышли четыре книги его рассказов в моем переводе. «Радостная параллель» была третьей книгой. «Избранное». Я выпустил его к 125-летию В. Чечвянского на свои тоскливые пенсионно-инвалидные миллиардищи. Уцелевший русский репрессированный выдернул из забвения расстрелянного репрессированного украинца.

О чем все это говорит?

Вот и в «Дне» материал о Чечвянском напечатали до его трагической даты. Искорежили очерк. И в газете, и в интернете в материале о Чечвянском дали... фото Вишни. Все это случайно? Все это не подчеркнутое ли неуважение к памяти великого украинца и комок грязи в сторону автора? Мол, под материалом стоит фамилия русского автора из Москвы, все это и падет ему на горб. А наше дело сторона.

Мне все же хотелось рассказать украинскому читателю о Чечвянском, и я послал очерк в писательскую газету «Літературна Україна». И тут отнеслись к Василю Михайловичу не лучше. Дали материал под рубрикой «Биографии» за месяц до 75-летия со дня расстрела сатирика.

Поэтому двенадцатого августа 2012 года я написал лично главному редактору этой газеты Козаку:

Уважаемый Сергей Борисович, общепринято, что юбилейные материалы печатаются в юбилейные дни. Но очерк о В. Чечвянском вы дали за месяц до его 75-летия со дня гибели. Почему? К чему такая „изюминка“? Других авторов вы отмечаете вовремя. А почему к Чечвянскому такое непонятное отношение? Ну кто отмечает свой юбилей за месяц до юбилея?

Внагляк отбоярился гордой молчанкой и пан Козак.

Есть на Украине незалежники-самостийники, которые не могут спустить Василю Михайловичу Чечвянскому его доброжелательное отношение к России, к Русскому Слову.

Военная судьбинushка погоняла его в гражданскую по русским просторам. Служил в РККА. Литературную карьеру начинал в Ростове-на-Дону. Писал по-русски. Печатался в русской газете «Советский Юг»... Тесное знакомство с Ильфом и Петровым...

Вот и...

Да, подумать есть над чем.

*Анатолий Санжаровский,
член Союза писателей Москвы*

A handwritten signature in cursive script, reading "А. Санж." with a period at the end. The letters are fluid and connected, with a prominent loop in the 'С' and 'ж'.

Василь Чечвянский

О себе

Василь Чечвянский – псевдоним.

Как и большинство революционно настроенных граждан нашей революционной Отчизны родился я до Революции на хуторе Чечва на Полтавщине.

Мне сейчас 45 лет.

По происхождению селянин.

Отец был селянином.

Я – сын селянина.

Мои дети – внуки селянина.

Когда я работаю, а дети мне мешают, я кричу:

– Селянс!³

Дети моментально утихомириваются.

Как видите, в воспитании нашей смены я применяю селянские принципы.

Конечно, это нетерпимая односторонность.

Конечно, предпочтительней прибегнуть к комбинированным средствам, то есть рабоче-крестьянским.

Тем паче, очень люблю все, что рабоче-крестьянское:

³ Селянс (от фр. *силанс*) – тихо. (Стало тихо – le silence s'est fait.)

рабоче-крестьянскую власть, рабоче-крестьянскую инспекцию. Я б любил и рабсельтеатры, но это очень трудно. Их нет, их только создают.

Кроме того я люблю современность.

Я просто влюблен в нюю.

С привычками проклятого прошлого покончил давно и бесповоротно.

Уверяю, когда у меня бывают гости, я никогда не скажу:

– Давайте пить чай.

А скажу:

– Есть предложение пить чай. Кто за – прошу поднять руку.

Если на улице кто дебоширит, я ни за что не скажу:

– Эй, вы там! Ну-ка! Без хулиганства!

Нет. Я скажу только так:

– Товарищи! Будьте в конце концов сознательны. Мы накануне построения бесклассового общества, а вы нарушаете тишину и покой, мешаете нормальному уличному движению в то время, когда пролетариат напрягает, а буржуазия заостряет.

Учреждение культуры № 1 и другие
дети в будущем, чтоб не случилось
было бы, и другие...
Матери и другие...
Средней школы...
Итого...
17 лет

Воспитатель...
Воспитатель...
Средней школы... 1933г.

О себе

Васильев Василий - воспитатель

Как и большинство работников культуры...
важнейшей революционной организации...
Культурный центр на Полевом.

Мне сейчас 45 лет.

Работал в [] в []

Отец не оставил

1-й класс

Мои дети - 6 детей, старшая

Корна и работала, а дети все делают, 1 году:
- сестра

Дети не оставили культурный центр

Как вышло, в воспитании нашей страны 1 принцип

автономия культуры

Конечно, это требует высокой ответственности.

Конечно, это требует высокой ответственности и контроля
культурной сферы, но это работа-ответственность.

Тем не менее, это и наш долг, это работа-ответственность:
работа-ответственность в деле, работа-ответственность
национальная, 1 и больше и работоспособность, но это наша
задача: не паниковать, не паниковать.

Будет наша и работа-ответственность

1 и много работы в деле.

С благодарностью...

Воспитатель...
(подпись)

Получено 24.8.44. 80

Соб. арх.

Черновик моего перевода юморески В. Чечвянского «О себе».

Я не умываюсь, а «пользуюсь коммунальными услугами».

Я не договариваюсь с женой, когда и что есть, а «согласовываю с домохозяйкой проблему питания».

Ловлю рыбу на Донце не просто на червяка, а «пребываячи в тарифном отпуске».

Вообще от меня несет современностью.

Когда мой сын приходит из школы, я не спрошу его, как спрашивал меня мой несовременный отец:

– Что, снова батюшка по закону божьему коляку водрузили? Иди-ка сюда, сукин сын, дай-ка я тебе космы повытрясу!

А спрошу:

– Ну-ка рапортуй об очередном достижении. Зад⁴ или незад?⁵ Снова незад заработал? Иди-ка сюда, дезорганизатор, я тебе покажу, как без зада домой приходить!

Как видите, в личной жизни я вполне современный человек.

И в общественной.

⁴ Зад (овільно, укр.) – уд (овлетворительно).

⁵ Незад (овільно) – неуд (овлетворительно).

Когда я прихожу на почту или в страхкаассу и вижу, что у нужного мне окошка очередь, я непременно скажу:

– Кто последний? Я за вами.

А потом уж спокойно выслушаю, как мне из окошка говорят прекрасным украинским языком:

– Не видите разве – перерыв! Не мешайте перерываться, гражданин!

Теперь относительно моей литературной работы.

Но не лучше ли, если о ней будут говорить читатели, критика, рецензенты?

Самому как-то неудобно.

А главное, боязно: еще какой-нибудь уклон у себя найдешь.

А со стороны видней.

Какой, например, в произведениях Чечвянского юмор: утробный, животный, беззубый, острый? Национальный ли по форме и пролетарский по содержанию? А? Мне тогда будет виднее, как перестраиваться, стоит ли пускаться на поиски реализма, или, может, не надо уже искать реализм, может, он уже найден...

Критика очень помогает писателям.

Например, на одну мою одноактную комедию-шутку была такая рецензия:

«Написано замечательно хорошо. Берет за живот до коллик. Надо же и самокритикой бороться с неполадками. Есть и другой выход: выбросить вторую часть и вообще переде-

лать шутку».

Ну вот видите. Прочтешь такую рецензию и сразу все тебе ясно, где хорошо, где плохо и какой выход.

Нет уж, пусть моей литературной работе дают оценку критики. Я всегда полагаюсь на авторитеты.

Проклятая привычка.

1933 год. Харьков.

Ну и времена...

Граждане!

Что ж это такое?! Дальше так нельзя, клянусь номером своего профсоюзного билета...

Не то, так то, а нет покою человеку.

Вчера, понимаете, пошел под вечер ради воскресенья в проходку, свежим воздухом дыхнуть... Погодка, знаете, морозец такой приятный. Встречаю своего знакомого.

– Что это вы, – спрашиваю, – Иван Калистратович, лето почуяли, что ли? Обрились так, будто завтра на дачу переезжаете. Рановато вроде...

– А! Это вы нащот шевелюры? Брился и буду бриться! Не дам ей, проклятущей, и на свет глянуть!

– Да что ж такое случилось?

– Что случилось? Газет вы, голубчик, не читаете. Вон что! Слыхали? В Ленинграде профессор Поляков изобрел способ по волосам отцовство определять. А у меня, знаете, судеб-

ное дельце сейчас с Катериной Тимофеевной по части алиментиков, знаете... Пока выкручивался, а теперь кто знает. Так я на всякий случай... Жаль, конечно. У меня ж, знаете, шевелюра ж была, Самсон, одно слово. Да ничего не поделаешь, спокойней как-то...

И побежал, фуражку почти на уши натянувши.

«Господи! – думаю. – Иван Калистратович... Такой волос! Даже голова треста Самсоном величал – и вот такое тебе...»

.....

– А куда это вы, товарищ, поспешаете и знакомых своих не замечаете?

Смотрю, незнакомый человек стоит усмехается.

– Простите, – говорю, – но я...

– Что? Не узнали Корнея Ивановича? Ай-ай! А еще приятель называется...

– Бож-же ж мой, Корней Иванович!? А борода? А усы?

– Э! Тю-тю, можно сказать, бородка. Приказала долго жить. Преставилась, ленинградского профессора Полякова поминаючи... У нас, знаете, на той неделе деловодша наша Ольга Ивановна дочечкою разрешилась, так мы, как услышали, зашли, знаете, после работы коллективно, всем отделом в цирюльню и у кого что где росло – долой! А я, будучи, конечно, лысым, бородки и усов теперь вот еще лишился. Хе-хе-хе! Береженого, как то говорят, и Бог... Хе-хе-хе! А то, знаете, бородка есть – денежек нет, бородки нет – денежки целы... Жеву-резон? Бывайте здоровеньки! Хе-хе-хе! И до-

чечка, говорят, картинушка. Носик, щечки... Зацелуй ее комар!..

Пошел и этот, подпрыгивая.

Что делается!

.....
Сел я в автобус.

Слышу, сзади разговаривают двое.

– Был я в Баку, на Кавказе. Там, знаете, по татарским баням глиной пользуют. Как обляпает тебя банщик глиною тою, так, верите, минут через пять на тебе ни волосинки! Даже с микроскопом не найдешь! Хар-рашо на Кавказе!

– Что мне твой Кавказ и глина! У меня еще вчера в Харькове судья для экспертизы волосинку вырвал, а ты мне сегодня про Баку поешь... Ни черта, брат, не поделаешь. Висит моя зарплата на волосинке!

.....
– Волосяной переулок – конец десятикопеечным билетам, – напомнил мне кондуктор.

Вышел я из автобуса. Иду, а на углу возле пивной стоит компания. Один на гармошке шпарит и присвистывает на мотив «Яблочка»:

– Ой ты, милка моя,
Дарма ботаішь,
На лысом козле
Не подработаешь.

.....
Пришел домой. Дверь мне открыла хозяйская дочка Мотя.

– А я в вашей комнате книжку читала. Роман. Интересный. Но немножко не дочитала. Дома никого нет, грустно как-то...

– Так, пожалуйста, дочитывайте... Прошу.

– А я вам не буду мешать?

– Что вы, Матильда Поликарповна. Да я... Да того...

Очень рад, прошу...

.....
В двенадцатом Мотя пошла в свою комнату...

Раздеваясь, я глянул в зеркало. Мой английский пробор был слегка потревожен...

Что бы это значило?!..

Пивная история (Одна из многих)

Тов. дежурный! Эти два гражданина в пивной «Новая Барвария» № 3126 завели драку, которая потом перешла в дискуссию разными словами, и вообще, когда я вошел в пивную, они крыли друг друга и никому не давали возможности высказаться ни «за», ни «против». Потому я и забрал их в район. Но раз они оба-два очень пьяные и не могут уже говорить речей, то я для освещения факта взял официанта.

.....
– Кто официант? Вы? Расскажите, как было дело.

– Сперва зашли они – это гражданин, значит... Сели. Вроде «парошник», то есть гость не больше как на пару пива.

Я подошел, они заказали: «Дай, говорят, мне для концессионного начала парочку». Сидят себе тихо. Потом заказали еще парочку, потом еще... Сосисок заказали порцию. А потом позвали меня и говорят:

– Нельзя ли, говорят, кооптировать мне для компании вон ту девочку, а то сидит одна за столиком без некоторого соучастия, будто эмиграция какая... Одному мне как-то грустновато и трудновато довести полностью нагрузку до нормы.

А я и думаю, почему не сочинить хорошему гостю при-

ятность, тем паче, что «на чай» у нас по плакатному меню не берут...

Подошел я к барышне и передал ей ихнюю, гражданина, значит, ноту.

А она:

– Я, говорит, ничего не имею против начать с ними конференцию, только боюсь, чтоб Гришка ее не сорвал...

А Гришка при барышне при той вроде за управделами жизни состоит.

А я барышне отвечаю. Гришка, говорю, ваш придет или не придет, а вы к тому времени, может, успеете с гостем и договор сложить. А гость, говорю, квалификации хорошей, не меньше как по пятнадцатому с нагрузкой.

Она и пересела за ихний столик.

Что уж они за столиком обговаривали, я достоинственно не скажу, только гражданин в порядке обговаривания все: парочку да парочку... И вижу я, что «напарились» они. А барышня ведет себя с ними так, будто она бесприютное дите, так что гражданин окончательно раскисли и от волнения начали глаза бутербродом с икрой протирать.

А тут вдруг влетает в пивную Гришка – этот, значит. Пьяный и без некоторого этикету прямо к ним.

– Ты что, – кричит барышне, – так-перетак! Прослойка ты, кричит, межкляксовая! Путаешься? А ты (гражданину, значит), осколок старого режима, зачем ты раздуваешь огонь моего очага!? Я, может, триста лет на всех фронтах кровь

проливал, прошел через загс к мирному сожителству, а ты, буржуйская твоя морда, к чужим женам коляски крутишь!..

Да как вдарит их по слуховому приемнику, так от неожиданки рядом за столиком один гражданин проснулся...

Ну и пошло у них, и пошло, аж пока тов. милиционер не вернули тишину и покой.

Больше ничего не могу добавить.

Пивная история

Украинский классик о самом насущном

75 лет назад был арестован классик украинской литературы Василь Чечвянский. Его творчество высоко ценили Ильф и Петров. Они дважды приезжали к нему в Харьков, уговаривали заняться переводом их сочинений на украинский. Но Василь Михайлович ничего не успел сделать. Он был расстрелян вскоре как враг народа. Посмертно реабилитирован.

Василь Чечвянский

— Товарищ дежурный! Эти два гражданина в пивной «Новая Бавария» № 3126 завели драку, которая потом перешла в дискуссию разными словами, и вообще, когда я вошел в пивную, они крили друг друга и никому не давали возможности выска-

заться ни «за», ни «против». Поэтому я и забрал их в район. Но раз они оба-два очень пьяные и не могут уже говорить речей, то я для освещения факта взял официанта.

заться ни «за», ни «против». Поэтому я и забрал их в район. Но раз они оба-два очень пьяные и не могут уже говорить речей, то я для освещения факта взял официанта.

.....
— Кто официант? Вы? Расскажите, как было дело.

— Сперва зашли они — это гражданин, значит... Сели. Вроде «парошник», то есть гость не больше как на пару пива.

Я подошел, они заказали: «Дай, говорю, мне для концессионного начала парочку». Сидят себе тихо. Потом заказали еще парочку, потом еще... Сосисок заказали порцию. А потом позвали меня и говорят:

— Нельзя ли, говорят, кооптировать мне для компании вон ту девочку, а то сидит одна за столиком без некоторого соучастия, будто эмигрантка какая... Одному мне как-то грустновато и трудновато довести полно-

А она:

— Я, говорит, ничего не имею против начать с ними конференцию, только боюсь, чтоб Гришка ее не сорвал...

А Гришка при барышне при той вроде за управделами жизни состоит.

А я барышне отвечаю. Гришка, говорю, ваш придет или не придет, а вы к тому времени, может, успеете с гостем и договор сложить. А гость, говорю, квалификации хорошей, не меньше как по пятнадцатому с нагрузкой.

Она и пересела за ихний столик. Что уж они за столиком обговаривали, я достоинственно не скажу, только гражданин в порядке обговoreния все парочку да парочку... И вижу я, что «напари-

лись» они. А барышня ведет себя с ними так, будто она бесприютное дите, так что гражданин окончательно раскисли и от волнения начали глаза бутербродом с икрой протирать.

А тут вдруг влетает в пивную Гришка — этот, значит. Пьяный и без некоторого этикету прямо к ним.

— Ты что, — кричит барышне, — так-перетак! Прослойка ты, кричит, межкляксовая! Путаешься? А ты (гражданину, значит), осколок старого режима, зачем ты раздуваешь огонь моего очага?! Я, может, триста лет на всех фронтах кровь проливал, прошел через загс к мирному сожителю, а ты, буржуйская твоя морда, к чужим женам коляски крутишь!..

Да как вдарит их по слуховому приемнику, так от неожиданки рядом за столиком один гражданин проснулся...

Ну и пошло у них, и пошло, аж пока товарищ милиционер не

Я триста лет на всех фронтах кровь проливал и прошел через загс к мирному сожителю...

«Независимая газета» («НГ – Экслибрис» от 26 января 2012).

Мягкий характер

Я, товарищи, по природе своей очень жалостливый человек и характер у меня соответственный – мягкий характер, плохой характер. Я, например, не могу ударить животное – коня кнутом подживить или корову прутиком хлопнуть. Не могу... Ну, жалко. И из-за этого мягкого и жалостливого характера не люблю я животных. И не то, что не люблю, а сказать откровенно, – просто ненавижу. С моим характером любить животных нет некоторой возможности! И собак не люблю, и кошек, и лошадей, и коз. И тигров тоже ненавижу. Правда, тигров я сроду не видел, но даю слово чести, встрень я случайно тигра, ей-богу, отвернулся б и плюнул. Сказал бы: хоть ты и тигр, а отойди, я тебя не люблю.

А все из-за характера.

Да вот вам пример, почему я не люблю собак. Однажды иду я по улице. Гуляю. Весна – хороше так. Солнышко светит, воробьи строительную кампанию проводят – гнезда созидают. Да. Смотрю, передо мной бежит сучечка рыженькая. Бежит себе, хвост кверху кинувши. Веселая такая сучечка, рыженькая. Вдруг, будто из-под земли, спец с утильзавода, или, по-современному, истребитель собак. С палкой. И та-

ким ангелом к той, значит, сучечке: собачка, собачка, собачка... Сучечка, конечно, глупенькая, к нему, а он ее сразу хо-о-п!! И поволок. Жалко мне стало сучечку, характер же у меня жалостливый, паршивый характер. Надо, думаю себе, спасти животное, пропадет же. Я к спецу и говорю:

– А разве есть такой закон, чтоб хозяйских собак хватать? Сучечка моя собственная, товарищ!

– Ваша? – отвечает. – Очень приятно, что ваша. А почему же, гражданин, у вашей собачки нет на шее обязательного постановления окрисполкома? Без регистрации, сказать бы, собачка ваша?..

Достает из кармана свисток и сюр-р-р-р-р-р-р-р.

Ну а дальше как полагается.

– Тов. милиционер! Вот етой гражданин заявляет, что собака его. Значит, етой гражданин не выполняет распоряжение о беспризорно-собачьих шатаниях. Прошу составить протокол...

Конечно, пускай теперь хоть всех собак передушат на утильзаводе, я не вступлюсь. На такой характер, как у меня, никакой зарплаты на штрафы не хватит.

И кошек тоже видеть не могу. У моей соседки по квартире кошечка есть. Ундиночка называется. Серенькая такая, чистенькая кошечка и, понимаете, каждый день у моих дверей того... Верите, дня не пропустит. Конечно, если б на кого другого, поймал бы ту Ундиночку да об косяк потихоньку стукнул – и было б чисто у дверей. А я ж не могу – харак-

тер. Терпел я, терпел, но наконец не вытерпел. Зову как-то соседку и говорю:

– Гражданка, это ж невозможно. Вы ж прекрасно знаете, что я вашу Ундиночку не ударю и не убью. Так сжальтесь же. Каждый же день... – и пальцем на «вещественное доказательство» показываю.

А соседка мне:

– Я, – говорит, – товарищ, – вегетарианка и насиловать животное не буду... И дивно от вас, от интеллигента, такое слышать...

– Гражданка, я сам знаю, что я интеллигент, но вы только представьте, какой от тех кошек л'ориган?..

– Ну что ж, – говорит, – л'ориган или другой сорт, а Ундиночку я насиловать не буду...

– Не будете, – говорю, – так и я ж не буду, характер мой не позволяет руку на животное поднять, а тебя, гадюка, научу, как надо кошек к порядку приучать... – Да как выхватил у нее из рук Ундиночку, да как начал волтузить соседку той Ундиночкой и по голове, и по спине. Насилу квартиранты водою разлили... Теперь, конечно, суд. Может, еще и в бупре⁶ придется сидеть. Ну что ж, и сяду. И посижу, а характер свой не сломаю. Не бил я сроду животных и не буду. А чтоб больше не страдать через свой жалостливый характер, решил я не любить животных. Пусть над ними другие издеваются. Хватит с меня и Ундиночки. Как вспомню, что двадцать пя-

⁶ Бупр (будинок примусової праці) – дом принудительного труда.

того суд, так предлагай мне сейчас за три рубля целого слова – откажусь. Ей-богу, откажусь!

Рисунок Василя Чечвянского. (Журнал «Червоний перець», № 3 за 1927 год.)

Принципiallyно

Дорогие гости, – проговорил хозяин Иван Иванович Ковдя, поднося чарку, – прежде чем выпить, предлагаю сегодня за столом совсем не говорить по-украински и, вообще, про украинизацию. Имеем же мы, наконец, право хоть дома не вспоминать про угнетение наших общественных прав. Для этого я и плакат вывесил – обратите внимание...

Присутствующие увидели на стене написанный по-русски плакат «Разговаривать только на русском языке».

– Как общество относится к моему предложению?

– Согласен, согласен! Браво! Хорошо! – зазвенели радостные голоса.

– Ну и штукарь же Иван Иванович – всегда что-нибудь придумает и правильно. К черту ту украинизацию – она и на службе надоела... Все те прилагательные и словари...

Гости выпили по одной, по второй, по третьей. Начался разговор.

– Бываете в театре? – спрашивает Ивана Ивановича его соседка, молодая блондинка с покрашенными до отказа губами.

– Бываю. Был вот на «Сэди»⁷ в «Березоли»⁸. Хорошая пьеса и играют хорошо! Ужвий, Крушельницкий... Вообще мне нравится.

– А в оперетке бываете?

– Были недавно с супругой на «Принцессе цирка». Ах! Татьяна Бах!..

– Я тоже была. Правда, прекрасно? Особенно балет. Я в восторге! Слава Богу, что хоть до оперетки не дошла та украинизация, а то ж понимаете...

– Они доберутся, будьте уверены... Будет и Татьяна Бах петь и танцевать украинским языком. Вот увидите.

– Товарищи! – послышалось с другого конца стола. – Мы ж договорились не говорить про украинизацию, а сам хозяин первый нарушает. Неужели нет другой темы для беседы? Иван Иванович, что вы...

– Миль пардон! Не буду! Извините! Степан Степанович, налейте всем, пожалуйста, да выпьем...

Все охотно выпили.

– А водка, знаете, ничего стала. Крепкая и недорогая, – говорит один из гостей. – И, знаете, совсем не жаль, что она украинизирована...

⁷ «Сэди» – пьеса Сомерсета Моэма. Перевод с английского Корнея Чуковского.

⁸ Березиль – украинский театр-студия, основанный в 1922 году в Киеве, с 1926 в Харькове (ныне Харьковский Украинский академический драматический театр имени Т. Г. Шевченко). Сейчас название «Березиль» носит малая сцена этого театра.

– А сколько там той украинизации? «Хлібне вино» вместо «хлебное вино», – говорит Степан Степанович, пожилой человек с пухом и в очках. – И вообще, господа, я заметил, что в деле украинизации питья ориентироваться довольно легко: «вино» и будет вино, «коньяк» – коньяк, «пиво» – пиво, «спотикач» – спотыкач, «ром» – ром, «барзак» – барзак, «Абрау-Дюрсо» – Абрау-Дюрсо...

– И действительно, – радостно подхватывает хозяин Иван Иванович. – И если б в других областях было так легко, то, уверяю, мы б все имели первую категорию. А то выпить легко, а закусить не очень. С закуской уже без словаря не обойдешься. Да я, например. Почему у меня вторая категория. Спрашивают меня на экзамене, как будет по-украински котлета. Я говорю «каклета». И, верите, только за это дали вторую категорию.

– Хорошо, что вторую, а я так еле третьей разжился и то благодаря тому, что в комиссии мой зять был.

– Между прочим, кстати. Это ваш зять выступает правозащитником на процессе про убийство проститутки бухгалтером Кандибобер-Треста?

– Мой.

– Ну как, думаете, оправдают?

– Навряд... Пролетарский суд, знаете, это такой суд, что знаете...

– А интересно, на каком языке идет судебный процесс? Неужели на украинском?

– Ну, конечно, на украинском.

– Господа! А как будет по-украински «прения сторон»? Степан Степанович, вы ж по первой категории...

– А-а, ерунда, – довольно отвечает Степан Степанович. – Будет... будет... «прения боків»...

– Граждане! Опять начали про украинизацию! А плакат? А уговор? Давайте лучше за хозяйку выпьем. За ваше здоровье, Нина Сидоровна! Господа! Под украинскую колбаску! Да здравствует и нечего про украинизацию! Хватит! Яков Платонович, а вы почему не пьете?

– Не х-х-хочу!.. Не ж-ж-ж-желаю пить хлібное вино!.. Ж-ж-ж-желаю по плакату... Ничего украинского, исключительно русское... Хватит... Хватит издеваться над моей личностью... Не ж-ж-желаю...

– Правильно, это я понимаю... Есть у человека принцип, и если б мы все так относились к делу, не было б украинизации, не было б измывательства. Эх-х-х! Беспринципийальный мы народ! Неорганизованный! Ну и «терпим тяжкие муки», как поется в песне.

– А и вправду, господа, давайте запоем. Хором! Ольга Ивановна, начинайте!

Минут через пять униженная украинизацией компания во все горла драла песню «Реве та стогне Дніпр широкий», а принципиальный Яков Платонович, сорвав со стены плакат, выводил на нем карандашом: ««Розбалакувать віключно на російській мове»».

(Журнал «Червоний перець», № 3 за 1927 год.)

Василь Губенко в отрочестве.

**Микроб, который вызвал украинизацию. Рисунок
Василя Чечвянского**

В поле зрения 27 000 000

Объект (*Сценка на курорте*)

Ах! Уважаемые граждане союзных республик!

До чего хорошо, до чего ж радостно стало на свете жить!

И член ты профсоюза, и на собрания каждый день ходишь, и лозунги для тебя развешивают. Все для трудящихся!

Хар-рашо!!!

А в «дореволюционном уровне», позвольте спросить, вы все это видели? Лозунги, кроме «Боже, царя храни», знали? Про тов. Семашка⁹ слышали? Про «Воду, Воздух, Солнце» представление имели? Физкультура вам снилась? То-то и оно.

Меняются, товарищи, времена, меняются. Даже не меняются, а просто мутантур¹⁰ с ними происходит, будь я трижды проклят.

Гадал ли, мечтал ли я, заурядный смертник десятого разряда без нагрузки, по Алушке в одних трусах ходить, в море купаться и под солнце свой корпус подставлять. Жарь, дожаривай!

⁹ Семашко Н. А. (1874–1949) – советский партийный и государственный деятель, один из организаторов советской охраны здоровья.

¹⁰ Tempora metantur (лат.) – времена меняются. (Примечание переводчика.)

И не думал, товарищи, и не гадал, а хоть и скажу, что думал – не верьте. Брешу. Брешу «в общем и целом», будь я трижды проклят.

Вот вы сейчас смотрите на меня и улыбаетесь. Думаете себе: выпил, пьяненький товарищ, пускай, мол, немножко поговорит...

Так-то оно так, да только ошиблись вы, товарищи!

Так, да не так.

Беспартийно-сочувствующий?

Снова не туда.

Объект я – вот кто мы такие!

Это врач наш санаторный так говорит. Вы, говорит, тов. Смычкин, – объект. Объект для наблюдений.

Спрашиваю товарища доктора, как такую квалификацию понимать надо?

Отвечает товарищ доктор. Это значит, что мы на вас, у которого верхушка, значит, не в порядке, тупость вроде найдена, наблюдаем, как санаторный режим действует. А по вас, говорит, и на других больных то же самое проделываем...

Что ж, говорю... Пожалуйста, проделывайте. Обратно, ничего не имею против. Раз я могу в пользу обществу стать, проделывайте, пока живой.

И получается: лежат себе хорьки в санатории и не подозревают, что среди них объект лежит.

А вы думаете, что я своим объектством задаюсь? Ничего подобного! Не такой я человек.

К чему это, раз кругом радость...

Водичка – мочит тебя, ветерок – сушит, солнышко – поджаривает. Хар-р-рашо!

Общество килограммов набирает, здоровье закаляет, чтоб с новыми силами непосредственное участие в новом строительстве принять на страх буржуазии и режима экономии.

А «мертвый час»? Гос-с-споди! Блаженства того, блаженства сколько! Лежишь себе вверх животом на кровати, желудок полон белков и углеводов и слышишь, как в тебе разносортные калории ходуном ходят... Химия-с!!

Смеетесь, товарищи? Что ж, посмейтесь. Смех тоже радость. А я не обижусь, не такой я человек.

Про меня даже женка моя Степанида Марковна говорит: – И что ты за человек такой, Степа? Тебе хоть сразу всю бороду вырви, хоть по одной волосинке выдергивай – ты не обидишься.

А зачем? Не такой я человек, чтоб обидеться да еще когда кругом радость.

Ну, бывайте здоровеньки, товарищи. Купайтесь себе, закаляйтесь, а я пошел в санаторий обедать... И хоть смейтесь, хоть не смейтесь, а изменились времена – и жизнь теперь не жизнь, а радостная параллель!

Ну, пошел. Адье вам и курорт-привет!

Два девяносто

Примером, сегодня.

Прохожу я у ВУЦВКа,¹¹ а громкоговоритель на всю площадь:

– Газета, – говорит, – помогает нам усовершенствовать жизнь, газета, – говорит, – способствует нашему культурному развитию, газета – говорит, – это шестая держава...

И как начал, как начал расхваливать те газеты...

А под конец посыпались из трубы одни призывы.

– Граждане! – кричит. – Распространяйте газету! Выписывайте газету! Читайте газету!

Выходило, лучше газеты ничего нет на свете. Только выписывайте.

Я, конечно, как человек культурный не стану возражать, что от газеты пользы много. Пожалуйста, печку ли разжечь, стельку ли в сапог положить, окна ли завесить... Но чтоб от чтения газеты была какая выгода – извините. Пускай хоть в четыре громкоговорителя доказывают мне это – не убедят, потому, уважаемые граждане, как я из-за газеты пострадал, то теперь к чтению газеты меня никакими громкоговорителями не вернешь.

Недели три тому назад надо было мне к знакомым

¹¹ ВУЦВК – Всеукраинский Центральный исполнительный комитет.

на Клочковскую.

Добро.

Сажусь на Павловской площади Розы Люксембург на трамвай. Разворачиваю «Вечернее радио» – за пятак купил, когда в очереди стоял, – читаю, еду.

Кондуктор, конечно: «Ваш билет». Даю три рубля, не было мелких. Дает кондуктор билет. «А сдачу, говорит, сейчас, гражданин, получите».

Хорошо. Еду, читаю про тройное самоубийство на Холодной Горе.¹² Интересно так пишут.

Слышу: вагон дальше не пойдет... Не заметил за чтением, как до последней остановки доехал. Слез с трамвая и пошел. Прошел с полквартала и вспомнил:

– Боже ж мой! А сдача? Два девяносто!

Моментально – обратный ход. Прибежал на остановку, трамвай стоит. К кондуктору:

– Товарищ, – говорю, – сдачу. Два девяносто! Сейчас ехал, забыл взять. Дал три рубля, а два девяносто, значит, сдачи...

А кондукторша мне и говорит:

– Какие, – говорит, – два девяносто? Даже странно. Я, – говорит, – вас, гражданин, не везла и трех рублей не брала. Вы ошиблись, – говорит. – Даже странно.

– Действительно, – говорю, – ошибся. Тот кондуктор был мужчина, а вы, извините, женщина. Но что ж делать? Посо-

¹² Холодная Гора – район в Харькове.

ветуйте ж, товарищ, пожалуйста. Два ж девяносто!

А кондукторша мне:

– Хоть нам, – говорит, – инструкция и не позволяет с пассажирами дискуссии разводить, но советую вам догнать предыдущий вагон. Он недалеко, на первой остановке стоит, и там кондуктор мужчина. Может, и деньги ваши у него.

Побежал.

Догнал. Вскакиваю. Кондуктору:

– Дайте мне, – говорю, – два девяносто!

А кондукторша (и тут снова кондукторша):

– По какому праву вы вымогаете два девяносто, если вы мне три рубля не давали... Даже странно...

Тут я уже не выдержал:

– А по какому праву, – кричу, – вы женщина, если мне на последней остановке сказали, что вы мужчина? Как три рубля брать, так вы мужчина, а как сдачу, так вы женщина... Даже странно...

– Тогда, – говорит, – ослобонить, гражданин, сейчас же вагон и не мешайте нормальному движению. Мы таких субчиков знаем, хотите нашармака проехать.

Тут и пассажиры начали:

– Не задерживайте вагон.

Я, конечно, распалился:

– Не слезу, – кричу, – хоть зарежьте! Два ж девяносто!!

Ну, пассажиры все за кондукторшу, вагоновожатая тоже. Наконец – милиционер. В отделении еще три руб. припая-

ли. Значит, уже шесть. Да пятак, что за «Вечернее радио» заплатил.

Вот теперь, граждане, и рассудите, всегда ли польза бывает от чтения газеты.

Конечно, репродукторы всего этого не знают, а если б знали, то б меньше шумели.

А то крику, крику...

Даже странно!

1928

ИностраннЫЙ язык

Теперь, товарищи, я своего сына каждый день буду лупцевать. Не учит, понимаете, иностранные языки. Так по наукам идет ничего и физкульт основательно знает, и

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем!*

бойко запузывает. И вообще смена растет подходящая. А иностранные языки не учит. А это плохо. В наше время без знания иностранного языка жить трудно. На каждом шагу натыкаешься на какую-нибудь иностранщину: то заграничная делегация приедет, то в клубе тебе доклад читают. Да и в повседневной жизни без этого лиха не обойдешься.

Вот как-то в кино зашел. Последний боевик заинтересо-

вал. Название такое иностранное – «Спиртак».

Думаю, надо зайти.

Зашел и сразу почувствовал, великое дело знание иностранного языка.

Захожу, значит. Жду. Демонстрировали еще первый сеанс, а я на второй.

Жду и «экселянс» закуриваю. Подходит милиционер и говорит:

– Курить тут низзя! Тут, – говорит, – хвойе, а не вистюбиль. Платите, гражданин, три рубля штрафа для аннулировки конхликта.

– Извините, говорю, товарищ, я думал, что это...

– Никаких контрпромиссов, гражданин! Видите плякат, ясно написано: «Курить у вистюбиль».

– Я, товарищ, думал, это и есть вистюбиль.

– Ну, то уж дело не мое, раз вы, гражданин, слабоваты в иностранном языке. Мое дело ликвидировать порядок. А то только дозволь инерцию публике, так получится сама вахканалия. Платите без прений!

Заплатил я три рубля.

И правильно. Изучай иностранные языки вовремя, тогда тебе за вистюбиль никто штрафа не пришпандорит.

Ответственность момента

В тот момент, когда аудитория была окончательно покорена силою ораторского красноречия, в тот самый момент, когда не только дежурный пожарный, но даже и члены президиума перестали зевать и начали внимательно слушать, в тот момент, когда сам оратор увидел, что его речь окончательно обошла все рифы и теперь спокойно полилась, как Днепр ниже порогов, – в тот самый момент в рот оратору влетела муха.

Оратор фыркнул, закашлялся, удивленно развел руками, словно хотел сказать: «Товарищи, в чем дело?», но потом решительно поймал муху кончиком языка и проглотил.

Конечно, если бы это событие произошло при других обстоятельствах, скажем, за обедом, можно было бы просто ликвидировать недоразумение. Выплюнул муху и баста.

Но плевать на сцене перед публикой да еще в такой ответственный момент было абсолютно невозможно: неэстетично, некрасиво и некультурно, тем паче, что оратор битых два часа говорил о культурной революции.

В бане

Жарко!

Шумят души, шумят краны с холодной и горячей водой.

В облаках мягкого пара бродят голые фигуры: толстые, тонкие, длинные, присадистые, худые – всякие.

Фигуры сопят, стонут, охают, ахают. Не от боли, конечно, а от полного, можно сказать, удовольствия.

Моются товарищи.

Старенький хлипкий банщик Тихон производит, как он любит говорить, «усякие системы» над очередным клиентом.

Клиент, толстый, шарообразный субъект, лежит на мраморной скамейке и сопит, как кузнечный мех.

– Давненько вы не бывали в нас, Сила Степанович, – говорит, намыливая клиенту бока, – давненько, лет пять не заглядывали... А в нас видите какой переворот у курсе политики произошёл – настоящая тебе матимирхвоза... Не те времена, не те, что и говорить не двадцатый годочек... Тогда, бывало, если припоминаете, Сила Степанович, чтоб достать такого удовольствия, без аршинного мандата и не думай, и не гадай! А теперь – просю покорно: за рубляшик, а если ты профсоюзный член – за 85 коп. парься досхочу... Это как в купе. А которая публика низкорядного достоинства – можно и дешевле... Да! А порядки какие были – срам. Холод, грязь, в парной никаких функций. Ежели благородному человеку по программе выпариться надо, хоть плачь... Повернитесь бочком, пожалуйста, надо еще и с этого фланга систему произвести...

Сила поворачивается своим здоровенным «бочком».

– Так что скажете про наше заведение, Сила Степанович? Наверно, в двадцатом и мысли не было, как можно из хлева такую картинку соорудить?

– Все это так, – бормочет Сила, – все оно, конечно, хорошо и даже дивно, а советская власть, безусловно, в чистоте понятия имеет и если б везде такая политика – лучшего и желать не надо... Но какая корысть, Тихон Радивонович, от той чистоты, раз душа твоя не знает покоя, раз ты, примером говоря, по профсоюзной линии свободное лицо... Ну вот, скажем, я. Ты меня спросил, почему я к вам долго не заходил. А причина тому, братец ты мой, очень простая и понятная... Сопричислен я, голубчик, к слободному алименту и помогаю правительству разные кампании проводить. Без меня ни одна кампания не обходится. Вот и теперь три дня как из дальних мест: принимал участие в снижении цен.

Последняя реплика заставила меня засмеяться. Сила опасливо оглянулся и, увидев меня, начал что-то тихо говорить Тихону. Я лишь разобрал: «Неосторожность... черт... еще чего доброго из тех... из смычкистов. Вишь, «глиста какая худосочная»...

Я отошел, чтоб не смущать Силу.

Вдогонку слышал только спокойный козлетон Тихона:

– А кто его знает: по голому человеку никакого хвакта кроме голого определить невозможно. Все мандаты в раздевалке остаются...

Маленький кругленький человечек полосовал веником

высокую лысую фигуру по худой спине, и сладенький тенорок журчал:

– Я, дорогой мой Василь Дмитриевич, хожу сюда каждую субботу. Без гигиены жить не могу. Меня еще покойница мамаша с малства к гигиене приучила, побивши в палки на мне не один веник... Да и ревматизма моя жестокая того требует. А страдаю я ею, проклятушей, давно. Как прицепилась анахвема еще при царском гнете и не отпускает, хоть плачь. В Харькове за это время четырнадцать правителей сменилось, а она как засела и нет на нее никакой революции. Только тут и спасаюсь. Парок – от ревматизмы первеющее средство. И, благодарение Богу и советской власти, харашо на этом фронте стало. Баня, она хоть и коммунальная, а все тут пунктуально содействует, а в парной еще и не всякая комплекция выдержит, сами увидите, Василь Дмитриевич.

В прошлую субботу я парился с приятелем своим Сергеем Ивановичем, так его, знаете, апоколипсический удар ударил.

Карету скорой помощи вызывали. Правда, Сергей Иванович необычайного корпуса человечие и веса он по старой системе – на пуды – пудов восемь, а на разные там километры, может, и больше, кто его знает, а все ж таки... Вы, кажется, готовы, Василь Дмитриевич, так пойдёмте париться, Господи благослови...

Я пошел в раздевалку. Уже одетый Сила Степанович прощался с Тихоном и говорил:

– Хотя по-вашему, по-советскому, чаевые и есть позор трудящей личности, но я не могу без этого. На, возьми... А что, если та глиста еще моется?

– Моется, моется, Сила Степанович, покорно вас благодарю, моется.

«Глиста» одевалась.

И тут революция!

Чтобы повысить музыкальность среди красноармейцев, в Ленинграде организуют хоровые инструкторские курсы.

«Известия ЦИКа»

То ли дело старые времена.

Музыкальность сама повышалась, ибо как выйдет, бывало, фельдфебель – этот инструктор и дирижер – да как загнет певцам несколько музыкальных реплик, так аж стены раздвигаются от «царя туре-ах-мед-ско-го» или от «цыц, Дунька, молчи, Дунька!»

– Снова басы не в тую астрорябию попали!! Выше! Выше-е-е, растуды твою налэво!!! Тенора, грубээ-е-е!! Рабинович! Обозначай шаг на месте, а не крути задом, как холоднорская торговка. Тоже защитничек Отечества...

.....

Одно слово, методы были преимущественно практические, а теория играла роль подсобную и то в случаях, так бы

сказать, экстраординарных.

– Ой, штось-то я, ребята, замечаю, что началась юринда. Разве это пэние? Стоят и ротом двигают для маскировки. И хоть бы один-два, а то таких неизвестных игоистов расплодилось штук сорок...

– Дежурный! Собрать после молитвы всех «неизвестных» – список я дам – надо теорию загнуть, хоть и не люблю я етой канифоли... Р-р-раз-зойдись!!!

.....

– Да!.. Так знаэте вы, господа игоисты, што такое пэние? Для чего оно? Ты думаешь, Сидоренко, што это так себе, «предмет» и больше ничего? А звесно ли тебе, необразованная твоя морда, што пэние кроме того, што веселит салдацкую душу, приносит пользу твоему ограниченному здоровью?

Оно розвиваить слизистую оболочку!!!

А как розвиваить, я вам, сукины сыны, сейчас объясню.

У каждого человека в горле есть клапан. За тем клапаном есть перепонка. Или, по-ученому, слизистая оболочка.

И вот, как ты поешь, из тебя – через груди – выходит напор из воздуха и дергает тую перепонку, как струну.

Значить, и грудям – розвития, и перепонке – розвития и... дурной твоей голове – розвития, потому как не будет через твою дурную голову от начальства замечания и не будешь ты без смены на кухне картошку чистить.

Вот что значит пэние!!!

– А ну, Сидоренко, вжарь на предмет репетиции «Полюбила коваля»!

– На месте шагом ма-а-р-рш!!

.....

А сейчас?

Кончит тот инструктор курсы, приедет в свой гарнизон, соберутся красноармейцы в клубе или еще где там и начнется: теория музыки, сольфеджио, ноты, гаммы, разные там сибемоли да до-диезы, модераты да в «піч-ті-кати».¹³

Ну, скажите, пожалуйста, скоро ли за такую кучею теории бедная слизистая оболочка дождется развития?

А еще говорят, что...

Эх-х-х...

1925

Разочарование

Я, уважаемые товарищи, человек почти культурный и во всем полагаюсь на науку. Не могу, одним словом, без науки дыхнуть. Например, жена огурцы солит, а я стою рядом с «Подарком молодым хозяйкам» в руках и слежу, чтоб все по науке было. Подвернется, скажем, такая ситуация – надо сынку клизму поставить. Я беру «Сам себе врач» и, пока мой сын дерет горло, держась за живот, перелистываю три-

¹³ «Піч-ті-кати» – каламбур, напоминающий музыкальные термины типа модерато, стаккато, пиццикато.

ста страниц «Самого себе врача», нахожу то место, где говорится о научной постановке клизмы, и сынок мой начинает визжать уже от науки:

Вообще никто не имеет права упрекнуть меня в том, что я игнорирую науку. Ни в коем случае.

И когда я, прочитав в газетах (видите, и газеты читаю) о затмении солнца 29 июня, начал готовиться к этому всемирному событию. В этом ничего странного нет. Готовился я основательно. Читал «Вечернее радио», закоптил стекло, невольно вспомнил, что в начале войны 1914 года тоже было затмение солнца... Но вспомнил это между прочим, потому что уверен, что войны не будет: войны-то мы не хотим. А придется воевать, так пусть знают акулы, что мы готовы. Кстати, никогда не думал, что сахарин такой дорогой. Если сравнить с таранкой, выходит, что кило сахарина стоит, как пять пудов таранки. Ну, сахарин спрятал в радиоприемник, а что с таранкой делать – не знаю.

Кум Бензол Осипович надоумливал сделать из таранки матрац. Пожалуй, придется так и сделать. Немного неприятно, но ничего не поделаешь. Хочешь мира – готовься воевать».

Значит, про затмение. 29 июня проснулся в шесть. Позавтракал таранкой. В семь вышел из дому. Решил наблюдать на улице, как природа будет переживать это событие. Наука говорит (читал в календаре), что растения, а особенно животные, реагируют. Ладно. Началось затмение и вместе с тем

началось мое разочарование в науке.

Действительно, товарищи, с затмением наука подкачала.

Истинно – видел. Безусловно, солнце потемнело с левого фланга. Вроде кто на него надвинул, а потом отодвинул обыкновенную сковороду. Да и то не смог на все солнце надвинуть, а лишь на половину.

Ну, надвинул! Ну, ладно! А дальше? Где смена явлений в природе? Где паника среди животных и растений? Не видел никакой паники. Правда, в трамвае на Пушкинской была свалка, так то совсем по другой причине. Высаживали гражданку какую-то, хотела пятилетнего сына провезти за трехлетнего и кричала кондуктору:

– У мене муж не знает сколько ему лет, а то он знает...

Так это у нас каждый день случается.

Животные держались спокойно. Лошади извозчиков, как и всегда, оставляли на мостовой нормальную дозу спецпрокорма для воробьев, собаки в намордниках тоже вели себя пристойно. Открытых выступлений против усушки собачьих прав не замечал. Козы? Да сколько тех коз в Харькове?.. Люди?..

Люди действительно реагировали, но как-то невыразительно. Каждый смотрит на солнце через черное стекло, а что у него в голове – поди узнай. Иной глядит на солнце, а сам, может, думает: «Не опоздать бы в должность, а то оштрафуют».

Люди – они всегда люди.

А паники не было абсолютно. Не то что паники, даже пьяного ни одного не видел.

Вот и верь после этого календарям, верь научным авторитетам. Ей-богу, еще одно затмение и я окончательно разочаруюсь в науке. А может, сделать это сейчас, не ожидая затмения? По крайней мере, хоть моему сыну будет легче.

Про удочку, рыбку и вообще

Лучшее развлечение летом – ловить рыбу удочкой. Когда человеку опротивеет белый свет, человек начинает удить. Разницы между этими двумя занятиями почти никакой, потому человек ничем не рискует.

Как же ловится рыба на удочку?

Плохо ловится, а чаще совсем не ловится.

Что такое удочка в целом?

Поскольку русскую поговорку «На одном конце червяк, а на другом дурак» в наших украинских разговорах применять несколько неловко, мы обозначим удочку так: удочкой называется снаряд, предназначенный для массовой перевозки в дачных и других поездах в направлении мест, богатых речками, озерами и ставками. В окрестностях, где нет железной дороги, массовую перевозку заменяют массовой переноской.

Удочка – вещь довольно сложная. Состоит она из удили-

ща, лески, поплавок и крючка.

Удилище. Длинная бамбуковая или ореховая дубина, которой, отправляясь на рыбалку, очень удобно сбивать яблоки с самых высоких яблонь. Сбивать яблоки в чужих садах не рекомендуется. Для этого, кроме удилища, надо иметь в наличии еще и резвые ноги.

Леска. Тоже длинная, но уже не дубина, а нитка. Шелковая, или из английского шпагата, или из конского волоса. Важная деталь: лучше рыба ловится на леску, сделанную из хвоста смиренной коняги.

Особенность лески, независимо от материала, из которого она сделана, – запутываться как раз тогда, когда вы пришли на речку и собираетесь пустить удочку в «действие». И так запутывается, проклятая, что почти всякий раз приходится распутывать ее способом Александра Македонского.

Крючок, или рыба смерть. Это та часть удочки, которая имеет органическое свойство цепляться за все кроме рыбы. Цепляется за осоку, лозу, камыш, ваши собственные брюки, подводную корягу и иные не относящиеся к рыбе предметы. Автору довелось в прошлом году вытащить из Ворсклы обычные парикмахерские ножницы, но рыбы, по крайней мере в тот день, как и вообще во все лето, ни одной не поймал.

Поплавок. Поплавок исполняет роль сигнализатора. Он чрезвычайно точно и своевременно кивком напоминает вам, что насадка уже благополучно съедена и пора насажи-

вать на крючок новую, ибо рыба, это нетерпеливое существо, мигом покинет ваши удочки и начнет есть насадку у вашего соседа. А это вызывает зависть. Убийственную охотничью зависть. В самом деле ужас. Вы собственными глазами видите, что рядом у Петра или у Грицька клюет и клюет, а ваши поплавки невозмутимо спокойны. Тут от зависти у вас внутри может нетерпячая жила лопнуть. Вообще поплавок невероятно важная часть удочки. По крайней мере он всегда показывает, что рыба в речке еще не перевелась и чувствует она себя неплохо, позавтракав вашей насадкой.

Некто из евангельских вождей сказал, что «вера без добрых дел мертва есть», вот так и на удочку без насадки рыбы не поймаете.

Что же такое насадка?

Насадка (иначе – меню рыбьего столования) – это все, что насаживаете вы на крючок с целью поймать рыбу. Рыба хватается насадку, вместе с нею крючок и... Ах! Понимаете теперь, мы не ошибемся, если скажем, что насадка в сложной системе удочки играет роль заурядного провокатора.

Рыбных провокаторов не счесть (по этой части рыба счастливее человека) – горох, пшеничка, каша, хлеб, макуха, червяки, мотыльки, мухи, кузнечики, жабы и живцы. Живцы – это маленькие рыбки: пескари, верховодки.

Лучшая насадка, в чем мы убедились на собственном опыте, это горох, пшеничка, каша и хлеб. Насадки, которые в одинаковой степени усваивают как рыбаки, так и рыбы.

Этого не скажешь о червяках, мухах, кузнечиках, мотыльках и лягушках. Тут рыба *за*, а рыбаки категорически *против*. Несколько отдельно стоит макуха. Конопляную макуху есть можно. Посоленная она неплохая. Макуха из рапса, подсолнуха, льна значительно хуже конопляной. Очень горькая.

Но эти сорта макухи имеют прекрасную особенность. Чем больше сидите вы на речке, тем больше они приближаются по качеству к конопляной.

.....
Мы описали основные орудия, имея которые рыбак приобретает право мечтать о массовом уничтожении щук, карпов, окуней.

Теперь несколько слов о подсобных.

Сумка, или кошелка, куда вы имеете возможность положить хлеб, сало, селедку, воблу, яйца, спички, махорку – предметы, отсутствие которых скверно сказывается на результатах лова. Вывод: чем больше кошелка, тем больше шансов, что вы нескоро отправитесь домой, следовательно, больше поймаете рыбы. Опыт подтверждает, что количество пойманной рыбы прямо пропорционально количеству потерянного на рыбалке времени.

Палка. Обыкновенная палка. Ее назначение защищать ваши брюки и икры от местных собак. Иные скептики могут возразить, что палка уж и не так необходима.

Автор же остается при своем мнении. В доказательство он довольно охотно демонстрирует следы собачьих зубов

на правой авторской икре. Эхо тех времен, когда автор был скептиком и игнорировал советы мудрых рыбаков.

Некоторые советы для начинающих

Приветствие рыбака. Придя на реку и увидев, что какая-то кикимора уже сидит и удит, вы подходите, садитесь рядом и говорите:

– Рыбка плавает по дну!

Опытный рыбак, такой, знаете, рыбий волк, обязательно не глянет на вас, но скажет:

– Не поймаешь ни одну.

Считайте, что знакомство оформлено, и вы имеете право затеять короткий профессиональный разговор.

– Клюет?

– Садись, сам увидишь.

– Есть что-нибудь?

– Нет. Кроме тебя еще ни одного дурня не было.

– Так! А на что ловите? На макуху, говорят, хорошо берется.

– Берется и на макуху. А пока иди ты ко всем чертям. Чтоб не было близко и твоего духу...

Конечно, это нетипичный разговор, но приведенный отрывок свидетельствует о том, что вежливость и приветливость у рыбаков стоят не на последнем месте.

Как поймать много рыбы

Есть разные способы, но лучшим считается такой.

Заранее подмечаете, где ставят сети на ночь рыбаки-профессионалы. Ночью садитесь на лодку, тихонько подъезжаете и вытряхиваете из сетей рыбу в кошелку (видите, кошелка!) и отправляетесь домой. Надо лишь каждой рыбе крючком во рту проделать дырочку, чтоб потом было легче доказать, что рыба поймалась на удочку.

Этот способ – прекрасный способ. Среди рыбаков он имеет чрезвычайно поэтическое название – незабываемый способ. Забыть, сколько раз вас били и как вас би-или, действительно трудно.

Заканчивая статью, разве можно удержаться от призыва: – Граждане! Хотите дольше прожить на свете – ловите рыбу!

Помните, самый живучий народ на свете – это удильщики. Пример. Автору этих строк сорок с гаком. Удочкой орудует лет десять, причем незабываемым способом ловил за всю жизнь раз тридцать, не более одного раза за лето.

И, как видите, живой.

«Оскудение»

Председатель местного филиала союза охотников сложил

газету и вздохнул.

– Снова...

– Что снова? – спросил секретарь.

– Да вот снова в субботу у Кулгиновки один утонул – за уткой в болото полез, – а один всадил заряд в спину какому-то селянину. Насмерть было не уложил. Надо что-то делать, Василь Гордеевич. Читал я недавно в одной столичной газете, что следовало бы таких горе-охотников водить на охоту с инструкторами. Может, и нам попробовать, как вы думаете? А?

– А что ж, давайте попробуем.

– Добро. Пишите постановление.

.....

Из лесу вышла группа охотников, человек, двадцать. Пройдя шагов двести, группа расположилась на небольшом бугорочке. Один из охотников, важный старичок в роговых очках, с палочкой и термосом на плече, снял шляпу, вытер лысину платочком и сказал:

– Ну и печет...

– Да, припекает, – ответил ему юноша, обвешанный патронташами, ягдташами. – Однако, Кирила Петрович, уже полчетвертого. Может, начнем?

– Сейчас начнем.

И в этом «начнем» слышалось что-то такое, будто Кириле Петровичу придется по крайней мере начинать или умирать, или садиться в специальное кресло зубного врача.

– Значит, почтенные товарищи, на прошлой неделе мы

с вами штудировали утку. Уверен, что вы еще не забыли моих замечаний и указаний. Тема сегодняшней нашей лекции – заяц.

Заяц принадлежит к группе диких зверей. Водится преимущественно повсеместно. В природе существует много зайцев, но грубо, схематично, так бы сказать, их можно поделить на четыре породы: железнодорожных, радиозайцев, базарных и лесных (полевых, луговых). В данном случае нас, охотников, интересуют лишь две последние породы, то есть базарные и лесные, потому как первые две породы изучают довольно усердно и не без успеха охотники железнодорожного контроля и агенты финотдела.

Значит, про базарных и лесных зайцев.

Из предыдущего моего замечания вы наверняка сделали вывод, что названия «базарный», «полевой», «луговой» и «лесной» зайцы перенимают от тех местностей, где они плодятся, живут, работают и исполняют разные обязанности, возможно, выборные, а возможно, и по назначению. Что такое базар, лес, поле, луг вы знаете из моих предыдущих лекций, но ради целесообразности коротенько напомним. Базар – это местность, где ваша мама закупает продукты, лесом называется общее собрание деревьев, лугом – пленум травы и сена, а полем – жилплощадь будущих французских булок, псковских печений и копеечных бубликов.

В этом месте Кирила Петрович закурил трубку. Аудитория придвинулась ближе.

– Идем дальше. Характерные признаки зайцев: короткий хвост, длинные уши, задние ноги длиннее передних.

Обличьем своим зайцы напоминают в некоторой степени небольших собак и поросят до трехмесячного возраста. Следственно, чтобы во время охоты вы невзначай не ухлопали щенка или поросенка, помните главное: зайцы никогда не гавкают и не хрюкают. Значит, если вы заметили где-нибудь зверину, которая, по вашему мнению, может быть и зайцем, вы, прежде чем стрелять, потихоньку подходите к зверине и нежно говорите: «цю-ци, цю-ци» или «пац-пап-пац!» И если после этого зверина не тьякнет и не хрюкнет – стреляйте. Никакого сомнения: перед вами заяц.

Теперь переходим ко второй части нашей лекции, а именно: как стрелять зайцев?

Внимание, товарищи! Помните, что охотник не для того существует на свете, чтобы изучать зайцев, он призван истреблять зайцев.

Как же стрелять зайцев, чтоб: 1) не отстрелить себе руки или ноги (трудно в наше время добыть протез) и 2) не застрелить кого-нибудь из товарищей (хлопоты по организации похорон, подготовка к надгробному слову, алименты собаке убитого и т. д. и т. д.).

Во избежание этих неприятностей надо: а) точно установить, под каким градусом северной долготы или западной широты сидит или лежит заяц, б) под каким градусом (не водочным, конечно) стоите вы.

Определив все это, вы прикладываете ладони рупором ко рту и кричите:

– А-а-ау-у-у-у-у! Товарищи-и! Я увидел зайца! Он лежит на запад от меня под 42/88 северной широты. Сейчас стрел-л-л-ля-я-яю-ю-ю-у! Заряд полетит на северный запад! Кто там ходит, убегай или прячься! Пре-ду-преж-даю-у-у! Раз, два, три!

А потом уж спокойно стреляете.

Это когда заяц лежит. А когда заяц бежит, способы подготовки к стрельбе остаются прежние. Разница лишь в том, что всю подготовку вы проделываете быстрее, в зависимости от скорости заячьего бега. Вместо степенного «А-а-а-у-у-у-у! Товарищи, я у-уви-и-и-иде-е-ел» и т. д. вы кричите на одном дыхании живо-живо: «Товарищи, я увидел зайца, он бежит» и т. д. Если на вашу тираду заяц, как говорят, припустит, то и вы соответственно припустите.

На этом я заканчиваю нашу сегодняшнюю лекцию. Зачеты в воскресенье за две недели, тут же. Экзаменовать буду по программе:

Утка и ее влияние на психологию начинающих охотников, заяц и статистика несчастных случаев во время охоты, охотничья собака и ее миропонимание.

Аудитория принялась закусывать.

Солнце припекало.

Когда будут крематории

Как оно тогда будет?

А вот как.

Купил себе просторный шкаф или пристроил к стене полку, расставил там урны или, если ты патриот, опошнянские кувшины с прахом незабвенных и дорогих твоему сердцу покойников.

Пришли, например, к тебе гости.

Пока жена готовит закуску на радиокухне, ты, не допуская того, чтобы гости разглядывали альбом, рвали переплеты и слюнявили пальцами фотографии, подводишь их к полочке и начинаешь:

– Деда Кондрата пепел. Умер тогда-то. Знаменит был тем, что мог сразу съесть два жареных индюка, был, как бы сказать, уникам. Ведь сколько стоит свет, ничего подобного не было зафиксировано. И лишь после смерти деда Кондрата знаменитая пословица «Нет хуже индюка: одного мало, а два не съешь» вновь обрела право на существование.

Отец Михайло. При жизни преобыкновенный человек, после смерти прославился на весь мир. Сгорел в крематории за две минуты, тогда как простой упокойник горит минимум двенадцать минут. Удивлялись даже крематорщики.

А покойная мама Параска, жена его, стоит и говорит, слезы платком утирая:

– Ничего дивного, люди добрые. Покойничек, царство небесное, так наспиртовался за 75 лет жизни, что я все удивляюсь, как он живьем не сгорел.

– А это макитра с прахом тетки Килины, знаменитой лебединской бубличницы. Дородная была женщина – пудов на девять. В обычную урну не вошла. Пришлось макитру покупать.

А вот малюсенький кувшинчик с прахом дяди Миколы, известного украинского пролетпоэта. Еще при жизни так измолотили его критики и профессия, что пепла почти не осталось. На кувшинчике – видите? – вылеплена эпитафия, которую он написал за две минуты до финиша:

*«Жизненная закончилась история...
Небольшая очередь в крематорий –
И я умру... Оставляю вам
Горсточку пепла в икс грамм...»*

.....
Сели вы с гостями за стол, начинаете закусывать, а ваша жена вдруг:

– Знаешь, Остапчик, сегодня твой покойный папа именинник!

Вы к шкафу, урну с пеплом папаши на стол и:

– За потустороннее здоровье Михаила Кондратьевича!
Ур-ра-а!

Гости чокаются с урною, и покойник принимает непосред-

ственное участие в веселой вечеринке.

Можно даже пойти дальше: открыть крышку урны и плеснуть туда рюмку водки прямо в пепел: иллюзия участия покойника в вечеринке достигает всех ста процентов.

В наши дни это совершенно невозможно.

.....

Если кто из гостей намекнет, что ваша коллекция пепла родственников скромна, а его куда богаче, не отчаивайтесь. Выйти из этого не очень приятного положения довольно легко. Вы отвечаете счастливицу, что 18 урн вашей коллекции сейчас в ремонте. Красятся. Это мгновенно повысит ваши акции. А если хотите, можно вызвать и сочувствие аудитории таким правдивым способом.

Вы, вздыхая, рассказываете, что вчера в шкафу № 2 скреблась мышь и бесовский кот, бросившись на нее, начисто смахнул с полки все урны. Кокнулось 14 урн с пеплом и две пустых, купленных случайно про запас для тещи и тестя.

Со стороны гостей сочувствие безусловное и счастливицу посрамлен.

.....

Так будет.

И тогда слова, которые пишут на крестах и памятниках, – «Дорогому, незабываемому» – действительно будут иметь значение. Сейчас, например, вас перебрасывают по профлинии из Харькова в Киев. Не повезете же вы с собой могилы

и, конечно, все «незабываемые» сразу становятся забытыми. А тогда – раз плюнуть. Ящик, древесные опилки или дешевая вата и – поехали деды, бабы, тети, дяди и т. д. в Киев.

Одно только страшно. Это чтоб в те прекрасные времена не было жилкризиса. А то, понимаете, в шкафу на месте урн будет спать ваша дочечка Сатира, а на полке в кабинете пристроится ваш безработный брат Юмор Кондратьевич и временно проживет три года.

Если не будет жилкризиса – прекрасно все будет.

1927

Кино на селе

– Так говорите, Гурович, у вас в селе кинематограф есть?

– А то как же! Самый разнастоящий! Каждое воскресенье такое в школе разделявает!

– Интересно?

– Очень интересно! Спасибо нашим шефам, угодили, сказать бы, народу!..

– Давно он у вас? Расскажите, пожалуйста, как же оно так случилось, что и у вас, в селе, кинематограф появился?

– С охотой...

Началось оно так...

На Вторую Пречистую ходил по селу наш исполнитель Гарасько и наказывал, чтоб в воскресенье прямо из церкви «весь народ и которые женщины шли к сельсовету на сход».

Оповестили, мол, по телефону из района, что в воскресенье приедут к нам в село шефы.

– Приедут, – проказывал Гарасько, – небеспременно прямо из города на антанабиле, а потому не опаздывайте, граждане! Оно хоть и шеф, а все ж таки человек, и неудобно показывать свою полную индихвиренцию, когда человек старается, хоть и на антанабиле...

Явка, между прочим, добровольная, а потому, кто опоздает или вовсе не придет... говорить не приходится. Однословно, чтоб не жалеть ув последствии – приходите, граждане, все обязательно...

В воскресенье батюшка раньше кончили службу, и вся общественность направилась к сельсовету встречать гостей.

Действительно, приблизительно говоря, к обедней поре приехали.

Шеф – громадный мужичара пудов на шесть, в кожанке, в очках и с ним ладненькая тоненькая дамочка в красной косынке.

Свертелся митинг.

В почетный президиум избрали деда Юхима Первака – он у нас всегда тую должность сполнять.

Поздоровавшись с общественностью, шеф попросил Гараська немедленно отыскать хозяина того поросенка, что они антанабилем на выгоне задавили.

– Потому, – сказал шеф, – хоть мы и городские, а разумеем, што поросенок не виноват. Собственность мы призна-

ем и за поросячий инвентарь убытки бесслвно выплатим. Не беспокойтесь!..

Но беспокоиться почти не пришлось – к сельсовету бежала, будто сумасшедшая, баба Палажка Совхозиха и так вопила на весь майданчик, что дед Юхим забрал себе слово и сказал шефу:

– Не иначе, дорогой товарищ из городу, поросенок Палажкин – ета активная баба зазря никагда не голосуить. Надобно побыстрее евтую ораторшу остановить, пока она не распропа... гандировала антанабильную маму и вашего, извинить, папу...

Шеф согласился, вытянул троячку, и на этом торжественная часть митинга закончилась.

Далей слово забрал шеф и говорил долго-долго, часа два. Говорил про все понемногу: про Китай, про попов, про кооператив, про школу...

Наконец, шеф надолго заговорил про какого-то «великого немого», что придумал аппарат и сейчас говорит лучше всякого говорящего.

Что от того немого великая людям польза стала...

Что можно с помощью того немого аппарата, сидя, примером, у нас, видеть, как люди в других странах живут, как они тую жизнь строят.

Одно слово, заинтересовал нас шеф очень, так что дед Юхим снова забрал слово и сказал шефу:

– А низзя ли, дорогой докладчик из городу, митинг

приостановить, потому как собрание очень довольно, хотя и не обедало... А ваша милость, не можно ли нам на село такого, хоть поганенького, немого аппарата достать, чтоб и мы корысти ущипнули и из задних в передовые с вашей помощью перебежали?..

На это шеф отвечал:

– Дорогие граждане! Не беспокойтесь и не сумлевайтесь! Мы шефнюем организованно и позаботимся о том, что и у вас в селе будет кинематограф.

Потом шефы поехали.

Народ разошелся очень довольный и еще недели три живо обсуждали... как же повезло той Палажке, что содрала трояк за шелудивое поросю, которое и семигривенника не стоило...

А месяца через два привезли из города в школу аппарат, и теперь каждое воскресенье цокотит лихая чертовня и показывает...

Чего только не показывает!..

Конь в воздухе

Это как-то вечером. Принимаю радиослушательскую позу... Из этого вы делаете вывод, что у меня в квартире есть радио. Правильно, не ошиблись. Потому что я такой же ненормальный человек, как и вы, как и остальные.

Принимаю, значит, радиослушательскую позу – ложусь

просто на кровать, сжимаю голову железным обручем, уши нагружаю наушниками, кричу на сына, чтоб замолчал, и слушаю.

– Алло! Алло! Говорит Харьковская радиостанция Наркомпроса Украины на волне четыреста семьдесят семь метров.

Это понятно.

– Алло! Алло! Балакучио Харковенчио радиочио штанцы Наркомпросио Украинио ин волнендо чио-чио-чио-метрио!

Это на эсперанто. Говорят, эсперантисты понимают.

Возможно.

– Сейчас начнется первый в мире шахматный матч по радио между Харьковом и Киевом! За Киев играют маэстро: Богатырчук, Рмузер, Погребиський, Гринберг, Поляк. За Харьков маэстро: Алехин, Григоренко, Ойстрах, Порт и Янушпольский.

– Киев делает первый ход д2 – д4! Харьков е7 – е6!! е7 – е6!! Очередной ход Киева в 6 часов 15 минут!!

– Алло! Алло! Киев! Киев! Слушайте нас! е7 – е6! е7 – е6!

И пошло, и поехало...

Вы же понимаете, что это значит? До чего мы доскочили?

Столица Украины – Харьков – первый в мире инициатор шахматной игры по радио. Харьков первый в мире полез в межпланетные просторы с конями, слонами, ферзями и пешками! Первый в мире!

Разве это не красиво? Разве это не заслуга?

Разве это не натолкнет устроителей матча на мировое первенство между Алехиным и Капабланкой сделать так, что шахматисты всего света будут следить за игрою лучших шахматистов и через минуту будут знать про каждый ход?

Пристегнуть радио к шахматам – прекрасная идея.

И Харькову, и харьковским шахматистам, пионерам в этом деле, – честь и слава!

Инициатива их не умрет – я уверен в том.

Я уверен и в том, что пробежит какое-то время, ну, месяц, два, год, надавлю я на соответствующую кнопку своей домашней радиостанции, отыщу Кубу, отыщу Капабланку и:

– Доброго здоровья, Рауль Хозович? Живеньки-здоровеньки? Может, вжарим с вами дебют испанских пешек? Что, согласие? Прекрасно! Ваш ход? d2 – d4? Хар-рашо. А я пойду коньком!.. Я, знаете, коньком!..

Такая может быть штука.

Международное положение

У меня сидит мой старый приятель Иван Максимович – почтенный середняк села Смыкалки, философ и член сельсовета.

Воспользовавшись приездом Ивана Максимовича в столицу, я нанял у него клуню для планового проведения летней отпускной кампании среди членов моей семьи.

Сейчас мы замагарычиваем эту смычку села с городом.

– Хорошо сейчас у вас на селе? – спрашиваю я. – Сеют сейчас... А там начнет всходить, зазеленеет... Приятно. Поле такое зеленое-зеленое...

– Да ничего, – говорит Иван Максимович. – Неплохо. Сем, действительно. Надо. Международное положение, стало быть, показывает, что капитализм...

– А как Донец, Иван Максимович? Такой же широкий, как когда-то? Помните, как в десятом году мы с вами за сомами на ночь ходили? Хорошо так... Ночь теплая, лунная... Лодка плывет... А учитель, Гордей Петрович, раньше нас, бывало, придет и уже сидит... На яме...

– Не удит теперь Гордей Петрович. Бросил. Некогда ему. Школа – само собою да кампании разные. Доклады да собрания. А он у нас по... международному положению всегда... Нагрузка у него...

– А развести костер на берегу, там, знаете, на поповском лужку под белой березкой? Ночь те-е-мная!..

– Эге! Вспомнили... Нет той березки. Срубили. На трибуну. Трибуна у нас теперь возле сельсовета из той березки. Как праздник какой или шефы налетят – речи с трибуны той про... международное, значить положение да и вообще...

– Жалко березку. Место ж какое! Берег крутой. Как разбежишься – да в воду! Аж дух забивает! Тогда еще сосед ваш Микола Крутой добре прыгал. С выкрутасами прыгал. Теперь, наверно, и он постарел, как и мы с вами?

– Э... Нет Миколы Борисовича. Помер месяц тому. Пред-

седательствовал он у нас в сельсовете. На годовщину Февральской революции доклад делал. С трибуны. А оно мороз. Начал про... международное положение, да так и не закончил. Что-то плохо ему стало. Месяц полежал и поховали... Хороший человечка был. А что уж оратор! Бывало, выйдет да как двинет: «Товарищи!! Международное положение нашего сельсовета показывает... И пошел, и пошел... Талант был. Жаль...

– Ничего не поделаешь, Иван Максимович. Доля, значит, ему такая. Хороший был человек, сознательный. Припоминаете, как он когда-то, еще парубком, помещикова сына чуть не убил за то, что тот аиста застрелил? А какое горе было тогда на вашей клуне! Что с аистихой делалось?? На другой год не было уже на вашей клуне аистов.

– И теперь не будет.

– Почему же?

– Антенну на том месте поставили. Вот зимою. Для радио. В сельсовете радио, а на моей клуне антенна. Клуныя ж у меня высокая, ни у кого такой нету. У нас теперь так и говорят: если б, говорят, не клуныя Ивана Максимовича, так бы мы никогда и не услышали про... международное положение. А то почти каждый день.

Иван Максимович помолчал.

– Культура, знаете, – добавил он. – Пришлось поступиться аистом. Надо. Радио – великая вещь, сами знаете. Вот как-то товарища из Москвы слушали. Полтора часа говорил про...

международное положение. Харашо! Сидишь в сельсовете, цыгаркой попыхкиваешь и все тебе ясно: клуня, антенна, аистово семейство, Москва, сельсовет, я, кум Денис и... международное положение... Дивно...

.....

Сейчас Иван Максимович разговаривает с моей женой, а я себе думаю:

«Одни антенны, кажется, еще не разговаривают. Значит, в клуне будет неопасно. А вот у аиста положение междунар... Тьфу! Безвыходное положение у аиста».

Подход

Такое происшествие случилось в нашем театре. Кончился акт. Дали занавес. Аплодисменты. Актеры кланяются, тосе... А тут неожиданно переносные кулисы падают и одну артистку – главную роль играла – по голове... Ну, конечно, понесли на руках в уборную... Туда-сюда. Отливали водой, врач появился. Дал каких-то капель – очнулась... Но играть не может. А тут надо еще один акт доигрывать. Что делать? Директор бегает, администратор мечется. Послали за одной актрисой – нет дома, за второй – тоже нет... А публика галдит, ногами топает.

Директор наконец отважился.

Вышел на сцену.

– Так и так, несчастный случай, сами видели. Заменить

товарища Канделяброву некем... Извините, спектакль окончен...

Так верите, такое в зале поднялось – не приведи Господь!

– Как?! – кричат. – Обманывать народ!

– Деньги взяли, так доигрывайте!

– Я, может, только для того и приходил, чтоб посмотреть, как в последнем действии ее зарежут!

– Такой у вас подход к зрителю!?

– Такое у вас обхождение с массами!

– А-га-га! Вот это номер! Без развязки домой идти?

Одно слово, скандал. Директор удрал со сцены, чуть не плачет. Кричит: «Это ж они могут до утра в театре сидеть! Любой ценой доставить Порцелянову, пусть играет за Канделяброву!»

А в этот момент за кулисами кто-то хриплым басом:

– Не умеют правильно подойти к массам... А как не найдут Порцелянову, что тогда? Начальство! Доверили б мне...

Директор за кулисы. А там сидит наш старый хорист Микола Карпович и спокойно ест колбасу.

– Это вы сейчас говорили?

– Я.

– Вы можете ликвидировать этот скандал?

– Думаю, что могу.

– Голубчик, выручайте!

– Ладно. Пускай дают три звонка. Я сейчас.

В зале немного стихло. Микола Карпович вышел за занавесом.

вес и начал:

– Уважаемые товарищи! Не волнуйтесь. Сейчас начнем. Артистка Канделяброва пришла в себя... Мы, собственно, могли бы начать значительно раньше, но, знаете, произошла еще одна так себе историйка... На раздевалку, где висят ваши пальто, шубы, манто, шапки, напали бандиты... Да не волнуйтесь! Ничего не случилось. Просто бандиты связали капельдинеров и захватили много одежды... Какие именно украдены номера, сейчас мы...

Но никто уже не слушал Миколу Карповича. Публика повалила одеваться и через полчаса в театре никого не было.

Пошли мы потом в пивную, и Микола Карпович с нами. Выпили. И Микола Карпович выпил.

Спрашиваем его:

– Как вы додумались до такой штуки, Микола Карпович? Это ж гениально!

– И ничего гениального, – ответил он, наливая себе пива. – Просто надо уметь подойти к массе.

ПЕТРО

Мы уже знакомили читателей с творчеством украинского сатирика Василия Чечвянского (№ 16, 2008 и № 44, 2011). Он родной брат классика украинской сатиры Остапа Вишни. Оба писали под псевдонимами, их называющая фамилия Губенко.

У Василия Чечвянского (1888–1937) трагическая судьба: в разгар большого торжора он был арестован и расстрелян. Что

касается литературной судьбы, она полностью улучшается благодаря усилиям писателя и переводчика Анатолия Санжаровского. Анатолий Никифорович асчески пропалагандирует творчество «Колумба украинского юмора». Сейчас, к 125-летию сатирика, он даже издал за свой счёт (!) сборник его рассказов «Радостная параллель» (М.: Книга по требованию, 2013).

Такоє проишчєвнє случилось в нашєм театре. Кончили акт. Дали занавєс. Аплодисменты. Актеры кланяются, то-сє... А тут нежданно переносные кулисы падають и одну артистку – главную роль играли – по голове... Ну, конечно, понесли на руках в уборную... Туда-сюда. Отливали водой, врач повисил. Дал каких-то капель – очнулася... Но играть не может. А тут надо еще один акт доигрывать. Что делать? Директор бегает, администратор мечется. Послали за одной актрисой – нет дома, за второй – тоже нет... А публика галдит, ногами топает.

Директор наконец отвалился.

Вышел на сцену.

– Так и так, несчастный случай, сами видите. Заменить товарища Кандельброву нечем... Извините, спектакль окончен...

Так верите, такое в зале поднялось – не приведи Господь!

– Как?! – кричат. – Обманывать народ!

– Деньги ввели, так доигрывайте!

– Я, может, только для того и приходил, чтобы посмотреть, как в последнем действии сє зарежут!

– Такой у вас подход к зрителям!

Подход

– Такое у вас обхождение с массами!

– А-га-га! Вот это номер! Без разницы домой идти?

Одно слово, скандал. Директор удрал со сцены, чуть не плачет. Кричит: «Это ж они могут до утра в театре сидеть! Любой ценой доставить Порцелянову, пусть играет за Кандельброву!»

А в этот момент за кулисами кто-то хриплым басом:

– Не умеют правильно подойти к массам... А как не найдут Порцелянову, что тогда? Начальство! Доверили б мне...

Директор за кулисы. А там сидит наш старый хорист Микола Карпович и спокойно ест колбасу.

– Это вы сейчас говорили?

– Я.

– Вы можете ликвидировать этот скандал?

– Думаю, что могу.

– Голубчик, шаруйте!

– Ладно. Пускай дают три звонка. Я сейчас.

В зале немного стихло. Микола Карпович вышел за занавес и начал:

– Уважаемые товарищи! Не волнуйтесь. Сейчас начнем. Артистка Кандельброва пришла в себя... Мы, собственно, могли бы начать значительно раньше, но, знаете, произошла еще одна так себе история... На раздевалку, где висит ваши пальто, шубы, манто, шляпки, напали бандиты... Да не волнуйтесь! Ничего не случилось. Просто бандиты связали кандельброву и захватили много одежды... Какие именно украшены номера, сейчас мы...

Но никто уже не слушал Миколу Карповича. Публика повалила одеяться и через полчаса в театре никого не было.

Пошли мы потом в пивную, и Микола Карпович с нами. Выпили. И Микола Карпович выпил.

Стриваемся его:

– Как вы додумались до такой штуки, Микола Карпович? Это ж гениально!

– И ничего гениального, – ответил он, наливая себе пива. – Просто надо уметь подойти к массе.

1928 г.

ВАСИЛЬ ЧЕЧВЯНСКИЙ

*Перевод с украинского
Анатолия САНЖАРОВСКИИ*

Как я стал хулиганом

На станции Н., куда поезд прибыл в десять вечера, в наше купе вошел новый пассажир.

В роговых очках, солидный брюнет лет сорока. Солидность была во всем: и в желтом новеньком портфеле, и в фетровой шляпе, и в коротком модном пальто.

Новый нам почтительно поклонился, спросил свободное место, важно достал кошелек и, подавая носильщику рубль, сказал:

– Спасибо тебе, братец. Тут уж я сам устроюсь.

Поезд шел.

Новый пассажир снял пальто и шляпу, не спеша разложил свои вещи, сел.

Минут десять все молчали. Правда, мы втроем досыта наговорились и нам уже не о чем было говорить, а новый пассажир, видимо, не хотел начинать первым. Наконец он не выдержал.

– Уважаемые граждане, – сказал новый. – Не найдется ли у вас стакана воды или нарзана? В обед, знаете, выпил немного и закусил паюсной, теперь пить, пить...

– К сожалению, нет, – ответил я. – А вы спросите у проводника. Может, у него есть вода.

Новый вышел из купе, но быстро возвратился.

– Нет и у проводника, – вздохнул он. – Порядочки! В ва-

гоне нет воды! Прямо хоть пропадай. А остановка только через час. Этот поезд скорый, на маленьких станциях не останавливается. Не знаю, что и делать...

– Ничего, – принялись мы утешать нового. – Потерпите немного.

– Придется, конечно. Но, понимаете, сейчас не девятнадцатый год в конце концов. Надо и о пассажирах думать. Такой случай...

Тут поезд начал сбивать ход и вдруг стал.

Мимо нашего купе торопливо прошел проводник.

– Что случилось? – посыпалось изо всех купе.

– Пойду узнаю, – ответил проводник.

Пассажиры повыходили из купе, начали выглядывать в окна.

Вскоре вернулся проводник.

– Точно пока неизвестна причина, – зевнул он. – Говорят, где-то впереди на перегоне крушение. Товарный с рельсов сошел. Схожу-ка я на станцию, узнаю поточней.

– Разве мы на станции?! – обрадовался наш новый сосед.

– Ну да, – ответил проводник. – На небольшой станции.

Потому и стали, что семафор был закрыт.

– Вот счастье! – радостно сказал новый. – Значит, я смогу напиться воды. А то ж, понимаете, пропадаю. Так хочется пить!

И он подался за проводником.

В окно я видел, как они с проводником пошли по шпалам,

подсвечивая дорогу фонарем.

Минут через десять новый вернулся с двумя бутылками нарзана.

– Крепко мне повезло! – довольно сиял он. Если б не эта катастрофа, пришлось бы целый час страдать. А теперь слава Богу! Хотел было из умывальника воду пить. А тут на тебе такая приятная неожиданность – товарный с рельсов сошел! Говорят, жертвы есть: санитарный вагон уже из Н. прошел. Вот такая история! Ну теперь ничего, можно дальше ехать. Две бутылочки нарзанчика да проводник обещал чайку принести. Поедем без забот, водички до Х. хватит.

.....
Наш поезд, простояв два часа, наконец, тронулся.

Все пассажиры спали.

Спал и счастливый брюнет, опорожнивший обе бутылки нарзана.

На станцию О., где мне нужно было выходить, поезд прибыл в четыре часа ночи.

Сидя в буфетном зале на станции О., я думал:

«На станцию Х. поезд прибудет в девять утра. Если послать телеграмму сейчас, она будет на станции Х. раньше поезда часа на три. Отлично!»

Я пошел на телеграф и послал такую телеграмму:

«Станция Х., пассажиру места 37. Вагон № 6 скорого поезда № 5/б.

Катастрофы на наших железных дорогах случаются не так

часто. Поэтому, страшно беспокоясь о том, чтобы вы не остались без воды и не страдали, я налил в ваш новый портфель два чайника свежей холодной воды. Чтобы обеспечить вас максимальным запасом питья, все содержимое портфеля я выбросил в окно. Я бы мог сказать вам это лично, но вы так блаженно спали, что я не осмелился вас побеспокоить. Всего вам наилучшего!»

Неужели? (К десятилетию Красной армии)

Товарищи красноармейцы!

Вот юбилей у вас.

Десять лет.

Бои.

Победы.

Достижения.

Усовершенствования.

И неужели все это без фельдфебеля?

Дивно! Не верится! Слово чести!

Говорят, у вас есть помкомвзводы, и комвзводы, и комбаты, а фельдфебеля нет.

А кто же вас на путь истины наставляет?

Кто из вас чудо-богатырей делает?

Кто же вам объясняет:

– Знамя есть полковая святыня и каждый солдат обязан

защищать его до последней капли живота?

Кто?

Кто командует:

– Плавное председательство на-а-ачинай!

А кто во время муштры тычет пальцем и кричит:

– Убери эйо!

– Кого эйо, господин фельдфебель?

– Пузо убери! Чего ты эйо выставил? Пузо у солдата должно к спине прирасти. Понимаешь?!

Неужели теперь в ваших казармах не слышно такого специфического баска:

– Вольный определяющий Зегер!

– Чего изволите, господин фельдфебель?

– Вчерась приходила ваша мамаша и ходатайствовала насчет своих именин, которые будут сегодня.

– Так точно, господин фельдфебель!

– Так. Это было вчерась. А сегодня у вольного определяющего Зегера не по всей культуре блестят пуговицы на мундире и придется вольному определяющему Зегеру дежурить на кухне, а мамаше вольного определяющего Зегера справлять именины без ходатайства. Кр-р-р-рю-гом!

Неужели не слышно такого баска? И хороший был басок, приятный.

А кто вам, товарищи красноармейцы, лекции по гигиене читает? Вот так: выстраивается рота, фельдфебель выходит из канцелярии, руки заложены за «черт знает что»:

– Замечено, что у солдат пятнадцатой роты, то есть у вас, нет гигиены. Положим, что с вами про это говорить, раз вы даже не слышали про гигиену. Так вот, поясняю. Запоминай все!.. Гигиена есть наука, которая преподаются в учебных командах, в школах подпрапорщиков, а также в университетах, где учатся на докторов. Раз! Каждый солдат обязан соблюдать, чтоб вокруг него гигиена была. Два. А теперь как увижу, что у кого нет гигиены, то такой гигиенист будет у меня на предмете для дальнейших лекций. Три! Р-р-раззойдись!

Дорогие юбиляры красноармейцы! Объясните же мне, кто теперь все это делает у вас?

А если правда, что у вас нет сейчас фельдфебеля, то неужели вы живете без гигиены?

Неужели?

1928

Дачные мученики

Дача в наши дни вещь необходимая, как, скажем, страх-касса или очередь на трамвай. Потому – воздух. А без воздуха, сами, товарищи, знаете, долго не проживешь. В городе духота, пыль, асфальтовая мостовая иногда попадает, нагревается все невозможно и – для здоровья минус. Опять же плюются...

– Да я не про то, я относительно здоровья. Недавно в жур-

нале читал. Ну, написано ж все досконально. Примером, плюнул гражданин. Кажется, что тут дивного, а наука – она, брат, до всего доходит. Где, к примеру, ничего не поймешь, она тебе, братец ты мой, пунктиром покажет, какой от плеванья вред и социальная опасность. Потому бактерия из плева в воздух, из воздуха в выпивку или в закуску попадает. Ну а с выпивкой тут уж у бактерии одна дорога – в желудок. И, конечно, результат. Гражданин, может, на свои честные выпил, а потом приходится районного врача неделю ждать или в карете скорой помощи помирать.

– Оно ведь так. В городе, что и говорить, для здоровья атмосфера неподходящая. Азота в воздухе нет. Ну и валит народ на дачу. Хоть раз в неделю воздуха набраться, азотом побаловаться. Только народу того очень много стало. Пришли, как будто и немного было, а сейчас набралась бессметная сила.

– Кондуктор! Почему поезд не отправляют? Сами, наверное, каждый день по дачным местам ездите, а тут раз в неделю выберешься и то задерживают.

– Не от нас это зависит! Поезда по расписанию отправляют.

– Так опаздывает же! Уже на десять минут опоздал.

– Все одно, хоть и опаздывает, а без расписания отправить поезд нельзя, такой порядок.

– Господи! Духота какая. Нет того, чтоб вагонов больше дать. Все ж легче.

– Граждане! Куда, к слову, этот поезд собрался ехать?

– А вам куда надо?

– На д-д-дачу... Кум десятью минутами раньше поехал, ну а я, значит, растерялся... с кумом. И теперь моя задача догнать кума...

– Поезд на Мерefу.

– И прекрасно. На Мерefу так на Мерefу. Мне абы кума догнать...

– Куда ж вы лезете, гражданка? Видите, живого места нет. Нельзя же лезть без церемоний прямо на людей. Понимать же нада.

– Сам пораньше влез, так уже других не пускает. Что ж мне, по-твоему, левую ногу на перроне оставить? Я уже вся влезла, только левую ногу никак не пристрою. Бюрократ какой.

– Что ж вы ругаетесь, гражданка?.. Твое счастье, придавили меня, а то б я тебе показал, какой бюрократ. А еще вроде дама. Особа из прекрасного пола. Сказал бы я тебе, какая ты особа, да трех рублей жалко.

– Граждане, прекратите дискуссию, все одно проголосовать не удастся. Так прижали – руки поднять невозможно.

– Товарищ, нада ж понимать сознательность. Вы ж корзину на ребенка поставили, ребенок тоже «предмет удешевленный».

– Извините, не видно мне сзади.

– С-с-сз-зати! Смотреть надо глазами, а не штанами.

– Действительно... Штаны белые натянул, так уже и думает, что людей можно давить. Из малого, может, путное что выйдет – смена какая или «наше будущее», а его прежде времени норвят раздавить. А еще «Друга детей» на груди носит.

– Граждане! Пропустите дамочку на площадку, с ними нехарашо. Глубокий обморок, даже краска на губах побледнела.

– Раз краска побледнела, значит, обморок. Потому, если дамочка хоть капельку при себе, до этого не допустит.

– Манечка! Все вещи забрали? Проверь!

– Все. Только вот бабушки не видно... Мама! Мы, кажется, бабушку потеряли.

– Товарищи! Гражданин тещу потерял! Вот радость!

– Какая там радость?

– Известно какая – семейная...

– Мама! Бабушка нашлась...

– Нашлась? Как?

– Ну да! На ней гражданин сидел. В Покотиловке сошел. Спит сейчас бабушка, улыбается.

– Товарищи! А теща у гражданина нашлась. Радовался он, выходит, преждевременно.

– Степа! Кажется, Мерефа! Слезай! Назад, гляди же, вместе!

Воздух, вода, солнце

Граждане!

Неужели до сих пор вы так и не сняли дачу? Ай-я-яй!

Что ж вы спите? Чего ж вы зеваете да спину чешете?

Уже ж апрель. Не за горой и май. Разве ж вас не тревожит наша физкультурная эпоха? Разве вас не касается лозунг «Воздух, вода, солнце!»?

Неужели вы не хотите в полчетвертого послать к чертовой маме город с его громадными домами, трамваями, мостовыми, грязью, духотою и, вконец вымотавшись, – 20 минут в очереди на трамвай, 10 минут в трамвае, 20 минут у железнодорожной кассы и икс минут в поезде, – драпануть куда-нибудь в Зеленый Гай, или в Люботин, или в Высокий, или в Карачевку?

Туда, на воздух, на солнце, на воду!

А там, в Люботине или Карачевке, отведав зеленого борща и телячьей колбасы, которую вы предусмотрительно купили в душном Харькове, вклиниться в очередь к пруду или к Уде, чтобы искупаться, потому как без купания вы не выполните лозунг «Все на воздух, на солнце и в воду!!!»

Граждане! Да неужели вы до сей поры не нашли себе дачу!?

Не поверю, ей-бо, не поверю.

Я не допускаю мысли, чтоб вы не променяли невозмож-

ный харьковский воздух на здоровый, легкий, пользовитый и приятный воздух той же Покатиловки, где того воздуха сколько угодно и без очереди, где тот воздух настырно лезет в вашу комнату и через двери, и через потолочные щели, и в побитые футболистами окна лезет вместе с лучами солнца, с пеньем пташек и «матом» туземцев и пришельцев!

Простите меня – не поверю!

А солнце? Солнце! Граждане! Что делает с нами солнце! Этот маг, этот волшебник!

Ах!! Лицо ваше набирает субтропического цвету, вы чувствуете, как постепенно, раз за разом после солнечных ванн, ваши мускулы каменеют, становятся стальными, как на вашей спине, шее, животе и «протчих» местах облезает кусками кожа, и вы вынуждены мазать себя вазелином или смальцем, иначе заснете лишь на рассвете, опоздаете на поезд, не успеете вовремя в должность, будете оштрафованы, предупреждены и т. д., и т. п.

Товарищи! Ужель вас не манит роскошный тихий, теплый майский вечер, когда вы под ручку с соседской Светланой Титовной гуляете у вонючего пруда и весь дрожите от счастья, и оттого, чтоб вас не накрыла ваша половина Клара Сидоровна, и оттого, что вас немилосердно кусают лютые люботинские или песочинские комары *Anopheles naemozlivica*.

А ночь! Ночь! Если бы я был Н. В. Гоголем, я б обязательно сказал: «Божественная ночь!! Очаровательная ночь!!!»

Тихо... Ти-и-ихо... Нежной прохладой дышит уснувший

пруд, месяц из-за деревьев подсматривает, как вы прощаетесь со Светланой Титовной, и вам кажется, что месяц завидует... Попрощавшись, вы идете домой, танцуя, будто вам двадцать, и в мыслях у вас: «Завтра она будет моей!..»

В комнате у вас темно... Вы зажигаете свечку... Ваша Кларочка спит, натянув на голову две подушки от комаров... Вам хочется есть... Вы крадучись лезете к шкафу... Пустой... Вы к кошелке – пустая... Удивленно начинаете осматриваться...

Какой диалог завяжется между вами и Кларочкой – я не знаю. Это зависит от вашей сдержанности и ценности украденных вещей...

Ах, ночь!.. Ах, дача!!

.....

Граждане! Да неужели вы так-таки и не нашли еще себе дачу? Уже ж апрель. На носу май... Поторапливайтесь. В воскресенье немедленно на поезд и ищите. И делайте это как можно быстрее, а то я три воскресенья подряд ездил искал дачу на всех околицах Харькова в радиусе шестидесяти верст и... не нашел. Все заняты.

Так чтоб и с вами не приключилась такая история.

Поторапливайтесь!

Стихия

На работе мне не дают проходу. Только и разговоров,

как это я, советский человек, и никогда не был на море.

Все были. И Розалия Абрамовна (негр.) и Петро Панасович (двенадцатый разряд плюс 25 % нагрузки), и Костя Гронек (альфонс), и Ада Гад (главный клиент ТЭЖЭ¹⁴) и много таких же работников и честных служащих – все были на море, купались, пеклись на солнце, дышали морским воздухом, наживали килограммы, а я нет.

Наконец, мне стало стыдно, я не выдержал и поехал на море.

Поразило меня море сильно.

Да оно и не диво.

Все ж таки – стихия.

А со стихиями мне во время революции (и при царском гнете) встречаться не доводилось, как-то выкручивался.

И вот, встретивши первый раз в жизни стихию, хотя и мокрую, без впечатлений невозможно.

Что ж на море впечатляет?

Все!!

Ах!

Море!!

Это, значит, такая большая речка, у которой лишь один берег.

Безусловно. Другого берега я и не видел, как ни присматривался.

Берег моря, или по морской терминологии, пляж – штука

¹⁴ ТЭЖЭ – трест эфирожировых эликсиров.

очень сложная.

Состоит она из голых людей, нехорошо пропеченных кирпичей, битого стекла, объедков, кусков газетной бумаги, морских ракушек и грязного песка.

Вода в море обычная.

Единственное, чем она отличается от воды наших речек, – это то, что какой-то урод взял и пересолил.

Когда и при каких обстоятельствах была пересолена вода, узнать мне не посчастливилось.

Расспрашивал я многих про это, заходил даже в местную милицию – никто не знает.

А вода пересолена и очень.

Пробовал пить в четырех фарватерах (морской термин; по-нашему – в четырех местах) – везде соленая.

Какой-то доброжелательный гражданин, что сидел голый на пляже и пил воду из бутылки, насоветовал мне попробовать еще и из пятого фарватера, но я, с сожалением, не мог дальше проводить свои исследовательские экскурсии, меня сильно потянуло на берег, где я и пришвартовался (морской термин; по-нашему... это тоже очень плохо, не говоря уже о трех рублях штрафа).

Из прочих свойств моря, кроме, значит, сложного берега и соленой воды, следует отметить работу моря.

Работа у моря чрезвычайно простая: это делать прибой и отбой (морские термины; по-нашему – плевать).

Прибой – это когда море тихонько плюнет волной на бе-

рег, а отбой – когда берег той волной плюнет назад.

Вот и все.

Как видите, работа никчемная, однообразная, грязная и к тому ж еще явно контрреволюционная.

На пляже на столбе висит постановление местной Советской власти:

«Плевать на пляже запрещено».

А море плюется себе и плюется.

Сказать, что местная власть про это не знает?

Ничего подобного. Раз рядом со мной начальник милиции купался. Понимаете, начальник милиции!

Все равно – и на него плюет.

Что-то непонятное. Особенно когда случайно припомнишь, что это деется на двенадцатом году революции.

Может, кто скажет, что это ж море, это ж стихия.

Не соглашусь.

А начальник милиции что по-вашему?

Это если всякая стихия начнет выкамаривать, что ж получится? Сегодня море на начальника милиции плюет, завтра ветер пораскидает бумаги у секретаря райисполкома, послезавтра гром ударить в ВУЦВК...

По-моему, так. Хоть ты и стихия, а знай свое место... в природе.

А вообще море, если отбросить эту его, очевидно, случайную неосведомленность, очень мне понравилось.

Оригинального на море и у моря много, неожиданностей –

сила.

Такое, например.

Сидит на берегу человек и стирает подштанники.

Обычный вроде человек и поза обычная.

А выходит, что не человек это, а «морской волк».

И волчьего, кажется, ничегошенечки, и усы такие же, как, скажем, у вольного гражданина Полтавщины, и ругается одинаково, и подштанники довольно грязные и рваные, – а «волк».

Конечно, не все «волки» безработные.

Многие из них действительно по специальности работают возле родной стихии: продают на пляже яйца и булки, сдают напрокат лодки, фотографируют пляжников, а «волчата» целехонький день выкрикивают на пляже:

– Кому свежей холодной воды?

Однако «волки» – народ симпатичный. Вот только немного нелюдимый.

Например, надо было мне окончательно выяснить, что такое «морские узлы». Подхожу я к одному гражданину, что возился у одномачтовой шхуны (морской термин; по-нашему – лодка, которая может одновременно поднять и потопить не больше пятнадцати человек).

– Скажите, говорю, пожалуйста, капитан, как теперь дело с «морскими узлами»?

– Ничего. Какой ветер и куда надо идти?

– Идти, говорю, мне сейчас некуда, только что пришел,

а интересно, говорю, мне знать, под какой ветер лучше завязывать: под норд-ост или под вест-зунд (морские термины; по-нашему – тихий ветер и лютый ветер) и вообще, говорю, товарищ морской волк, проинформируйте меня в этом деле основательно, потому как я собираюсь приобрести для заграницы целый трюм узлов разной якорности. Если же сейчас у вас нет времени со мною бухтеть, то, пожалуйста, немного погодя рейдируйте к местной гостинице, каюта № 13, я там уже третий день отдаю концы...

На это гражданин ничего не ответил, а, покинув шхуну и все причиндалы, дал полный ход (морской термин; по-нашему – убежал).

К кому я потом ни обращался по случаю узлов (а обращался я ко многим), все безразлично пожимали плечами и быстро отходили.

Только один раз какой-то гражданин долго пытался доказать мне, что «узел» – это морская мера длины, но в тот момент кто-то заметил:

– Оставь! Малахольный! (Морской термин; по-нашему – ненормальный).

Гражданин отошел.

Дивно. Ненормальный человек, а так вежливо ведет себя... Очевидно, и тут не без влияния моря.

Ах! Море!!

Стихия ж! Граждане!

Контрреволюция

Небарись шел, понурившись.

В его левой руке болтался рыжий потертый портфель, а правую рукою Небарись крутил перед собой, причем указательный палец выводил в воздухе какие-то таинственные знаки.

– Что означают эти твои манипуляции, Виктор? – спросил я, поздоровавшись. – И нельзя ли потише махать, а то ты мне чуть нос не отхватил.

– Извини, – ответил Небарись. – Я весь озадаченный...

– Чем? Очередная неприятность с квартирной хозяйкою? Или, может, ты еще нетвердо решил, каких карпов ты будешь истреблять этим летом, донских или ворсклянских?

– Нет. Дело серьезное. Очень серьезное. Я... – Небарись сделал паузу. – Я... контрреволюционер...

– Как? Что? – закричал я так, что милиционер, стоявший на углу, сразу засвистел и, подбежав к нам, сказал:

– Граждане! Драться вы можете лишь тогда, когда при вас есть шесть рублей. Иначе я не позволю...

Но я уже не слушал милиционера, а, схватив Небариса за рукав, потянул его за собой.

В театральном сквере мы сели на скамейку. Я говорю:

– Слушай, Виктор! Скажи мне откровенно. Ты здоров?

– Целиком.

– Виктор... Я тебя знаю... Ты хороший парень и десять лет тому назад ты не был контрреволюционером. Как же теперь, когда мы убедились вообще... достигли... Виктор...

– К сожалению, я – контрреволюционер. И настоящий. Я убедился. Когда человек на двенадцатом году революции идет против власти, такого человека считают контрреволюционером. Понял?

– Понял. Но... Может, еще не поздно все это исправить? Может, тебе не хватает какой справки или «поручительства»? Так ты не беспокойся, Виктор. У меня много знакомых, Виктор...

– Не поможет, – махнул рукою Небарись.

– Да в чем дело? Не тяни. Не мучь...

– Дело в... лете...

– Ой, Небарись!.. Или ты мне тут же выложишь свои контрреволюционные штучки, или три рубля пополнят доходы нашей милиции...

– Именно в лете, – продолжал Небарись. – Лето сейчас. Значит, мне, честному советскому гражданину, надо выполнить все очередные директивы власти нашей законной, а я не могу. Пойми ты – не могу! Как известно, на это лето намечено восемь кампаний: отпускная, экскурсионная, курортная, физкультурная, строительная, туризм, спорт и самокритика. Охвачу я все это? Нет. Значит, я контрреволюционер, раз я...

– Знаешь что, Виктор, – перебил я Небарися. – Дело твое

швах! Ты пропал! Тебя расстреляют.

Безусловно. Таких людей, которые не умеют строить новую жизнь, надо уничтожать, как саранчу...

– Видишь. Ты тоже так думаешь, – тихо заплакал Небарись. – Возьму я, например, отпуск, как же я тогда самокритиковаться буду или как я тогда в строительной кампании...

– Правильно, Небарись! Тебя надо расстрелять. Человеку, который не может охватить даже восемь кампаний, надо не к социализму идти, а к стенке. Таким, как ты, не место среди нас, храбрых, передовых!

– А как же вы, передовые? – в слезах спросил Небарись.

– Мы?! Ого-го! Слушай, сморкач! Слушай, слюнявый интеллигент! Слушай, ничтожество! Сколько кампаний? Восемь? Получай:

Беру я отпуск (отпускная) и, натянув трусы, пешком иду до Хотомли! Это сорок пять верст. Солнце, свежий воздух, ходьба, дорогою гоняю футбол. Вообще вот и физкультура.

Во время путешествия я изучаю родную страну, ее флору и фауну (туризм).

На берегу Донца я строю шалаш (строительная).купаюсь и ловлю рыбу (спорт и снова ж таки физкультура).

Каждую ночь я отправляюсь на экскурсии по огородам – за картошкой, по садам – за яблоками и на бахчи – за арбузами (экскурсионная).

Если меня поймают, я это событие буду жестоко самокритиковать, чтоб не пойматься во второй раз (самокритика).

Понятно?

– Понятно. А все ж таки ты не все охватил. А курорт где?

– О-о-о! Мокрица! О аппендикс социализма! О несчастный! Слушай же ты, упадочник, как бодрые, живучие элементы охватывают летние кампании на все сто процентов. Слушай и учись. На моем шалаше будет висеть прекрасный плакат «Курорт имени Василя Чечвянского. Сезон 1929 года».

Цари природы

В субботу вечером, когда каждый честный трудящийся имеет по кодексу труда 42-часовой непрерывный отдых, в одной из 70 харьковских пивных на площади Возрождения сидели двое граждан породы «совработных» и пили пиво. Это были помглавбух треста «Центропудра» Корней Делегаденко и делопроизводитель Аркадий Рукипрочьский.

Какие темные силы толкнули их на почти исключительное среди граждан страны занятие, автор, к сожалению, объяснить не может, но за факт тот полностью ручается.

Делегаденко и Рукипрочьский пили пиво и болтали. О «прогессе». Обстановка благоприятствовала больше всего именно этой теме. Оркестр играл «Баядерку». Буфетчик на листке бумаги, лежавшем на конторке против стола № 41, написал цифру 10, которая полностью соответствовала десяти пустым бутылкам под столом приятелей.

– Возьмем, например, автопробег, – говорил Рукипрочьский, поднимая с пола сосиску, – возьмем, я говорю, автоперегоны. Я тебя, Корнюша, спрашиваю кон...токорентно: мог ли при царском гнете рабочий или служащий на автомобилях гоняться? Мог, я тебя спрашиваю, участие в рекордах принимать?.. А коли и мог, то разве только тем, что чинил дорогу для буржуев, которые ездили. А теперь – пожалуйста: хочешь – пиво пей, хочешь – рекорды ставь! А масштабчик перегонов, Корнюша! Ленинград – Тифлис или, как говорили до революции, от Кавказа до Алтая, от Амура до Днепра! Вот что значит прогресс!

Ты, Корней, физики не криви. Я тебя, пессимистика, знаю. Ты, конечно, начнешь мне за границей тыкать. За кордоном, мол, то, за кордоном се. Брось, брат, критику. Я могу разбить ее так, как этот стакан. Ухлопаю и за границу не поеду. Хочешь? Пожалуйста.

Конка ходила, я тебя спрашиваю? А теперь автобусы, трамваи, автомобили не дают по улице пройти. На крышах, я тебя спрашиваю, кто кроме котов устраивал для тебя концерты? А теперь пожалуйста. Громкоговоритель. Раз, два и: «О дайте, дайте мне свободу, не то сбегу, побей меня Господь». Из «Князя Игоря». Аэропланы, пионеры, остановки, плевательницы, такси... Про «Новую Баварию» даже говорить нечего. Плюнул – штраф, к трамваю не с того конца полез – штраф. Мало?

Приятно, черт подери, Корнюша, сознавать, что ты, на-

пример, человек. Толкач того самого прогресса, а не какая-нибудь пресмыкающаяся гадюка или тому подобный карась... А? Ты только посмотри, что человек вокруг себя наделал. Радио, техника, физика, химика! И все кто?

Чел-ло-о-о-оек! Венец миро-издания. Царь природы. А ты с критикой...

Выпьем, Корнюша, потому не могу я спокойно про такие вещи говорить. Радость на меня буйная надвигается. Так и хочется крикнуть: эх вы, которые самые...

Ну что ты скажешь, Корней? Неправильно я говорю?

– Ты говоришь правильно, Аркадий, и я с тобой совершенно не согласен, – ответил Делегаденко, обсасывая со свистом хвостик воблы. – Ну какой, например, я царь природы, коли эта ахворизма абсолютно ни к чему? Пустой звук. Мираж-фиксаж и больше ничего. Ну, какой я царь, допустим, природы, коли меня никто не боится, а я всех и всего боюсь?

Дома я боюсь своей царицы Одарки Микитовны, по дороге на службу боюсь опоздать на три секунды, на службе боюсь зава, месткома, секретаря, главбуха, потому как я всего лишь помглавбух. Словом, боюсь, так сказать, по всем правильно взятым линиям: производственной, профсоюзной, нотной¹⁵, служебной и семейной. Какой из меня царь, коли царство мое ограничено шестнадцатью аршинами жилплощади и в этой зажатой монархии царствую, собственно, не я,

¹⁵ От НОТ – научная организация труда.

а жакт?¹⁶ Радио, конечно, хорошо, а вот попробуй ты под момент не знать, в каком году была Октябрьская революция, и за такую мелочь ты уже безработный и на твоём месте уже сидит какой-нибудь сопливый хронологист. Режим заедает, Аркаша! «Игра сделана, ставок больше нет!» – вещь, безусловно, нужная, но зачем же делать из меня добровольца авияхема, коли я того, допустим, не хочу? А выпить за прогресс – почему не выпить. Сколько угодно могу выпить и почувствовать, но позволь мне на чай официанту дать, коли я того, например, желаю.

Прятели выпили, расплатились и, пошатываясь, вышли.

Убирая посуду, официант сунул в карман 20 копеек, которые лежали на столе, под пепельницей. Официант посмотрел вслед приятелям и с укором проговорил:

– Тоже критиканы... А на чай давать можно? Оскорблять человека можно? Слюнявая антиллитгенция!

1929

Популярность

Молодой поэт Павлуша Малопийченко ехал к своей невесте, которая жила в Мерефе на даче.

Публики в вагоне не густо. Человек тридцать, больше торговли, возвращающиеся из Харькова с пустыми кошелка-

¹⁶ Жакт – жилищно-арендное кооперативное товарищество.

ми. Ехали еще три железнодорожника, седой старичок и две гражданочки.

Гражданочки принадлежали к категории так называемых «пухленьких» блондинок с ямочками на щеках и «капризными носиками», к категории, сильно распространенной в нас на Украине благодаря климату, ТЭЖЭ и завоеваниям революции, что раскрепостила женщину, вырвала ее из когтей кухни и т. д., и т. п.

Настроение у Павлуши прекрасное. Этому способствовало все: и перспектива свидания с суженой (Павлуша был очень влюблен), и чудесная погода, и, главное, то, что в Павлушином кармане лежал только что из типографии сборник его стихов с посвящением: «Несравненной Елене – звезде моей огненной».

Если добавить, что это был первый Павлушин сборник, ничего не будет странного в том, что Павлуша все время нетерпеливо смотрел на часы, много курил и поминутно перебегал от окна к окну.

Поезд остановился на какой-то дачной остановке. Одна из блондинок, до этого внимательно следившая за Павлушей и его нервным поведением, начала что-то тихо нашептывать своей соседке. Нетрудно догадаться, что причиной шепота был Павлуша: вторая блондинка тоже, будто ненароком, посмотрела на Павлушу и кивнула головой.

Заметив это, Павлуша подумал:

«Приятно! Меня уже замечают. Значит, где-то видели мой

портрет, читали мои стихи. Приятно, черт побери! Когда буду сдавать в печать второй сборник, надо коротенькую автобиографию тиснуть с портретиком. Для популяризации не вредно. О, как на меня уставились!

Блондинки в самом деле «стреляли» все время в Павлушу, пока поезд не остановился в Карачевке, где они, еще раз поглядев на Павлушу, торопливо покинули вагон. Вместе с ними вышли железнодорожники и несколько торговков.

Павлуша подсел к старичку и закурил «эсперо».

– Ишь ты, какие специалистки, – проговорил старичок, ни к кому не обращаясь. – Хотели без билетов проехать.

– Кто? – спросил Павлуша. – Торговки?

– Какие там торговки? Две крашенные дамочки, напротив меня сидели. Думали, ты контролер и – ходу! А им аж до Меремы надо. Напугали вы их... Одна все шептала: «Говорю ж тебе – контролер. Вот увидишь, когда высадит. Лучше сойдем в Карачевке». Вот и вышли! История... А какой вы контролер... Контролера я знаю. Он такой... солидный...

Павлуша встал и в сердцах плюнул в окно.

Христос воскрес *(Монологи)*

Хрис-с-с-с вос-с-с-с! Дядюшка! Дорогой! Обратите внимание! Пасочка – продукт коллективного творчества. Всем семейством совершенствовались. Простю! Поросятинка с ин-

дивидуальным уклоном – сам покупал, сам жарил. На свой вкус. Водка – государственного производства. Пустяковину добавил лишь для цвета. На зубровке настояна. Кто за, чтоб еще по одной? Воз-дершавшихся нет? Иван Иванович! С дядею! Дядюшка, с праздничком! Что? Душа горит? Холодца душе горячей! А для усиления реакции – этой холодненькой чарочку. Кто за? Единогласно! Люблю организованность. «Елици во Христа-а-а креститися-а-а...» Дядюшка! Не лезет? Вопрос? Протолкнуть колбаскою. Надавить, так сказать, по низходящей линии... Держись, дядя! Иван Иванович, помогите ввести во внутренние апартаменты нашего высоко-чтимого дяди вот этот витамин с чесноком. Да здравствует! У меня лозунг «Все для гостей!» «Воскресе-е-ения день, просветитесь, людие-е-е!» Степан Степанович, просвещайтесь! А дядя снова в оппозицию? Ах, «не мммогу!» Ах, дядя не м-м-может?

«Ох и чудно мне, ох и дивно мне», как сказал наш великий поэт Тарас Трясило. Чтоб такой дядя да не мог? Сдает, значит, дядя на двенадцатом году революции. Подкрепить надо дядю коньяком с пятиугольными звездочками. Влить в дядю коньячку. Да здравствует дядя!!! «Христос воскре-ес из мертвых!!!» И главное «смертью смерть попрал...» Забодай его комар... Вот за это я и люблю его, что «попрал». Кто за то, что я люблю Христа, прошу вып-п-пить! Варвара Ивановна, поухаживайте за дядюшкой. Христос, дядя! Что?.. Не дышит?.. Мертвый... Вот... воистину... штука...

Гос-споди! И с чего б он? Такой здоровый... И не болел...

– Центральная? Центральная? Что? Ага? Скорую помощь! Скорее! Что? Скорая пом... Пожалуйста, срочно... Труп... Ну да... Разговелся – и готовый... Был дядя – теперь труп. Что? Ну да. До того был живой, как след... Теперь мертвый, как с-с-след... Не возите мертвых? А как же? Господи!

– Товарищ милиционер... Простите... У меня трупный дядя уже два часа мертвый отдыхает... Пожалуйста, что делать? Заберут, говорите? Большое спасибо... И как оно приключилось с дядюшкой... Никогда с ним такого не бывало, чтоб смерть... Иду... иду...

– Что ж это такое?.. Товарищи!?!.. Варвара Ивановна!.. Степан Степанович! М-м-маня... Де-е-ети... Да не плачьте! «Не плачьте над трупами павших борцов»... Нех-хар-рашо это...

1929

Как оно будет **(Шутка)**

В Париже борьбу с пьянством проводят таким способом: все поступки пьяного фиксируют на пленку, а потом, когда артист проспится, ему показывают фильм.

Газеты отмечают очень хорошие результаты такой работы: почти все пьяницы, увидев себя на экране, бросают пить.

Помня, что мы от Европы никак не отстаем, а наоборот – догоняем, надо думать, скоро и у нас введут этот способ.

В самом деле, чего бы лишний раз не утереть нос буржуйским акулам?

– Дежурный!

– Есть!

– Как у вас сегодня? Много?

– Тридцать два!

– Все проспались?

– Почти все в норме. Только один какой-то помбух представляет, будто он на пляже, и все норовит выкупаться в плевательнице, а она мала.

– Оставить помбуха до вечернего сеанса. Остальных приглашайте по одному в зал.

– Есть!

– Гражданин Квочка! Ну, как впечатление?

– Плохо...

– Ну, вот видите. Сами говорите, что плохо...

– Плохо... Ну как это полезть на памятник Гоголю?..

Так острамиться... Теперь ни за что на свете не буду пить... водку с пивом... Одно что-то: или водку, или пиво... Очень благодарен, что показали... Теперь не буду мешать. Что-то одно: или пиво, или водку. А то, вправде, неловко. Очень

благодарен. Прощайте.

– Ой дружочки! Ой дорогие! Спасители! Благодетели! Вот уважили! Да теперь я свои деньги – раз плюнуть – найду! Это ж она их сперла – Манька! А то вчера так набрался, что не помню, с кем гулял. Или с Манькою, или с Лизкою! А теперь... Вот спасибочки! Великая штука кино! Да здравствует! Бегу!

– Ой! Не могу! Ой! Умираю! Ей-бо, умираю! Хо-хо-хо! Го-го-го!

– Чего вы хохочете, гражданин? Что ж тут смешного? Вы – пьяный – заснули на тротуаре.

– Да разве я над собой смеюсь!? Заснул. Подумаешь, кадрик! Вот кум Иван Иосипович отмочил! Монти Бэнкс!¹⁷ Побей меня Бог! Го-го-го! Полез в собачникову будку. Думал спьяну – такси! Вот штукерия! А собаки – оттуда, а шкуродер кума – бить! Во-от кадрик! А то заснул. Подумаешь? Товарищи! Я сбегая за кумом, а вы тогда еще раз крутните. Интересно ж получается!

– Товарищи! Ну что б эту сценку да крупным планом дать: пью ж на красоту! Можно сказать, просто показательным порядком пью, а вы так сняли неудачно...

– Эх! И до чего ж обидно...

– А то нет? Такая закусь и всю вырвал. Жалко, жалко...

¹⁷ Монти Бэнкс – талантливый американский киноактер.

– Меня сия картина не удовлетворяйт. Потому я, как напьюсь, завсегда не безобразю, а только, значит, тихо и спокойно матерюсь. Конечно, мне больше подходит звуковое кино, которое, значит, производит разные звуки и слова. Тогда действительно интересно. А обыкновенное кино для меня ничто: сам себя созерцаешь, а что ты говоришь и кого, например, ругаешь – неизвестно.

– Товарищ киномеханик! Кажется, все?

– Все.

– Вы сейчас куда?

– Обедать.

– Домой?

– Да нет. Думалось, в «Аркадию»¹⁸ заскочить.

– Как раз! Тогда пойдем вместе!

Уважаемые читатели! Даю слово чести, что, когда мы будем догонять Париж, я стану обедать только дома. И дома можно прекрасно выпить.

¹⁸ «Аркадия» – ресторан в Харькове.

Юбилейная переписка *(Письма, которые пишет публика на праздники)*

Письмо деловода директору треста

В этот высокаторжественный день празднования первой в мире пролетарской революции позвольте поздравить Вас и пожелать Вам, супруге Вашей и смене полного счастья и благополучия в делах рук Ваших.

Много довелось мне слышать после революции разных докладов и речей, но такого наслаждения, как от Вашего вчерашнего доклада, я никогда не получал. Сила, огонь, пафос. Особенно это место... «Пока я стою во главе Кандибобертреста, вам – моим сотрудникам – бояться рационализации нечего – никто сокращен не будет».

Да здравствует Великий Октябрь и его великий проводник на местах – Макс Юхимович!

Ваш покорный товарищ Аркадий Гопки.

От Коровченка Быченке

Степа! Поздравляю! Заходи. Пивная сегодня по случаю юбилея закрыта, так мы дома. Надо ж реализовать достиже-

ния. Есть две бутылки хлебного и дюжина «Новой Баварии». Не придешь – выпью сам. Я, брат, в таких делах за коллективную работу не очень, это тебе не завком собирать.

Юбилейный Иван Коровченко.

От парня девушке

Товарищ Клабочка! Поздравляю Вас с годовщиной пролетарской диктатуры, а понять не могу, почему Вы вчера не были в клубе. Наверно, снова Ваша суеверная мамаша не пустила, а в клубе был интересный доклад на полчаса и танцы до утра. Танцевали новый танец, а Вас не было. Неужели до сих пор Вы не довели до Вашей мамашы статистику нашего клуба? За прошлое лето через клубное влияние записалось в загсе аж 34 пары. Доведите все это мамаше и приходите сегодня небесперемежно, а то мне праздник не праздник, а какая-то оппозиция... А не придете – или нусь под трамвай, или пойду слушать доклад про международное положение.

Ваш до крематория Май Закаблучка.

От рабфаковца родителям на село

Поздравляю вас с праздником непобедимого Октября. Да здравствует, а сало уже поел и неудивительно. Зубы, что привыкли к граниту, рвут сало ой-е-ей!

Праздник был шумный, демонстрировали целый день, а подметки мои совсем скривились. В ДПС¹⁹ была вечеринка: пять докладов и по одному бутерброду с колбасой. Если б наоборот – было б торжественней. А вообще чувствую я себя хорошо.

Ваш пролетстудсын Петро.

¹⁹ ДПС – дом пролетарского студенчества.

Мы уже знакомили читателей 16-й страницы с творчеством сатирика Василия Чечвянского (1888–1937). Он является родным братом классика украинской сатиры Остапа Вишни. Их настоящая фамилия

Губенко, оба взяли псевдонимы. За короткую творческую жизнь Василий Чечвянский выпустил семнадцать книг. Предлагаемый рассказ на русском языке публикуется впервые.

Юбилейная переписка

(Письма, которые пишет публика на праздники)

Письмо деловода директору треста

В этот высокаторжественный день празднования первой в мире пролетарской революции позвольте поздравить Вас и пожелать Вам, супруге Вашей и смене полного счастья и благополучия в делах рук Ваших.

Много довелось мне слышать после революции разных докладов и речей, но такого наслаждения, как от Вашего вчерашнего доклада, я никогда не получал. Сила, огонь, пафос. Особенно это место... «Пока я стою во главе «Кандидобертреста», вам – моим сотрудникам – бояться рационализации нечего – никто сокращён не будет».

Да здравствует Великий Октябрь и его великий проводник на местах – Макс Юхминович!

*Ваш покорный товарищ
Аркадий Гопки.*

От Коровченка Быченке

Степа! Поздравляю! Заходи. Пивная сегодня по случаю юбилея закрыта, так мы дома. Надо ж реализовать

достижения. Есть две бутылки хлебного и дожина «Новой Баварии». Не придёшь – вылью сам. Я, брат, в таких делах за коллективную работу не очень, это тебе не завком собирать.

*Юбилейный
Иван Коровченко.*

Анна ПАСИВКА

От парня девушке

Товарищ Клавочка! Поздравляю Вас с годовщиной пролетарской диктатуры, а понять не могу, почему Вы вчера не были в клубе. Наверно, снова Ваша суеверная мамаша не пустила, а в клубе был интересный доклад на полчаса и танцы до утра. Танцевали новый танец, а Вас не было. Неужели до сих пор Вы не довели до Вашей мамаша статистику нашего

клуба? За прошлое лето через клубное мляиние записалось в загс аж 34 пары. Доведите всё это мамаше и приходите сегодня небеспеременно, а то мне праздник не праздник, а какая-то оппозиция... А не придёте, или кинусь под трамвай, или пойду слушать доклад про международное положение.

*Ваш до крематория
Май Закаблучка.*

От рабфаковца родителям на село

Поздравляю вас с праздником непобедимого Октября. Да здравствует Октябрь, а село уже поел и неудивительно. Зубы, что привыкли к граниту, рвут сало ой-ёй!

Праздник был шумный, демонстрировали целый день, а подметки мои совсем скривились. В ДПС¹ была вечеринка: пять докладов и по одному бутерброду с колбасой. Если б наоборот – было б торжественней. А вообще чувствую я себя хорошо.

*Ваш пролетстудсын
Петро.*

Василь ЧЕЧВЯНСКИЙ
*Перевёл с украинского
Августей
САНЖАРОВСКИЙ*

¹ ДПС – дом пролетарского студенчества.

Охватили

(Сказка наших дней)

Молодой Заяц лет так... ну, приблизительно призывного возраста, влетел, запыхавшись, в заячий жилкооператив в норе под старой сосной и выпалил:

– Папаша! Беда на фронте!

– Не ври, – ответил Заяц-папа. – Я только что бросил читать газету, никакой опасности нет.

– Ей же Богу! Опасность на фронте!

– На каком именно фронте? Говори конкретно.

– На внутреннем.

– Невжель снова наш классовый враг Лисица подняла голову и сычит? – спросила Зайчиха-мама.

– О! Слышите? Слышите?

– Что? Где? – разом повскакивали папа и мама.

– Да по всему лесу! Разве не слышите? Кричат... Улюлюкают...

– Действительно, – насторожился папа. – Действительно, что-то... Однако поди узнай. Если то охотники и, может, охотятся не в показательном плане, тогда беспокоиться нечего. Они всегда пьяные и когда стреляют, чаще попадают друг в друга.

– Организованный народ, симпатичный, – добавила мама.

– Слушайте вы, недобитки проклятого царизма! – уже сердито сказал молодой Заяц. – Я вас предупредил. Действуйте как знаете, а я совсем не хочу, чтоб меня застрелили или поймали. Я сознательно иду...

Молодой Заяц не договорил.

Почти над самой норой послышались крики:

– Окружай! Окружай!

– Заходи с той стороны!

– Живей! Живей!

– Товарищи! Организованно!

– Выдвиженцев вперед!

– Следите за кассиром! И тут убежит!

– Подходи, подходи! Не бойся!

– А еще кооператоры!

– «Кооператоры», – побледнел Заяц-папа. – Это хуже.

Они нас украдут...

– Да молчите ж, – перебил папу молодой Заяц. –

Тут жизнь на волосинке...

В этот момент нору чем-то закрыли и рука, от которой пахло продукцией ТЭЖЭ, инструкциями и циркулярами, по очереди вытащила всех зайцев из норы.

Зайцы остолбенели.

Да и было с чего.

На громадной поляне колоннами стояли люди с плакатами, знаменами и оркестром.

Когда зайцы немного успокоились, к ним подошли трое,

наверное, распорядители, и один начал:

– Товарищи Зайцы! Мы представители союза «Степовик». Чтоб вы скорее поняли, почему мы вас побеспокоили, позвольте зачитать вам бумажонку, которую мы получили от Всеукраинского Союза Скотоводческо-молочного Кооператива «Благосостояние» от 1 октября 1929 года, № 6/10.

Вот что они нам пишут:

«Протоколом правления Укрсельбанка № 239/194 вам выделен кредит из республиканского фонда бедноты 28–29 через местный Сельбанк в счет лимита 20 рублей.

Средства предназначены для покупки рабочего скота.

Рекомендуем охватить это снабжение и о результатах доложить.

Коневодческий отдел». (Две подписи).

– Так вот, дорогие товарищи Зайцы! Поскольку за 20 рублей никакой иной рабочей скотины, кроме трех живых зайцев, не купишь, а вы, уважаемые товарищи, как известно из произведений великого писателя А. П. Чехова, все ж таки можете что-то делать, по крайней мере, можете зажигать спички, – мы решили «охватить» вас на пользу кооперации.

Да здравствует кооперация! Да здравствует Укрсельбанк!
Да здравствует благосостояние!

Ура! Ура!! Ура!!!

Все закричали, оркестр заиграл, а зайцы заплакали.

От умиления.

Василь Чечвянский

Вегетарианец

Когда Иван Митрофанович Грець, возвращаясь с работы, подходит к своему небольшому собственному домику на Холодной Горе, он знает, как только откроет он калитку, к нему на грудь с большим лаем прыгнет громадный дворовый пес Лапка.

Знает это Иван Митрофанович и гордится этим.

– Любишь хозяина, сукин кот, – говорит он, отбиваясь от Лапка. – Ждешь? Ну, ладно, ладно! И хозяин тебя любит. Вот видишь? Принес. Понюхай!

И Иван Митрофанович крутит перед носом Лапка неболь-

шой сверточек.

– Пахнет? А?! Но порядок. Порядок, братец ты мой! Сперва хозяин поест, а потом ты...

Иван Митрофанович еще раз гладит Лапка по долгой, кудлатой шерсти и тогда уже идет в комнату.

Семья у Ивана Митрофановича маленькая. Он да жена Ольга Петровна, пожилая, болезненная женщина.

Детей у них нет.

Иван Митрофанович вегетарианец и очень активный.

Идеи вегетарианства он старается продвигать не только словесно, но и письменно.

Почти в каждом номере стенгазеты есть его статья под постоянным заголовком «Я никого не съем».

Иван Митрофанович очень любит всяких животных и, не взирая на трудности содержания их в наших условиях да еще в большом городе, он кроме Лапка держит комнатного песика Громобоя, какой-то невыразительной породы, котов Филей и Антрекот, полдюжина курочек, петуха Оратора и козу несколько с необычным для этого мирного животного именем – Зловещая.

Иван Митрофанович – активнейший член общества защиты животных и растений «Живрас».

Дня не проходит, чтоб Иван Митрофанович не составил с помощью милиции протокол на какого-нибудь извозчика за издевательство над конягой или не оттащал за чуб хлоп-

чика за отломанную веточку или сорванный лист с уличного дерева.

После работы Ивану Митрофановичу только и хлопот, что накормить весь свой, как он говорит, зоосад, подпрavitь будку Лапка, подоить козу (Иван Митрофанович сам доит Зловещую), выпустить погулять Громобоя и перещупать всех своих кур.

Перед сном Иван Митрофанович читает.

Но читает уже около двадцати лет одну и ту книгу Брема «Жизнь животных».

Иной литературы Иван Митрофанович не признает.

– Все книжки – вранье, а в этой истинная правда и польза, – часто говорит он.

Встает Иван Митрофанович рано, в пятом часу: в половине седьмого ему надо быть уже на работе.

Но прежде чем выйти из дому, Иван Митрофанович подкинет сенца Зловещей, откроет оконце курятника и уж тогда, под радостный скулеж своего любимчика Лапка, важно шествует к трамвайной остановке...

Работает Иван Митрофанович на местной скотобойне главным свинобойцом; каждый день он убивает около тысячи свиней.

Энтузиасты

– Доброго здоровья!

– Добр...

– Где мы встречались?

– Не припоминаю.

– Кажется, в Киеве?

– В Киеве? Гм... Может, Костенко?

– Он.

– А-а-а!!! Доброго здоровья! Не узнал! Слово чести!! Так, так... Давно в столице?

– Четвертый год.

– Ого. Я только третий. Что поделываем?

– По научной линии. В институте. Изучаем жилищные условия трудящихся.

– Так, так... Интересная работа?

– Чрезвычайно. Новые горизонты, можно сказать, открываем. А вы что?

– А мы закрываем горизонты.

– То есть?

– Да видите, я инженер-строитель. Ну, мы нашими «невеличкими» домами скоро все харьковские горизонты позакрываем. Хе-хе!

– Точно! Го-го!

– Выходит, что мы с вами почти в одной области работа-

ем?

– Интересная область – жилищное строительство. Какие перспективы?

– Что перспективы? Какие достижения! Отдельные квартиры! Электрика. Лифты.

– Ванны, кубатура, воздух, равномерная температура.

– А работать в таких условиях? Красота!

– И не говорите. По исследованиям нашего института, производительность труда лиц, живущих в хороших жилищных условиях, вдесятеро больше. Вон как!

– Понятно. Меньше болеют, нормальный сон, гигиена... Ну, бывайте.

– Вы куда?

– Да надо забежать тут на Москалевку. Один знакомый маклер обещал комнату с кухней за семь тысяч. Боюсь зевнуть – цена очень подходящая. А вы куда? В институт?

– Нет. Я сперва забегу к врачу. Дочка заболела – малокровие. Знаете, в ужасной комнате живу. Темная, сырая.

– Кстати, где вы живете? Адрес на всяк случай?

– Я? В Мерефе. Дача Козолупенка.

– В Мерефе? Да мы ж, выходит, соседи! А я в Мерефе на даче Крылопупепка. Так заходите ж непременно сегодня. Чайку попьем... то-се...

Солидарность

Теперь смело можно сказать, что мы стоим на рельсах и катимся, и революция на тринадцатый год сама собою повернула. Достижения есть. Ну, хотя б нащот массовой солидарности.

Бесспорно. В это воскресенье убедился.

Откровенно говоря, выпили с товарищем Степкой Пупьяненко. Выпили честь честью, немного. Без перегрузки, а так – средственно. Благородно, одно слово. Без протоколов и бесплатных кучеров. Выпили, а потом на трамвай и домой.

Влезли, стали, едем.

Впереди меня гражданочка стоит. Довольно интересная лицом и юбочка минимум. Стоит и вдруг индифферентно говорит:

– Не дышите, – говорит, – товарищ. Из вас же, как из бочки, водкой несет.

– Как, – говорю, – не дышите? Не могу ж я из-за вашей буржуйской блажи одеколон пить! Прошли такие времена.

Публика смеется.

Я публике:

– Граждане, чего вы смеетесь? Тут дышать не дают, а вы смеетесь? А массовая солидарность, товарищи?

А из публики кто-то:

– Понапрасно ты, браток, волнуешься. Мы как раз не про-

тив тебя, а за тебя смеемся. А гражданка, если такой дух ей наносит ущерб, может смело пешком идти или на извозчике другие ароматы нюхать.

Гражданка обиделась и кондуктору.

– Товарищ кондуктор. Тут гражданин, – на меня пальцем, – пьяный и водочный дух распускает. Просто немисленно!

«Ну, – думаю, – скинут». И уже дергаю Степу за рукав:

– Остановка, – говорю, – кажется, наша.

И тут слышу, кондуктор заговорил.

– Не вижу, – говорит, – в поведении этого товарища некоторых пьяных функций. А насчет водочного запаха... запах этот нормальному движению вагона не мешает. Ваш билет.

Дамочка видит, не до шуток – и ходу из вагона, а мы благородно дальше поехали.

Что ни говорите, товарищи, а массовая солидарность – великая вещь.

Ярмарка в Полтаве

Граждане! Не скопляться! Проезжайте живей! Соблюдайте порядок! Коли ты, примером, свинья, так не лезь в коровий отдел. И вообще, очень прошу! Ну? Кому я говорю? Вам говорю – какого ж ты черта ворон ловишь? Никоторой сознательности! Смотри на арку. Написано: «Добро пожаловать» – значит, и придерживайся лозунга, а не прись, как са-

ранча членовредительная.

– Беспроигрышная лотерея «Иде-фикс», или по-нашему, по-русскому, «верное дело». Прошу не путать с прочими подобными одурачиваниями доверяющей публики. Еще только три дня! Мыло попа-дается! Духи попа-даются! Пудра попа-дается! Булавки, иголки попа-даются! Граждане, будьте уверены, как дома!

Раз вы купили билет за пятнадцать копеек, полбеды уже сделано – и ключ от секретности вашей судьбы в вашей собственной руке!

– Мухоморы «Идеал». Высшая кара для мух. Приговор исполняется завсегда. Помилований не бывает. Только тут и только сегодня! Смерть мухам! Мухоморы «Идеал»!

– Кварц-наждачный брусок. Лебединая песня Эдисона! Изобрел и не умер! Точит ножи, топоры, косы, поднимает разные хозяйственные вопросы! Вот вам коса – беспросветно тупая. На ваших уважающих глазах я беру косу и вдарю по своей руке – без последствий! Которая коса, как видите, тупая! Потом я беру кварцнаждачный брусок и, не говоря худого слова, провожу по косе несколько раз способом, известным науке под названием наострень²⁰, и прошу: даже бумага режется, как воздух! Не подумайте, граждане, что тут какая-то манипуляция с руками или отведение глаз. Все это секрет изобретателя, который с помощью металла

²⁰ Наострень – род узкой лопаточки, намазанной смолою с песком и служащей для острения косы.

кварца и минерала наждака с добавкой почвы Арканзаса²¹ и трех частей собственной секреции изобрел кварц-наждак! Брусок за тридцать копеек!

А стекло? Как шлифовать стекло? Пальцем не отшлифуешь! Чем резать стекло? Одного желанья мало! Кварц-наждачный брусок режет стекло какой хотите форменности. Криво, косо, фигуры, зигзаги!

Покупайте, граждане, потому что это вам не какие-нибудь медные часы 56-й пробы, а вещь осязательная на ваши собственные глаза!

– Да, коньки справные, что и говорить! Но, истинно говоря, держать их можно только для заведения потомства. Потому, запряги его в воз или, примером, в арбу, то останутся, безусловно, одни оглобли, а остальное перейдет в забвение праха – и домой пойдешь пешком! Што, неправильно? На таких коньках, дорогой товарищ, видать, и на конском фронте делишки подправляются! Што, неправильно?

– Отцы наши благодетели.
Мамы наши сожалетели.
Подайте темному, незрелому,
Заработать неумелому,
Войдите в сознание –
Взгляньте на мое сострадание...

²¹ Арканзас – штат в США.

– Этот конища с запалом?²² Гражданин! Да вы лучше вдарьте меня по морде, но не употребляйте таких слов! Да где же у него запал, накажи меня Бог?! Настоящий конища довоенной продукции! И что ты в зубы заглядываешь? И зубы, и противной хвостовой полюс в исправности. Да этого коня хоть в подозрительную трубу разглядывай – все на своем месте! Что? Триста дорого? Ну, молись, двести девяносто и десятку на пропой! Не идет? Ну и за двести не пойдет. Нехай постоит. Воздуху не занимать. А кормов он по три дня не просит – все равно не даем! Походи, походи, товаришок! Ноги, видать, свои, не покупные. Походи!

– Ваша судьба, мадамочка, безусловная, но зависит она от одного ответственного короля из казенного дома. И загинаить король ваш признание какойсь-то блондинке, да вы не сумлевайтесь: с блондинкою у него антирес вроде как де-юре, а с вами дошло до факту, и видать это, дорогая, и по картам, и по вашей хвигуре...

А у вас, дорогой товарищ, недоразумение с трефовым королем.

По этой гризинатальной линии вроде тот король из контрольной комиссии, а по этой шпенпердикулярной – вроде из вашего учреждения.

И копать, копать король тот под вас разные ямы и закладывать фугасы.

И на пролетарское происхождение не надейтесь, оно у вас

²² Запал – болезнь легких у лошади, выражающаяся в одышке.

уже стерлось.

А мозоль эта – ни к чему. Это портфельная. Комиссия на нее не обращает внимание.

Женская линия у вас сильно разрослась и совсем знистожила линию алиментарную.

А этот горбочек – от водочки. Выпирает он чрезмерно...

– Держи! Держи! Лови! Товарищ милиционер! Эта голая сволочь украла у меня коробку пудры! Без штанов, мерзавец, ходишь, а красть умеешь?

– Граждане! Прошу в район, не выражаться! Там все без вас будет сделано. По закону! В чем дело?

Кошмар

– Что? Женщина? Пустое! Куда ей! Детей рожать – правильно, полагается. Варить, стирать – штатные обязанности. Никто не возражает. А чтоб руководить наравне с нами – извините.

Так говорил своему приятелю Ковде гражданин Куценький, идучи 8 Марта в присутствие.

– И удивляюсь я, знаете, Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину. Умный человек, а мог такое сказать: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством».

Когда приятели сели в трамвай, Куценький продолжал:

– Ну, вот гляньте вы на эту кондукторшу. Куда она годится? Семь градусов мороза, а она уже билета не оторвет

как следует. Видите, на пальцы хукает. А все ж туда – «управлять государством».

– Ваш билет? – спросила кондукторша.

– Льготный!

– А удостоверение есть?

– А то как же, – ответил Куценький.

– Предъявите.

– Сейчас.

Куценький долго обыскивал все карманы, лазил и в портфель – удостоверение не нашлось.

– А еще с портфелем, – сказала кондукторша. – Оштрафовать вас следовало б, да уже ради нашего дня не буду. Сходите, товарищ портфельщик.

Пришлось сойти.

– Вот гадюка! – пыхнул Куценький. – Уверен, будь кондуктором мужчина, никогда б такого не было. Оторвать билета не может, а права свои показывает.

На работе в тресте Куценького встретила регистраторша.

– А! Тов. Куценький! Поздравляю. Сегодня и вы погуляете даже больше нас. Мы лишь два часа, а вам, наверно, на целый день счастье подскочило.

– Какое счастье? – подивился Куценький.

– Да вас на сегодня вызывают в суд. По какому-то там делу. Зайдите ко мне, я вам повестку дам.

Когда в суде Куценький увидел, что его домработница Люба тихонько разговаривает с какой-то молодой женщиной

в пенсне и с огромным желтым портфелем, он понял, какое счастье привалило ему на 8 Марта.

«Подала-таки стерва», – едва успел подумать Куценький, как открылась дверь, и секретарша суда объявила:

– Суд идет!

Вошли судьи: две женщины и один мужчина. Кресло председателя суда заняла пожилая женщина.

– Слушается дело по обвинению гражданина Сергея Пилиповича Куценького по статье...

Но Куценький уже не слушал.

«Упекут! – думал он. – Кругом одни женщины, женщины... Председатель – женщина, член суда – женщина, секретарь – женщина, защитник – женщина, истец – женщина. Кошмар!..

Суд недолго рассматривал дело. Все было ясно. Не платил домработнице Любови Приймаковой жалованье, два года не платил и в соцстрах, не давал выходных дней и отпусков, прописал ее в домовой книге как племянницу. Приговор – заплатить жалованье за два года.

Возвращаясь из суда, Куценький зашел в пивную и с горя напился. И попал в милицию.

В район его доставила женщина-милиционер, подобрав пьяного на площади, которая носила имя женщины – революционерки Розы Люксембург.

В пивнушке

– Я, уважаемый товарищ, с полгода пребывал в безработной категории. Но наконец устроился на службу. Потому, знаете, неудобно без работы. Все ж таки я на фронтах в двадцатом году был и, кроме того, моя двоюродная сестра замужем за секретарем биржи труда. Одна ситуация помогла другой, и я устроился. Кондуктором. На трамвай. Должность ничего, хорошая. И жалованье дают, и воздуха свежего сколько хочешь. Потому в вагоне двери каждые пять минут открываются на остановках и на воздух кризиса не бывает. Опять же таки выходной день раз в неделю, на общие собрания ходишь, взносы платишь – не запрещают. Кроме того, на заем подписаться можно. Вообще должность подходящая. И главное – общественная, всегда среди публики. Кто на службу торопится, кто в баню раз в месяц выберется, кто просто для развлечения прокатится. В цивилизованной стране без трамвая никак нельзя. А я цивилизацию уважаю и борюсь на этом фронте, сколько это возможно на моем посту. Иной кондуктор сразу:

– Пройдите вперед! Не мешайте работать! Ваш билет!
Грубый прием.

А я так не могу, у меня на первом плане цивилизация.

– Граждане! Не торчите в проходе! Продвигайтесь вперед в направлении движения вагона и дайте возможность другим

которым пассажирам приблизиться к намеченной цели. Может, кто спешит в страхкассу за пособием на похороны своей дорогой бабушки, а вы ему на мозоль наступили. У человека сильная душевная боль, а вы ему еще и физическую причиняете. Проходите, проходите, не кривите морды! Пора уже стать цивилизованными.

И публика слушает, потому без грубости, деликатно.

Или:

– Возьмите билет, подруга, не принуждайте меня к амортизации. Сбрасывая вас среди дороги и делая лишнюю остановку народного вагона республики, происходит амортизация тормозов и колес. Понимайте задачу. Я, конечно, могу оштрафовать вас и без морали. То ничего, что от вас духами «Коти» пахнет. И с «Котами» можно припаять три рубля, но лучше давайте ликвидируем эту отсталость без грубости, цивилизованно.

Известно, дамочка покраснела, но деньги достает быстрее.

С пьяными у меня тоже все отлажено. Например, в вагон ворвался алкашка. Другой кондуктор сразу дзинь-дзинь – и пожалуйте прочь. А я так не могу. Ну, какая польза с того, что пьяный выйдет из вагона коммунального трамвая? Никакой пользы. И я так не делаю. Я этот социальный момент использую для пропаганды Днепрогэса.

– Вот, говорю, товарищи пассажиры, обратите внимание. Этот гражданин неуверенными руками достает из кармана

деньги, потому гражданин немного выпили, или, выражаясь авторитетно, находится в когтях римско-католического бога Бахуса. И это на двенадцатом году революции, когда Днепрогэс – наше боевое задание! Подписывайтесь на второй заем индустриализации, не ждите третьего.

А почему я все это делаю? А потому, что во мне чутье сидит. Скинуть пьяного нетрудно, только таким способом мы нескоро Днепрогэс построим. Надо понимать.

Карман жулики вырежут, например. Случается это довольно часто. Другой кондуктор и усом не моргнет, а я на такое явление быта непременно реагирую – рекламирую кооперацию.

– Граждане! Вы присутствовали при событии, которое еще раз подчеркивает, что без кооперации мы не можем: у всех цивилизованных народов кооперация процветает. У гражданина вырезали карман и вдрызг испортили штаны. Где он сможет их купить при скромном бюджете честного трудящегося? Только в кооперации! Там и дешевле, и путь к социализму.

Так-то, уважаемый товарищ! На шаблоне да на грубости далеко не поедешь. Я все это кладу во внимание.

Сколько у моих коллег-кондукторов скандалов из-за детей бывает, а у меня никогда.

Сегодня, например, дамочка с ребенком входит с передней площадки:

– Дайте билет!

– Надо, говорю, два.

– Почему же два?

– Как почему. А ребенок?

– Ему только три года.

Ну что ты с нею поделаешь? Тут по нашей инструкции разговор короткий: дзинь-дзинь и: «Ослобонить вагон!»

Да разве ж я могу так неделикатно?

– Аж, говорю, три года? Какой, говорю, пассаж? Три года?

А чем же вы, гражданка, докажете такую хронологию?

– Ничем я доказать не могу. Три года и все!

– Ах, три года... Тогда, извините, ваш ребенок не ребенок, а просто пур-ден-кинд. В паноптикуме, говорю, вы на нем можете тысячи зарабатывать, а тут платите десять копеек. Потому эксплуатация трамвая стоит на бюджете нашей республики и нельзя подрывать. Вспомните речь тов. Петровского... Бюджет, говорю, требует баланса... По-вашему, может, баланс мелочь, пустяк, а в бухгалтерии он колоссальная роль. Дебет-кредет... Поэтому, говорю, не доводите до пересмотра государственных возможностей. Сходите, говорю. И пур-ден-кинда вашего не забудьте, нам он ни к чему.

И выскочила дамочка без никоторого скандалу. Потому – не подкопаешься. Все деликатно и цивилизованно.

Интересная служба у нас, гражданин.

Идете уже? Ну, всего вам! А может, еще б посидели? Люблю в компании выпить за цивилизацию.

Хитрый врач (Шутка в одном действии)

Действующие лица: врач, симулянт.

Комната меблирована как врачебный кабинет; стол с бумагами, деревянный диван, шкаф с медикаментами, несколько стульев и т. д. Когда поднимается занавес, на сцене никого нет, за кулисами гвалт, ссора. Выкрики: «Моя очередь». «Я раньше вас пришел», «Моть, я инвалид» и т. д.

Врач (*влезает в окно*). Ф-ф-фу-у! Да где! Как в трамвае. Чуть не задавили. Да где!.. Курортная кампания: в свой собственный кабинет надо через окно лезть. Да где! Ну-с, надо приготовиться. (*Снимает с вешалки халат, надевает*). Да где!.. (*Пробует мускулы на руках*). Слабиссимо! Нет! Одежда средневековых рыцарей больше подходит к современным условиям, полагаться на собственные бицепсы опасно. (*Надевает поверх палата жестяной панцирь*). Ишь, как прогнулся... Здорово его вчера саданул тот, что на туберкулез в руках жаловался... Да где... Ну-с? Кажется, все... Больше, кажется, ничего нет такого выразительного. (*Берет пресс-папье, прячет в стол, осматривает комнату*). Все! Так! Готово! (*Зовет*). Санитар! (*За кулисами шум*). Санитар-р-р! (*За кулисами перебранка, слышится звонкая пощечина, вопль: «Ай, мама!»*)

Влетает симулянт.

Врач. Санита...

Симулянт. Санитара? Уже нет! И что ты такого хлипкого ставишь? Только раз вдарил, а он уже к земле припадает?

Врач. В чем дело, товарищ?

Симулянт. В груди.

Врач. В чем?

Симулянт. В груди. Разве не видишь, как я взволнованно дышу?

Врач. А что именно в груди?

Симулянт. А я знаю? Мо, пеницит, мо, шкарлятина. Это уже твое дело. (*Намеревается снять пиджак*).

Врач (*испуганно*). Что... Что вы делаете?

Симулянт. Ги-ги. Да не бойся. А мо, я тебя еще и не пожелаю бить. Ги-ги!

Врач. Да где... Мне надо записать вас, товарищ.

Симулянт. Записать? Ну, пиши, пиши, а я пока болезнь подготавлию.

Врач (*записывает*). Где вы работаете, товарищ?

Симулянт. Завод «Красная кишка». Кишки выворачиваю. Семнадцатый разряд плюс пятидневка прогула.

Врач. Пятидневка?

Симулянт. Ну да! Спец!

Врач. Так, так... Ну, подойдите сюда, товарищ. Я вас сей-

час простукаю.

Симулянт. Ну-ну-ну! Я тебе простукаю!

Врач. Да вы не бойтесь, товарищ.

Симулянт. Кого? Ха-ха-ха! Тебя? Сублильный ты, бра-тишка, элемент, чтоб я тебя боялся. Ну на. (*Подставляет грудь*). Стукай!

(*Врач простукивает*). Ой! Только не щекочи... (*Смеётся*). Ой! Да не щекочи... ха-ха-ха... Я ревнивый!!!

Врач. Тут болит?

Симулянт. Спрашиваешь! Конечно же, болит!

Врач. Давно?

Симулянт. Пиши, с девятьсот пятого года.

Врач. Ну, станьте сюда... Дышите! (*Прикладывает ухо к груди*). Дышите. (*Симулянт дышит так, что врач подпрыгивает*). Так (*пожимает плечами*). Да где... Повернитесь. (*Даёт фоноскоп, симулянт смотрит на аппарат и кладёт в карман*). Да не в карман, а сюда. (*Кладет на грудь*). Дышите! Еще! Еще! Еще раз! Не дышите...

Симулянт. Что ты мне на четырнадцатом году революции дышать не даешь?

Врач. Нет, товарищ. Это мне для науки надо.

Симулянт. Ну разве. Раз для науки – могу.

Врач. Садитесь, товарищ. Как у вас зубы?

Симулянт. Не все. В позапрошлом году у Феньки на дискуссиях три зуба выбили.

Врач. Эге... А язык как у вас?

Симулянт. И язык болит. Понимаешь, не могу правильно выражаться. Примером, хочу хорошее слово сказать, а выскакивает мат. Ревматизм, что ли?

Врач. Так, так... А как у вас глаза?

Симулянт. А что? Мо, скажешь здоровые? Не вижу. Ей-богу. Например, полчаса с тобою разговариваю, а до сих пор не пойму, кто ты, мужчина или, мо, женщина-врач? *(Подталкивает врача локтем).*

Врач. Да где... А руки?

Симулянт. Ой слабые! Насилу очередь растолкал, пока к тебе добрался. А санитаря твоего вдарил, а он даже не умер. Дышит...

Врач. Дышит?

Симулянт *(вздыхая)*. Дышит...

Врач. А с сердцем ничего не замечаете?

Симулянт. Ой боже ж мой! Наоборот. Без сердца ничего не замечаю. Только с сердцем. Даже получку с сердцем получаю. Серчаю, что за прогулы выворачивают. Сердечный я *(плачет)* инвалид.

Врач. Успокойтесь, товарищ. Ну а ноги как?

Симулянт. Ноги? Как раз плюнуть. Болят. И ноги болят, и горло болит... Никак не пойму, что за неувязка. Ноги промочу горло не работает, горло промочу – ноги не работают. Паралич... *(Всхлипывает)*.

Врач. Значит, вы водку пьете?

Симулянт. Пью, пью... *(Плачет)*. Врать не стану. Пью...

Вот только не закусываю.

Врач. Не закусываете? А почему не закусываете?

Симулянт. Нельзя.

Врач. Почему нельзя?

Симулянт. Катар.

Врач. Катар? Да где... А откуда вы знаете?

Симулянт. Знакомый фельдшер говорил. У вас, говорит, катар аж двенадцативерстной кишки.

Врач. Двенадцативерстной? Ложитесь...

Симулянт. Ай...

Врач. Ложитесь, ложитесь.

Симулянт. Вот тебе и на! *(Ложится на диван)*.

Врач начинает ощупывать живот.

Симулянт. Ой! Ой! *(Смеётся)*. Туда не лезь, там у меня ломота.

Врач. Грыжа?

Симулянт. Да, ломота. В семнадцатом году буржуя с моста кидал, так надорвался.

Врач. Ну, ложитесь. *(Закатывает рукава и хочет снова пощупать)*.

Симулянт. *(Кричит во всё горло)*. О-ой!!!

Врач. Что вы кричите? Я ж еще вас не давил.

Симулянт. А что, хочешь придавить?

Врач. Нет, нет, товарищ. Я только прошупаю вашу слепую

кишку.

Симулянт. Ля! Уже и кишка ослепла. Полный прорыв в организме!

Врач. Да где... С организмом у вас действительно плохо. Долго лечиться придется.

Симулянт (*радостно*). Значит, освобождение?

Врач. Вряд ли освобождение тут поперет. Да где... Придется и на курорт вас послать.

Симулянт. На курорт? Да дорогой же ж мужчина науки! Что ж ты молчал? На курорт! На курорт! (*Танцует*).

Врач. Успеете! Надо сначала небольшую операцию.

Симулянт. Операцию? Зачем же операцию? Мо, хватит пока освобождения?

Врач. Нет, товарищ. Там у вас двенадцативерстная кишка малость испортилась, так мы ее чуточку, верст на пять, укоротим. Отрежем! Ложитесь сюда!

Симулянт. Да я здоров!

Врач. Ложитесь, ложитесь. (*Достает из шкафа большой нож*).

Симулянт. Хворые ноженьки, спасайте! (*Убегает*).

Врач. (*Достает из ящика стола колбасу, отрезает кусок, начинает есть и хитро улыбается.*) Санитар! Давайте следующего!

Триумф жены

(Шутка)

В харьковский горсовет избрано 30 процентов депутатов-женщин.

В жилкооперативе довольно любопытная ситуация сложилась.

Современная ситуация.

Возвращаюсь как-то домой и встречаю соседа тов. Зайца.

Стоит на лестнице и плачет.

– В чем дело? – спрашиваю. – Почему плачете на ступеньках, а не на своей жилплощади?

– Не позволили.

– Кто?

– Горсовет.

– Не может быть, говорю, такого, чтоб запрещали гражданам плакать гам, где возжелается. Я всегда плачу у себя дома.

– А я реву, как видите, на людях...

– Да в чем же дело?

– В активности и популярности. Теперь наша квартира не квартира, а филиал горсовета. Сегодня выборы были...

– Ну?

– Ну и ну! Моя жена прошла от неорганизованных домохозяек, ваша домработница Феня Кривоножка – от организационных домработниц, тов. Ткачучка – от жилкооперати-

ва, а Лозиха – кандидатом. Сейчас распределяют функции. На кухне такой пленум стоит...

Тут Ткачук идет. Увидел нас, за голову схватился.

– Прошли? – спрашивает.

– Единогласно!

– Так и знал! Мне всю ночь мандаты снились. Что ж теперь делать, товарищи граждане?

Заплакали мы коллективно. Плакали, пока совещание на кухне не закончилось.

Потом впустили нас.

– Заходите, – говорит моя Феня, – да организованно, не топайте, как жеребцы: тов. Ткачук сейчас тезисы для доклада выдумывают.

Поразбрелись мы по комнатам, а через час снова сошлись в коридоре.

– Ну как? – спрашиваем друг друга.

– Меня уже втянули, – ответил тов. Заяц. – Приказали написать и повесить на двери, вот.

Показывает на табличку: *«Дежурство членов горсовета от 5 до 9 ежедневно»*.

– Я тоже уже чувствую женину популярность, – вздохнул Ткачук. – Уже моя дочка Леська заявила: «Какой же ты отец, раз даже в кандидаты не попал? Что я завтра в детском саду скажу? Отсталый ты элемент».

– Хорошо, что моя Феня не родственница мне, все легче. Хоть дети укорять не будут! – радостно выкрикнул я.

– Не велико счастье, – раздался за дверью голос шестилетнего сына. – Запомни: гулять теперь я буду только с Феней. Феня – власть! А ты что? Приятно, когда тебя власть за руку ведет.

Я прикусил язык.

– Это еще ничего, – шепотом говорит Ткачук. – А вот как теперь на предмет брани? Ну как ты ее отбреешь? Может, именно она дежурит? Исполняет служебные обязанности? Уголовным кодексом пахнет. Вон оно что! Придется, наверно, ночью, когда уснет.

В первом часу ночи мы снова сбежались в коридоре: Ткачук, Заяц и я.

Члены горсовета спали.

Ох и влетело им!

Нет житья *(Монолог летуна)*

На заводе у нас черт знает что творится!

Контролер на контролере. Ужас! Каждый свой нос к станку сует, а настоящему рабочему житья нет. Буза!

Не выйдешь на работу – на черную доску вывешивают: «Прогульщик!» Опоздал на работу – штраф! А шуму того, шуму! «Срыв», «Прорыв», «Разрыв». Трах-тарарах-бах – и сразу штраф!

Я не говорю, что неправильно. Правильно. Раз не вышел

на работу – наказывай.

Только разберись. Моть, я галоши по талону в рабкоопе добывал. А моть, я больной, моть, мне в Харькове уже и дышать нельзя. Моть, мне на Кавказе пора дышать.

Давай, говорят, справку от врача. Бузотеры! А врач кто? Разве врач понимает душу рабочего человека? Разве ему душа нужна? Ему аппендицит сам вынь да в мусорное ведро кинь... Прихожу неделю назад. Так и так, товарищ доктор, горло. Он посмотрел: «Чепуха. Работать не мешает». Вскипел я. Как не мешает? А моть, у нас воззвание ЦК обсуждаться будет, а я молчи? А, моть, я встречный план выставлю! Давай, говорю, освобождение, пока живой!

– Да вы не умрете, – отвечает.

– Не я, а ты пока живой.

Дал, конечно. Такие у нас врачи. А инженеры, думаете, лучше? Ни подхода, ни линии к рабочему человеку. Был у нас на ХПЗ один такой. Не человек, а трудовой интеллигент.

– Продукция, – говорит, – у вас, товарищ Крикун, ни к черту не годится. Браку много. Подтянитесь! Нехорошо.

«Ах ты, – думаю, – гнида! Кому ж ты говоришь, а? Да, моть, я таких, как ты в семнадцатом без которого промфинплана тридцать семь штук в тачке вывез! А не веришь, так я тебе из дома контрольные цифры принесу. У меня записано. Из-за таких на заводе не удержишься, а потом говорят – летун, бездельник. И летаешь, потому не понима-

ют рабочего человека. Разве летать – радость велика? Перешел я, к слову, с ХПЗ на „Свет шахтера“. Разве ж такие условия труда? Гудок не тот, трамвай не тот. Пивная далеко. Пока привык – неделю опаздывал. Мастер начал буровить. Свой же брат рабочий, а как мастером стал, так сразу на интеллигентскую точку потянул: „Продукция плохая, норма хромает“. Поучитесь, говорит, у наших ударников. Как сказал он это, так верите, у меня в нутре что-то перевернулось. Мне? Учиться? У ударников? У шпаны? Да, моть, я сам такой ударник, что уже и не знаю, по ком и ударять. Такая обида! Ну, думаю, ладно. Посмотрю я на твоих ударников. Хорошо. Подхожу...

Ну, товарищи-граждане! Такое увидел – выразиться не могу. Куриный смех. За ударного бригадира баба! В штанах, в кепке и курит... Ах!.. Ну! Браток, брось... Чтоб Петька Крикун у бабы учился! Не будет, браток, дела. Я, браток, бабу классовым врагом считаю. Меня баба раз так подсекла – вовек не забуду. На собрании обсуждали мы план. Беру я слово. „Да, – говорю, – так и так, неправильно составлен план. Переборщили. Разве можно, чтоб такие задания? Да и норма завышена“. После меня берет слово одна, значит, работница. Ну, баба. „Действительно, говорит, правильно заметил тов. Крикун – план составлен неудачно, не учли всех возможностей. Нормы выработки ошибочные, их надо увеличить“.

Как взяли меня на смех. „Что, – хохочут, – Крикун! Здоро-

во тебя женский вопрос поддержал!“ Вот подвезла, гадюка! Тьфу! Под корень подсекла. Не могу я теперь на бабу смотреть. Разве понимает баба душу рабочего человека? Правда, теперь и мужики не те пошли. Свой брат, а присмотришься... Такая буза... Нет таких, чтоб настоящий рабочий. Чтоб свой в доску. Он или двадцатипяти тысячник, или закон трактован до конца пятилетки. Тот соревнуется, этот кого-то на буксире тянет. Этот ударник, тот энтузиаст. Один выполняет, другой перевыполняет. Одного премируют, второму орден на блюдечке. Нет житья чистокровному рабочему! Эх! Трещит пролетариат!

Несчастные

Летом, начиная приблизительно так с июня и аж по октябрь, везде и повсюду на улицах, в садах, в театрах, в магазинах, в трамваях, поездах, учреждениях и т. д. появляется особая категория людей.

Не заметить их нельзя, они настырно лезут вам на глаза своим поведением, а чаще цветом загорелых лиц, нарочито оголенных шей, грудей, рук и ног.

Это – курортники.

Люди, которые только что вернулись с курортов.

Они громко разговаривают, рассказывают курортные анекдоты, смеются, корчат из себя веселых, жизнерадостных, беззаботных, счастливых.

Но не верьте им.

Все это – фикция, обман. Все это – для людского глаза.

На самом деле это несчастные люди.

Поговорите с ними внимательно и вы убедитесь, что это несчастнейшие люди нашей счастливой эпохи.

Я лично уже убедился, ибо разговаривал.

– Доброго здоровья, Кити.

– Ах, Сочи...

– И не думал менять псевдоним. Даже судебные исполнители уже привыкли описывать меня как Чечвянского. Как поживаете?

– Четырнадцать.

– Что?

– Взяла четырнадцать.

– Ах! Вы вон про что! Очень рад! Фунтов?

– Кило!

– Счастливая!

– Не очень. Против прошлого года не добрала кило.

– А-я-яй! Чем же объяснить такую катастрофу? Малым процентом озона в сочинском воздухе или, может...

– Ах! Какие там вазоны... Питание. Так намучилась!.. Масла мало, яиц мало, молока мало, мяса мало, хлеба мало, фруктов мало...

Иван Иванович! Здравс-с-с... Ишь! Прямо арап! На хлебозаготовках шпарились?

– Как раз... Из Ялты вчера вернулся.

– Из Ялты? Чудесно! Сколько взяли?

– Ой, не спрашивайте. Даже пуда не набрал.

– Неужели? Как же вы пережили такой удар? Подумать только: замдира треста и беспудовый, можно сказать, человек...

– Как пережил? Выстрадал. Вон как. Сплошная мука!

– Да в чем дело?

– Не знаете? С питанием ужас... Масла мало, сала мало, яиц мало, сыру мало, мяса мало, курей мало, винограду мало, хлеба, да и то черного, мало... Бывайте... Ох-хо-хо!

– Какой чудный загар! Евпатория?

– Новый Афон.

– Сколько взяли?

– Представьте, похудела.

– Да не может быть! И вы так спокойно про это говорите? Я всегда говорю, что сама природа назначила вас для героических поступков. Такой характер... Скала! Гранит!

– Скала. Уже неделю с этой скалы капаят слезы. Подумать – похудеть после курорта... Весила пять тридцать девять, а сейчас пять тридцать четыре. Пять фунтов, понимаете вы, бездушный мужчина!

– Понимаю, понимаю, без пяти фунтов женщина. Да «как дошла ты до жизни такой»?..

– И не остроумно. Если б вы знали, как там с питанием.

– Да ну? Перебои?

– Кризис! Буквально кризис! Масла мало, сала мало, яиц мало, молока мало, сметаны мало, сыру мало, фруктов мало, кофе мало, какао мало, винограду мало, а мясо, представьте себе, исключительно баранина. Полтора месяца буквально выстрадали...

– А! Привет! Что это с вами?

– А что?

– Да так... Будто не умывались.

– Ха-ха-ха! Ой, уморил! Ей-бо! Вот чудак! «Не умывалась...» Да это ж загар!

– Такой грязный?

– Фи-и. Это специальный загар.

– Как же он делается?

– Э... Это уже не... Не скажу. Ни за что на свете. Секрет!

– Ну, ладно. А как вообще!? Вы где были?

– В Алуште.

– Хорошо?

– Великолепно! Знаменито! Анекдот новый слышали?

На одном пляже лежит мужчина... Хи-хи-хи... Закрылся, понимаете, газетой... Ххи-хи...

– Слышал. Благодарю. А как с питанием?

– Ах! Боже мой! Я и забыла... Ужасно!

– Кризис?

– Где там... Тс-с-с.... Крах! Просто крах... Сала мало, мя-

са мало, икры мало, балыку мало, крабов мало, молока мало, сыру мало, сметаны мало, гоголя-моголя мало, белого хлеба мало, яблок мало, персиков мало, абрикосов мало, винограда мало, ананасов мало, дынь мало, консервов рыбных мало, консервов овощных мало, повидла мало, варенья мало. А масла за два месяца даже не пробовала...

– Что вы? Действительно, ужас! Без масла?

– Ага. Такой кризис, такой кризис на масло, что едва-едва хватило для загара...

– Для загара?

– Ну... Ой, уже и выболтала секрет... Родненький... Ради Бога, не говорите никому про секрет... Я столько перестрадала. Подумать только... Комната двести рублей, а тут еще с питанием... Сала мало, курей мало, индюков мало, поросят мало, ягнят мало... Родненький! Пожалуйста ж, никому про секрет...

– О! Будьте уверены! Молчу! Молчу, как телеграмма «с оплаченным ответом»! Да разве ж я не пониманию людских страданий? Кашалотов мало, бронтозавров мало, удавов мало...

– Мало...

– Пороть вас мало...

– Родненький! Шутит... Ха-ха-ха...

– Нет, не шучу, черт побери! Колибри мало, пеликанов мало, жирафов мало, кенгуру мало... Родненькая... чтоб тебя разорвало!

Граждане! Не верьте жизнерадостным и беззаботным людям с лицами и шеями цвета давно нечищенного желтого башмака.

Люди те – несчастные.

Ложки

Сейчас у нас сильный напор на общественное питание пошел.

По плану напирают.

И декреты, и газеты пишут, отдельные деятели по поводу высказываются, и профактивисты по сути выражаются.

Поэты стихи про общественное питание слагают, писатели про героев огуречного фронта романы строгают.

Кроликов уже не только в школах, а даже и в детских садиках начали разводить.

У нас уже есть и дошкольные кролики, и кролики средней школы, и кролики высшей школы.

Недалеко то время, когда за кроликов возьмутся в Академии наук, у нас будут, очевидно, и академические кролики.

А что вы думаете? Раз надо – надо.

Однако не одни кролики и поэты решают судьбу общественного питания.

Есть еще много вещей, которые решают.

Примером, ложка.

Она тоже решает. Она тоже играет функцию. Ложка тоже не абы какое орудие производства на столовском фронте.

РЕТРО

Сатирик Василий Чечвянский (1888—1937) является родным братом классика украинской сатиры Остапа Вишни. Их настоящая фамилия Губенко, оба взяли псевдонимы.

Василь Чечвянский участвовал в Первой мировой войне. В 1917 году перешёл на сторону революционных настроенных солдат. Гражданскую

войну провёл в рядах Красной армии. В 1924 году демобилизовался, занялся литературной работой. В разгар большого террора был арестован и расстрелян. За короткую творческую жизнь Василь Чечвянский выпустил семнадцать книг. Предлагаемый рассказ на русском языке публикуется впервые.

Василь ЧЕЧВЯНСКИЙ

Сейчас у нас сильный напор на общественное питание пошёл.

По плану наливает. И декреты, и газеты пишут, отдельные деятели по поводу высказываются, и профактивисты по сути выражаются.

Поэты стихи про общественное питание слагают, писатели про гаремы огучного фронта романы строят.

Кроlikов уже не только в школах, а даже и в детских садиках назвали разведки.

У нас уже есть и дошкольные кролики, и кролики средней школы, и кролики высшей школы.

Недалеко то время, когда за кроликов возьмутся в Академии наук, у нас будут, очевидно, и академические кролики.

А что вы думаете? Раз надо — надо.

Однако не один кролик и поэты решают судьбу общественного питания.

Есть ещё много вещей, которые решают.

Примером, ложка.

Она тоже решает. Она тоже играет функцию. Ложка тоже не абы какая штука.

Мы ж не какая-нибудь там буржуазная Австралия. Пускай уж там ложка служит предметом роскоши, а у нас это один из факторов улучшения благосостояния трудящихся.

Без ложки, как видим, довольно трудно стоять в первых рядах и вообще не вставать.

Итак, кролики кроликами, а ложку на задний план загнать не следует, наоборот, надо выдвинуть ложку.

Вот почему приятно бывает зафиксировать, что кто-то обратил на ложку внимание. И не какой-нибудь там одиозный ложечный энтузиаст, а целый коллектив.

Массово обратила.

В одной столовке ложка была. Много было, а стало ещё больше. Событийно, но сразу стало больше, а постепенно — сначала их стало значительно меньше, а потом уж стало больше. Это после того, когда ложка стала центром внимания, когда ложками заинтересовались широкие массы.

События развернулись так. Стала администрация столовки замечать — ложки исчезают.

Исчезают — в асб.

ЛОЖКИ

Зав на обеде выступил с речью.

— Это ж ненормально, — говорит. — Это ж не ложка, — говорит, — и ложки на банкетной, чтоб им проладать. Я, — говорит, — этот вопрос просто на ребро ставлю: где ложки? Это не литература. Это ж ложка! Революция название созвучности. Где ложки? Отвечай в порядке самокритики.

Масса, конечно, молчит. Тогда зав на крик перешёл.

Кричит:

— Это ж позор и пятно! Это несобственность — ложки в асб! Если такими темпами пойдём и дальше — придётся забыть про технику и на кустарщицу переключить — горстками берёз есть. Это сдача позиций. Мы идём к бесклассовому обществу, а не к безложечному. Такого дефицита не было. Предлагаю аттестоваться!

Тут народ, который обедая, и в самом деле на призыв завя откликнулся — всего тридцать четыре ложки пропало.

Тем не менее резолюцию одобрили:

«Ударить по отрывкам и положить конец».

Прежде всего по отрывкам плакатами ударили. По всем стенам развешены плакаты.

— А! — ложка твоя. Береги меня, «Ложка в массы — как арбушка в Динбасов», «Украденная ложка — к казённому дому дозревает и т. д.

Однако не помогло.

Какой-то ложечный враг в первом плакате буквы ex зачеркнул и вместо берёз вышло берёз ложка. За два дня снова всё пятнадыть ложки исчезло.

У завя уже нарыва горючка навалилась: сам явля на горячку

Тут народ, который обедая, и в самом деле на призыв завя откликнулся — всего тридцать четыре ложки пропало.

Тем не менее резолюцию одобрили:

«Ударить по отрывкам и положить конец».

Прежде всего по отрывкам плакатами ударили. По всем стенам развешены плакаты.

— А! — ложка твоя. Береги меня, «Ложка в массы — как арбушка в Динбасов», «Украденная ложка — к казённому дому дозревает и т. д.

Однако не помогло.

Какой-то ложечный враг в первом плакате буквы ex зачеркнул и вместо берёз вышло берёз ложка. За два дня снова всё пятнадыть ложки исчезло.

У завя уже нарыва горючка навалилась: сам явля на горячку

Всюду собственноручно объяснения пораскидывал:

«Ложка будет отпущена только под залог в 1 рубль».

И что б вы думали? Как по маслу пошло!

В первый день выдали семсот ложек, после обиды собрали восемьсот.

Зав от радости в этот день даже начал смеяться. Газетик, пообедовав в столовке, риск — благодарное дело!

На другой день дело ещё лучше.

Выдали семсот пятьдесят, собрали девятьсот пятьдесят. Двести штук наисел!

Зав козырем ходит! На поджак вместо хрипящих ложек пришёл.

А третий день уже не день, а ферия!

Пиван! Да, да. Ложечный пиван. Ничего не видно — одни ложки. На столах, под столами, полные бутеры, кукуруза, ложки, ложки, ложки...

С явным обморком. С кислородной истерикой.

А публика у массы ложками воздух сотрясает.

— Го-го-го! Га-га-га! — Возвращай наши бутеры! — Возвращай наши бутеры!

Жулики! Частный народ обманывают!

Люди сбегались. Милиция, Пожарники помпы приготовили.

Завя, насилию водою отделив. Фигурсы — заплакал.

«Гражданин Виноград! Какое! Приоритет мне общественное выносите. За-администрировался я на свою голову. Бейте меня».

— Да начём тебя бить, — Паргапул у палачу — ёно и бейте!

Тут вбегает какой-то товарищ. Кричит:

— Стойте! Я вам всю ситуацию выложу. Я занимаю Тут ядлом. У меня в магазине именно такие ложки по шестьдесят штук конек продается. Без теплоты и без нормы. Я за три дня пять тысяч штук продал.

Тут зав на каком матом как захрипел.

Спросите! Это ж я в каждой ложке по тридцать пять копеек переплатил. Спросите!

Тут всё стало ясно.

Дебаты начались: кто ж виноват? Кто-то говорит — это ложечный враг! Кто-то говорит — масса. Кто-то

Василь ЧЕЧВЯНСКИЙ

Перевод рассказа «Ложки» в «Клубе 12 стульев» «ЛГ» (16.4.2008).

Мы ж не какая-нибудь там буржуазная Австралия. Пускай уж там ложка служит предметом роскоши, а у нас это один из факторов улучшения благосостояния трудящихся.

Без ложки, как видим, довольно трудно стоять в первых рядах и вообще неудобно.

Итак, кролики кроликами, а ложку на задний план загонять не следует, наоборот, надо выдвигать ложку.

Вот почему приятно бывает зафиксировать, что кое-кто обратил на ложку внимание. И не какой-нибудь там одиночный ложечный энтузиаст, а целый коллектив.

Масса обратила.

В одной столовке ложки были. Много было, а стало еще больше. Собственно, не сразу стало больше, а постепенно. Сначала их стало значительно меньше, а потом уже стало больше. Это после того, когда ложки стали центром внимания, когда ложками заинтересовались широкие массы.

События разворачивались так.

Стала администрация столовки замечать – ложки исчезают.

Исчезают и все.

К примеру, начинается обед. Пустят в оборот, ну, скажем, восемьсот ложек, а после обеда соберут только пятьсот.

Триста, значит, тю-тю! Скрылись.

Выдадут пятьсот, соберут – четыреста. Снова недостача.

Что за черт? Где причина и социальный корень?

Зав на обеде выступил с речью.

– Это ж ненормально, – говорит. – Это ж не почта, – говорит, – и ложки не бандероли, чтоб им пропадать. Я, – говорит, – этот вопрос просто на ребро ставлю: где ложки? Это не литература. Это ж ложка! Реальное явление современности. Где ложки? Отвечайте в порядке самокритики.

Масса, конечно, молчит.

Тогда зав на крик перешел.

Кричит:

– Это ж позор и пятно! Это несознательность – ложки красть! Если такими темпами пойдём и дальше – придется забыть про технику и на кустарщину переходить – горстями борщ есть. Это сдача позиций. Мы идем к бесклассовому обществу, а не к безложечному. Такого декрета не было. Предлагаю откликнуться!

Тут народ, который обедал, и в самом деле на призыв зава откликнулся – всего тридцать четыре ложки пропало.

Тем не менее резолюцию одобрили:

«Ударить по отрывкам и положить конец».

Прежде всего по отрывкам плакатами ударили. По всем стенам развесили плакаты:

«Я – ложка твоя. Береги меня», «Ложка в массе – как врубовка в Донбассе», «Украденная ложка – к казенному дому

дорожка» и т. д.

Однако не помогло.

Какой-то ложечный враг в первом плакате буквы *eg* зачеркнул и вместо *береги* вышло *бери меня*. За два дня снова сто пятнадцать ложек исчезло.

У зава уже нервная горячка началась: сам себя на черную доску занес и заявление подал: «В связи со стремлением широких масс утопить меня в ложке, прошу меня уволить, иначе придется констатировать мое тело на веревке».

Заву отказали.

Тогда он адский способ придумал.

Всюду собственноручно объявления порасклеивал:

«Ложки будут отпускаться только под залог в 1 рубль».

И что б вы думали? Как по маслу пошло!

В первый день выдали семьсот ложек, после обеда собрали восемьсот.

Зав от радости в этот день даже дома не обедал. Говорит, пообедаю в столовке, риск – благородное дело!

На другой день дело еще лучше.

Выдали семьсот пятьдесят, собрали девятьсот пятьдесят. Двести штукросло!

Зав козырем ходит! На пиджак вместо хризантемы ложку пришил.

А третий день уже не день, а феерия.

Ливень! Да, да. Ложечный ливень. Ничего не видно – одни ложки. На столах, под столами, полные буфеты, кухня...

Ложки, ложки, ложки...

С завом обморок.

С кассиршей истерика.

А публика у кассы ложками воздух сотрясает.

– Го-го-го! Га-га-га!

– Возвращай наши рубли!

– Возвращай наши залоги!

– Жулики! Честный народ обманывают!

Люди сбегались. Милиция. Пожарники помпы приготовили.

Зава насилу водою отлили. Очнулся – заплакал.

– Граждане! Виноват! Каюсь! Порицание мне общественное выносите. Заадминистрировался я на свою голову. Бейте меня...

– Да нечем тебя бить.

– Перегнул я палицу – ею и бейте!

Тут вбегает какой-то товарищ. Кричит:

– Стойте! Я вам всю ситуацию выложу. Я завмаг. Тут рядом. У меня в магазине именно такие ложки по шестьдесят пять копеек продаются. Без талонов и без нормы. Я за три дня пять тысяч штук продал.

Тут зав не своим матом как закричит:

– Спасайте! Это ж я на каждой ложке по тридцать пять копеек переплатил. Спасайте!

Тут все стало ясно.

Дебаты начались: кто ж виноват?

Кое-кто говорит – зав, кое-кто говорит – масса. Кое-кто твердит – оба хороши. Два сапога пара.

Кто же в самом деле виноват, можно узнать. Когда будете обедать в стационарной столовой, спросите. Там знают.

Собака – друг человека

Еще одно слово и изничтожу тебя, как класс, – победно закончила жена, разбивая о мою голову небольшой бюст Н. В. Гоголя.

– Правильно! Распустили его! – добавил сын Павло, моя старшая смена (шесть лет, внук крестьянина, умершего от водки в 1909 году, в эпоху свирепого разгула реакции).

Когда все это свершилось, я тихо проплакал:

– Везет же кому-то! Вон супруга поэта Засмоктанного никогда не дерется бюстами гениального творца «Мертвых душ».

– Засмоктаниха, мертвая твоя душа, имеет возможность лупить своего сеттерными щенками, ирод! А кто об этом хлопчет-беспокоится? А? Муж. Так то ж мужья! А ты разве беспокоишься, чтоб я жила по моде? Беспокоишься?

– Да я ж...

– Молчи! У всех собаки. У Засмоктанных сеттер, у Коваленко – немецкая овчарка, у Безмыльного – доберман, у Салюченко – дог. Только я несчастная (жена заплакала) не могу показаться на люди. И все из-за тебя...

– Мама! А у Салюченков сегодня родилось десять щенят, – заметил Павло. – Уже какой-то дядька приходил. В очках. Ихняя Мурка говорила, что тот дядька – собачья акушерка.

– У людей и мода, у людей и семейное счастье.

Жена наградила меня таким взглядом, что, будь в моих силах – даю слово чести – я б родил, не задумываясь, двенадцать щенков какой угодно породы.

Но из всех собачьих достоинств у меня было лишь одно – способность выть, и я завыл:

– Чего вам надо? Собаку? Куплю! Украду! Какой породы? Стрептококк-пинчера? Сеттералапсердака? Домашнее такси? Болонку? Шпица? Фокс-премьера? Говорите! Заказывайте! Сто догов вам в квартиру!

Вечером по случаю выбора породы состоялся семейный совет.

Но тут, уважаемые читатели, я должен познакомить вас со своей родней!

Прежде всего, моя жена, подруга, так сказать, жизни.

Сногсшибательно симпатичная особа, такая же симпатичная, как и ее мать Гертруда Гуговна Шпок, остзейская немка. Разница между ними лишь в том, что Гертруда Гуговна уже умерла, жена же моя себя чувствует превосходно.

Прекрасно себя чувствует и женин дядя, гомеопат Отто Гугович, и две женины сестры: тетя Лизэт и тетя Катэт.

Обе тети тоже чрезмерно симпатичные и не без талантов.

У Лизэт сопрано и катар всех кишок. У Катэт меццо и катар лишь одной слепой кишки.

Дядя Отто Гугович голоса не имеет, недавно лишили. Зато дядя имеет искусственные зубы, которые часто выпадают у него во время обеда.

Наконец у меня два сына.

Старший – Павло – необыкновенно наблюдательное и находчивое дитя.

Он уже усвоил, например, что, если даже днем зажечь все электрические лампочки, то красная ниточка в счетчике начинает бегать куда резвее, нежели тогда, когда лампочки не горят.

Первый месяц Павловых электронаблюдений обошелся в 43 рубля и дал возможность этому талантливому созданию познакомиться с другой, не менее интересной наукой, экономикой.

Теперь рядом со счетчиком и оплаченным счетом висит неплохое пособие по экономике – фамильная нагайка-восьмерик.

Что касается младшего сына, Виктора, то, не обращая внимания на его минимальный житейский стаж – полтора года, – можно предвидеть, что из него выйдет незаурядный гастроном.

Прекрасная действительность категорически подтверждает мои родительские предположения.

Разговорный лексикон, безусловно, одаренного отпрыска

довольно твердо уложился в два слова «ам-ам». Причем он этих слов на ветер не бросает. Он ест все.

Сегодня съел коробку кнопок.

Живем мы дружно. Я мужественно добываю деньги, все остальные дружно превращают их в завтраки, обеды, ужины.

Итак, совещание по случаю приобщения моей семьи к моде проходило в бурной обстановке. Наша дружная семья во взглядах на породу своего будущего друга дружно разошлась.

Дядя Отто Гугович категорически требовал приобрести болонку как более гомеопатическую собачью породу.

Жена требовала серого английского дога.

Лизэт – фокса.

Катэт – шпица.

Я – сеттера-гордона.

Павло от выбора породы воздержался и лишь спросил, у каких еще собак бывают искусственные зубы.

В конце концов решили разыграть лотерею.

Номерки тянул Виктор и амкнул сеттера-гордона. Мог сын пойти против отца?

Теперь у нас есть обворожительная сука. Зовут ее Гарна.

Ах, товарищи! Ах, люди!

Если б вы знали, какая прекрасная модная жизнь настает, когда в квартире появляется наш друг собака.

Первый день пребывания у нас Гарной – день повального

восторга и радости.

Больше всех восторгался сосед молодой врач Мусий Иванович.

Он клялся памятью великого хирурга Пирогова, что такой рваной раны, какую сделала Гарна на правой ноге тети Лизэт, не видел ни один доктор на земле.

– Не стоните, – успокаивал он тетю. – Это же красота! Класс! Не! Вы посмотрите! Все как на ладони! Вот кожные покровы. Вот фасция. Вот мускулы – *musculus gastrocnemius*. Вот артерия. Видите – кровь льется. Если струится – значит, артерия, а если б текла медленно, то б была вена.

– Спасайте! – вопила тетя Лизэт. – Перевязывайте! Умираю!

– От такой раны быстро не умирают. От такой раны вы можете умереть не ранее субботы, когда у вас начнется гангрена, – авторитетно успокаивал Мусий Иванович, кончая перевязку. – Прекрасная рана, – продолжал он, неумело пряча трешку в боковой карман. – За пять лет учебы в медицинском институте не видал такой раны... Иди-ка сюда, собачка, я тебя поглажу... Где она?

– Она вот тут, – слышался из коридора голос Павла. – Доедает вашу вторую калошу.

– Ам-ам, – пояснил Виктор.

– Черт знает что, – смутился врач. – Новые калоши...

– Она ест не только новые, – добавил наблюдательный Павло. – Перед этим она съела боты тети Катэт. А боты очень

старые, рваные.

– Паршивка! – влетела из коридора Катэт. – Не собака, а троглодит какой-то. Я же говорила, лучше б шпица. Благородная порода.

– Гарну заперли в ванной.

Вечером к нам зашел знакомый Федор Михайлович. Охотник, собаковод.

Пили чай.

– Прогуливался. Погодка чудесная. Можете представить, какую я сейчас отличную колбасу купил, – говорил Федор Михайлович. – Целое кило. Советую и вам.

– А мы собаку купили, – сказал Павло, схлебывая с блю-дечка чай.

– Собаку? – подскочил Федор Михайлович. – Чего же вы молчите?

– Тетя уже кричала, – проинформировал Павло, не отрываясь от блюдечка.

– Показывайте! Я же на собаках собаку съел, – захохотал Федор Михайлович.

Привели Гарну.

– Ого! Неплохой пес. Так-так, – рассматривал ее со всех сторон Федор Михайлович. – Перо²³ как следует, колодочка²⁴ что надо. Добрячий пес.

– Премированный, – с гордостью сказал я. – Ее мама

²³ Перо – хвост.

²⁴ Колодка – корпус.

на всесоюзной сельскохозяйственной выставке...

– На собачьей, хотели вы сказать?

– Именно на сельскохозяйственной съела премированно-го голландского петуха вместе с перьями и медалью, висевшей на шее петуха.

Но этот дифирамб перебил радостно-звонкий голос Павла, который вбежал в комнату и затанцевал, припевая:

– *Наша Гарношта – собашта Съела кило колбасы.*

– Видите? Видите? – поймал я за руку Федора Михайловича, высунувшегося в коридор. – Вся в мамашу. Апорт, Гарна!

– Апорт – значит подай, – зарычал Федор Михайлович. – Как же она подаст, если уже проглотила, чтоб она сдохла. Кило ж колбасы!

– А глаза? Глаза! – не унимался я. – Обратите внимание. Ум. Осмысленность. О, вы еще не знаете Гарну!. Хотите, скажет цену вашей колбасы? Гарна! Же ву резон колбаса? Труа рублей а кильо? Гарна! Вуй!

– Гав, – подтвердила Гарна, облизываясь.

– Слышали? Три рубля.

– Два девяносто, – вздохнул Федор Михайлович.

– По талону брали?

– Так.

– Гарна угадывает цены товаров свободной продажи. Класс, братец ты мой! Породочка! С аттестатом собачка!

Сейчас покажу. Куда же вы убегаете?

Ужинали мы без Федора Михайловича.

За ужином по предложению дяди решили матрац для Гарной снять с моей кровати.

– Непремированные литераторы могут переспать и без матраца, – сказал дядя.

Я тоже голосовал *за*.

Спал я на голой сетке. Снилось, что я не я, а гончая, и меня премировали на собачьем конкурсе.

Проснулся я от боли. Укусил сам себя за ногу.

А утром дядя не мог найти свои вставные зубы, что положил на ночь на столик у своей кровати.

Иду сегодня со службы на обед. Под дверью своей квартиры вижу всю детвору нашего двора. Дико хохочет.

– Чего вы тут делаете?

– Концерт, дядя.

– Какой концерт?

– В этой квартире какой-то малахольный купил собаку, и она поет. Как только тетя заиграет и запоет, собака тоже поет, а мы спорим, у кого лучше выходит.

Я насторожился. Катэт пела романс Шуберта. Гарна выла. Я подхватил за компанию, и лишь мой голос обеспечил перевес вокальным дарованиям Гарны.

Воша

(Обывательский диалог)

Иван Иванович! Здравс-с!.. Куда это вы так спешите?

– А? Доброго здоровьичка! Спешу! Лечу! Бегу! Делов! Делов полна голова!

– А чем это вы так нагрузились? Что это?

– Это? Мертвый паек.

– Как?

– Мертвый паек. Бабушка полгода как умерла, а паевая книжка осталась. Так я до сих пор получаю.

– Здорово!

– Недурно. Бегу вот в «Динамо». На покойную бабушку коньки отпускают.

– Но почему пешком? Трамваем лучше.

– Лучше? А сдача?

– Какая сдача?

– Ну, сдача. С рубля, с пятерки, с десятки. В трамвае не дают, в рабкоопе не разменяешь. Ни поехать, ни поесть тебе.

– Паника! Да мелочи сколько угодно. Я только что разменял.

– Он разменял! Он разменял! А на Заиковке?

– Что там на Заиковке?

– Не знаете? Неужели не слыхали? Ужасный случай...

Умер один выдвигенец. Пошли родичи гроб покупать – сдачи нет. Ходят день, ходят два, ходят три, ходят чет...

– Враки! Не может быть, чтоб выдвигенец и так долго на одном месте находился. Уже б перекинули или сократили. Враки!

– Честное слово!

– Вранье! Не всякому слову можно верить. Вон один кассир божился-клялся, что денег на сдачу нет. А трягнули его дома и пожалуйста: триста сорок один рубль девяносто семь с половиной копеек серебром.

– Серебром?

– И медью.

– Где же он их припрятал?

– В самуваре.

– В самуваре! Смотрите, какое опасное место! В самуваре! А-яй!

– И что странно. Из-за несчастной полкопейки засыпался.

– Засамуварился!

– Пришли к нему, искали, искали, искали – нету.

– Нету?

– Нету. А он сидит – чаек попивает. На столе, значит, самувар кипит, чашки, блюдца, сахарок, вареньице – полный букет. И говорит кассир агенту розыска: «Может, чайку б выпили по такой, хе-хе, работе». А тот ему: «А почему б и не выпить? Пожалуйста». Начала жена наливать, а из самуварного кранта полкопейки в чашку бряк. Ох-хо-хо... И го-

ТОВЫЙ.

– Такой изобретатель! Господи!

– Нда... Не повезло изобретателю.

– Пострадал на финансовом фронте.

– Редееет армия изобретателей.

– А и вправде. Вон и у нас в жакте один изобретатель пострадал.

– На финансовом?

– Нет. На заготовительном.

– Жертва кулачья? Классовой борьбы?

– Какой там. Хуже. Жертва... таранки.

– Таранки?

– Ага. Придумал способ таранку хранить.

– Какой там способ? Таранка, кажется, всегда одним способом сохраняется: солится, вялится, сушится.

– Да нет, у него цель была другая. Большие масштабы.

– Интересно, какие масштабы?

– Скупал он во всех магазинах таранку, нанизывал на шпагат и спускал в вентиляционную трубу.

– Оригинально.

– Чрезвычайно! Семьсот сорок три таранки нанизал. А чтоб замаскировать, он на конец шпагата, что из отдушницы торчал, искусственную хризантему привязал.

– Эдисон!

– Куда тому Эдисону!.. Да... Пришли как-то гости. Увидела, на несчастье, одна дамочка хризантему. Откуда, спра-

шивает, у вас такая чудесная хризантема? Ах! Ах! Да ручкой дерг!

– Ну?

– Ну и ну! Хризантема в руке, а вся таранка бухнула с четвертого этажа куда-то в подвал.

– Боже ж мой! Крах рыбных промыслов!

– Теперь таранка гниет и на весь дом такая вонь...

– А он, идиот, на проволоку нанизал бы. Крепче.

– Да тут не в материале дело. Тут – судьба.

– А верно. Точно.

Судьба играет человеком,

Она изменчива всегда.

– Правильно! Судьба! Припоминаете Идиотенка?

– Какого?

– Ну, Идиотенка?

– Петра Петровича?

– Да его ж...

– Ну?

– Судьба. Помер!

– Грипп?

– Да нет.

– Тиф?

– По-душ-ка! От подушки помер!

– Съел?

– Не успел! Даже не попробовал. Подушки в одном магазине продавали. Пошел он в очередь. Купил подушку. На живот бечевкой привязал. Снова в очередь. Еще подушку. Словом, пять или шесть подушек приобрел. Летит радехонек домой, несет подушки перед собой, ничего не видит и... напоролся на такси...

– Іже есі на небесі!

– И его, и подушки – в пух и прах!

– В пух и прах?

– Эге. Даже в протоколе милиция записала: «На месте происшествия обнаружен пух и прах гражданина Идиотенка Петра Петровича». Судьба такая...

– Именно. А сколько человек мог бы еще сделать для республики...

– Еще бы...

– Мог бы стать в очередь за чересседельниками... За шлаком...

– За березовыми почками...

– Приобрести десять пудов славы...

– Ведра три касторки...

– Тонну козьих хвостов...

– Полную ванну керосина...

– Полный рояль набрюшников...

– Мог бы сделать матрац из мыла...

– Мог бы питаться прекрасною колбасою...

– Колбасою?

– Ну да. Колбаса из сои называется «колбасоя». Прекрасная штука. Кстати, как у вас дела с питанием?

– Прекрасно!

– То есть?

– Знаменито!

– Домашнее питание?

– Нет.

– Общественное?

– Нет.

– А какое же, наконец?

– Дружеское.

– Дружеское? Что за новость?

– Наоборот – древность.

– Дружеское?

– Именно. Мясо: друг мой – приказчик. Молоко: приказчик – мой друг. Масло: приказчик – женин друг. Овощи: подруга женина – приказчица. Решили проблему.

– Как же я проворонил?

– Живем не горюем! Жизнь бьет ключом!!! Общественные обязанности...

– Неужели имеете нагрузки?

– Ого! Вот бегу сейчас к Шептуновскому – нагружаюсь сплетнями, потом к Брехенчуку – нагружаюсь слухами, а тогда к самому Шушукале...

– А у него ж что?

– У него? Тс-с-с. У него... секретная новейшая организа-

ция. ВОША!

– Что-о-о-о?

– Говорю – ВОША.

– Что ж оно означает?

– ВОША – это Всеукраинское объединение шептунов-активистов. Поняли? Ну, прощайте!

– Бывайте здоровы. Надо ж и себе вступить.

1931

Хищник

Он сидел, пренебрежительно смотрел вокруг и злорадно думал: «Наконец-то... Я добился... Под ногами у меня все! Я топчу все! Политика, пропаганда, классовая борьба, техника, искусство – ничто не минует моих когтей... Целые тысячелетия люди рождались, страдали, умирали, сходили с ума в научных терзаниях, пока дошли до этого чрезвычайного достижения человеческой мысли, а я могу топтать его своими ногами... Ух! Как я злорадствую!!!»

И воробей, сидевший на радиоантенне, еще раз сжал ее своими лапками.

Топ-топ на село!

(Пародия на *Остана Вишню*)

*Ой полола горлиця
Лободу, лободу
Та й послала припотня
По воду, по воду и т.д., и т.д*

Чудесна эта народная песня, прекрасна эта народная песня, весела эта народная песня, но не весело было Запридуховскому с-х кооперативному товариществу, а совсем наоборот.

А «наоборот» это произошло из-за того, как говорят старые люди, «опчественного» племенного бугая, которого оно (с-х товарищество) приобрело у Краснопуповского филиала Доброскота, чтобы он (бугай) да полюбил запридуховских коров, чтобы от той любви да были славные телятки, чтоб те телятки да усердно сосали коров, чтобы они (коровы) да давали много моньки, чтоб она (монька) да облегчала нам жизнь и строительство социализма...

Великая, как видите, идея, прекрасная, как видите, идея...

.....

Иди, иди, припотню,

*Не барись, не барись,
На чужій горлиці
Не дивись, не дивись.*

Хоть и был тот бугай сентиментальской породы, хоть и смотрел он исключительно на запридуховских рогатых и хвостатых «горлинок», но ничего из тех взглядов не вытанцовывалось.

Не оправдал бугай надежд, которые возлагало на него с-х т-во, спасовал, одним словом, бугай. Не может он удовлетворить пылкого чувства запридуховских «дам», которые ждали любви племенного «кавалера», и сердца их (коровьи) трепетали, как телячьи хвосты на морозе.

Выяснилось, что племенной этот бугай не способен продолжать род свой крупнорогатый.

И в расстройстве теперь запридуховские коровы, и в расстройте с-х т-во, ибо вложило оно в того бугая аж 350 рублей, и пишутся бесчисленные письма, и посылаются бесчисленные письма, и просит с-х т-во совета у редакции.

А что мы, редакция, можем посоветовать, когда у нас у самих штат маленький, недавно вот сокращение было.

Трудно ж нам, уважаемые запридуховцы, ей-богу, трудно... Обходитесь уж как-нибудь домашним способом...

.....

*Бо чужій горлиці
Полетять, полетять,*

*Вони тебе, припотня,
Не схотять, не схотять.*

.....
Ах, как трудно, когда бугай не «импонирует».

Ах, ах!

Ах!

Любовь Федьки Гуски *(Пародия на Юрия Вухналя)*

Мы сидели на дубках у клуба, и Федя, обнявши меня од-
ною рукою и прищуривши глаз, время от времени сплывы-
вая, рассказывал мне печальную свою любовную историю.

– Сначала наши дипломатические взаимоотношения
с Дунькою были довольно хорошие и нормальные. Обниму,
бывало, крепко, чмокну в щеку, а она лишь солидарно под-
моргнет и разве когда-никогда скажет:

– Федька, не политиканствуй. Куда ты это рукою полез?
А ну сейчас же вынь!

В Дунькиной клуне был я как у себя дома. Это было,
так бы сказать, мое полпредство. Приду, ляжу на скамей-
ку и чувствую себя как неприкосновенная особа на вражьей
территории.

Так было до той поры, пока в наши дела не встревали
Дунькины родители и не имели на нее никакого влияния.

Но как-то (Федя вздохнул) Дунька подпала под влияние отца и матери и начала верить ихним брехливым поклепам.

Прибравши власть в свои руки, отец и мать, эти твердолобые консерваторы, повели такую бешеную агитацию против меня, что я не знал, куда и деться.

Вот, представь, однажды в воскресенье выходит Дунькина матуся, этот министр внутренних домашних дел, на колодки и привселюдно на женском, так бы сказать, парламенте выступает с провокационной речью, мол, Федька Гуска – барбос и падла, и я его, босяка, во двор к себе не пушу, а не то что дочку замуж за него отдам. На колодках в то время была тетка Мокрина. А ты ж знаешь тетку Мокрину. Это не женщина, а чертова радиотрансляция. Через день все село знало про выступление и со всех сторон комментировало речь Дунькиной матери, намекая на обострение взаимоотношений между нами и на разрыв.

Я сам отлично чувствовал, что тут пахнет разрывом. И не ошибся.

Один раз я таки подговорил Дуньку пойти погулять и, оставивши пиджак свой в клуне, пошел на леваду.

Через час вернулся и увидел ужасную картину. На мой пиджак Дунькины родители совершили позорный наскок. Это был настоящий разгром.

Как потом выяснилось, родители искали какое-то письмо, которое будто бы я писал Гапке Сапроновой.

Это так меня возмутило... И вправде, братушка, это ж бы-

ло неслыханное нахальство, что я тут же в Дунькином дворе обменялся с матерью острыми нотами. На другой день в селе только и разговору было, что про мой разрыв. Враждебные ко мне круги населения галдели, что, мол, так ему надо, сукиному сыну, и побаивались, как бы я Дунькиным родителям окна не побил.

Умеренные круги стояли на моей стороне.

– Ну, а как же ты? Не жалеешь? – спросил я Федю.

Федя глянул на меня, усмехнулся, плюнул и гордо проговорил:

– Мне разве что? Они ж плакать будут, а не я. Я еще вчера с хуторов два заказа получил. Хвеська Карпова гулять в воскресенье зовет, а Горпина Капронова на Покров просит прийти. Во как! Понял?

Харьков. Сумская улица, дом 122. Здесь жил В. Чечванский. Здесь и уставлена мемориальная доска в его честь.

Василь Чечвянский в кругу писателей.

Точка

Между прочим, это не трудно.

Потому как своего у меня довольно много и не абы какого, а чрезвычайно оригинального.

Прежде всего псевдоним Чечвянский. Разве не оригинальный? Seriously. Попробуйте не только в нашей, а даже в мировой литературе найти что-нибудь подобное. Не найдете – уверяю.

Чрезвычайно оригинальный псевдоним.

Потом, я чрезвычайно оригинально играю в шахматы.

Играю исключительно на проигрыш.

Ни у кого я не могу выиграть. Даже такой полнейший про-
стак в шахматах, как секретарь журнала «Всесвіт», и тот ни-
когда мне не проиграл.

Не может, потому как я в этой области уникам.

Как Алехин непременно выигрывает, так я непременно
проигрываю.

Кроме игры в шахматы я еще не без успеха ловлю рыбу
удочкой.

Прошлым летом ловил рыбу на Донце в селе Хотомле.

За два месяца у меня украли плащ, сапоги и книжку
И. Микитенка «Уркаганы».

Плащ и сапоги украли всерьез и надолго, а книжку через
два дня подкинули с надписью: «Жаль, что ты не автор, а то б
было интересно».

Я очень рад, что даже в таких глухих закутках у нас инте-
ресуются украинскими авторами послеоктябрьской поры.

.....
Могу еще отметить такое «свое».

Я всегда помню, что у нас бумажный кризис, и не пишу
романов, повестей и вообще крупных вещей.

Не умею.

А раз не умею – не берусь.

Безопаснее, знаете.

Читает человек небольшую вещичку и только настроится

ругать, а тут вдруг – точка.

И не успеет читатель отругать – точка всегда выручает.
Ставлю ее, благодетельницу.

Точка...

В Киеве не женись

Остап Вишня

Проливы

Чудная вещь проливы.

Если, к примеру, про проливы пишут в географии, то пишут так:

«Проливами называются узкие водные полосы, которые соединяют огромные водные пространства».

А в истории про те же проливы пишут уже так:

«Проливами называются водные полосы, которые разъединяют огромные водные пространства».

И, как выясняется, по части проливов география промашку дала.

Историки, видимо, народ ученее: своим определением пролива они попали не в бровь, а в глаз; оно и удачнее, и правильнее.

Берем Дарданеллы и Босфор.

Соединяли ли они Черное море со Средиземным?

Черта с два.

Даже утки дикие, когда в теплые края летят, эти проливы нейтральной зоной обходят.

Были, правда, моменты, когда география брала верх, но ненадолго.

История быстро разъединяла Черное море со Средиземным.

В конце концов надоело и географии и истории спорить из-за проливов.

Отшвырнули они их другой науке – международному праву.

Международное право пошло дорогой истории.

Больше разъединяло, нежели соединяло.

А проливы никак все в толк не возьмут свою миссию.

Соединяют ли, разъединяют ли.

Но для нас, наблюдателей, дело вроде стало ясней.

Оттого что международное право – наука значительно, сказать бы, точнее и истории и географии.

Точнее потому, что оперирует сильными аргументами.

Какие аргументы у истории или географии?

Что такое история?

Наука о жизни и развитии общества.

Ну и живи, ну и развивайся!

Что такое география?

Гео – земля, графо – пишу. Ну и пиши себе на здоровье.

Что это за аргументы?

А у международного права аргументы куда весомее, куда убедительнее.

Международное право просто говорит:

– Проливы разъединяют!

Ну-ка, пусть кто заявит:

– Нет, соединяют!

Бах из сорокавосьмидюймовки!

Трах миной!

Шарах с подводной лодки!

И все согласны.

Надо выяснить, что важнее человечеству: чтоб проливы соединяли или разъединяли?

Мне – чтоб соединяли.

Ибо разлука значительно мучительней, чем свидание.

Следовательно, тому, кто со мной согласен, надлежит усилить себя аргументами международного права, чтоб все соглашались, когда заявишь:

– Нет, соединяют!

12 октября 1922

Писатели

Слово «писатель» происходит от глагола «писать», а не от иного там какого глагола.

Стало быть, писателем называется человек, который пишет.

И не такой человек писатель, который случайное что напишет и станет... Нет! Писатель все время пишет и нет на него никакого удержу.

Это начинается всегда так.

– Вот посмотрите... Не подошло бы вашей газете?.. Это я написал...

Смотрите.

– Не подошло б... Знаете... Не такое нам нужно... Нам бы если бы чтоб вот такое...

– Так у меня есть и такое. Вот.

– И это не такое... Нам как раз не такое нужно...

– Так у меня и не такое есть. Только дома. Я принесу...

– Принесите.

Вы смотрите ему вслед... смотрите... смотрите... смот-

рите...

– Нда, – говорите себе. – Есть!

Затем приносится «не такое, а вот такое».

– У меня еще есть!

– Ну что вы! Нам и этого хватит. Просмотрим... Зайдите так через недельку...

– Будьте здоровы!

– Товарищ, там типография просит на корпус... Рабочие стоят...

– Прямо беда... Ничего подходящего... Ага... Минуточку... Просмотрю... М-м-м... «Били мы Врангеля»... «Красноармейцы наши... орлы»... «Загнали в море»... Натя... Корпусом, скажите, пусть набирают...

И пошло.

А если уж пошло, тогда держись.

– Товарищ! Я еще принес... Вот... И вот... И вот...

– Добро! Оставляйте...

Во всяком случае, с этого момента считайте, что появился новый писатель, которому говорят:

– Распишетесь! Не Боги горшки обжигают...

Месяца так через два смотришь – уже на литературном вечере он про форму и содержание жарит:

– У Тычины, знаете, что-то старое... Не скажу точно, что именно, но что-то есть... Такое... знаете... Не такое, а вот такое...

.....

Вот так, как видите, получаются писатели.

С ростом шевелюры крепнет то или иное мировоззрение, та или иная идеология, та или иная платформа...

Собственно, платформа не «та или иная». Платформа теперь преимущественно советская. Даже не преимущественно, а исключительно советская.

Мировоззрение – революционное.

Идеология чаще пролетарская или пролетарско-крестьянская.

Если к этому добавить пустой в большинстве случаев желудок, прекрасный аппетит, горячую кровь, хотя без соответствующего числа красных шариков, то внутренний мир писателя уже можно себе представить хорошо.

Внешне все писатели в брюках, иногда в довольно добротных, иногда в страшно дырявых (в зависимости от таланта). Многие носят длинные волосы.

Больше, кажется, особых примет нет.

По длине строки писатели делятся на прозаиков, поэтов и футуристов.

Прозаиками называются писатели, у которых строка и очень длинная, и очень широкая, и очень дешевая.

Поэты. У них строка коротенькая, броская. И на конце присажены или рифма, или аллитерация, или ассонанс.

Если этого довеска нет, то такой стих называется верлибром или ливерной колбасой.

Футуристы происходят от слова латинского futurum,

то есть будущее. Следовательно, еще не настоящие писатели. Будущие. Когда-нибудь начнут писать, а пока они играют в бирюльки, забавляются, учатся на писателей и скандалят.

Строка у футуристов бесформенная. Говорю же, они не взаправду еще пишут, а царапают.

По неясности своих произведений писатели делятся на символистов, имажинистов, неоклассиков, реалистов (и еще прорва «истов»).

Символисты пишут стихами «символ веры».

После они превращаются в неоклассиков, из неоклассиков в пролетарских, из пролетарских в футуристов, кроме поэта Якова Савченко²⁵, который был и остался символистом, потому что растерял все свои «символы веры», а это все равно что без паспорта.

Неоклассики – это те, которые твердят:

– Ей-богу, мы не такие, как вы нас понимаете! Ей-богу, нет! А вы вот так нас понимаете? Ай-я-яй! Как вам не стыдно!

Имажинисты – от слов «и мы мажем». Так что это всем понятно. Их у нас мало.

Реалисты – это, как вы догадываетесь, писатели, которые окончили реальную школу, но не прошли по конкурсу в политехнику. Так реалистами и остались.

Есть еще особый сорт писателей. Это так называемые юмористы. Они пишут для того, чтобы читатели плака-

²⁵ Савченко Я. Г. (1890–1937) – украинский поэт-символист.

ли, или сами, когда пишут, плачут: писать им не хочется. Несчастный народ юмористы. Даже когда зубы болят, должны писать веселое.

Символист или имажинист, или вообще какой писатель – им можно писать, что заблагорассудится. Трррагедию так трррагедию, комедию так комедию. А юмористу – обязательно веселое.

Главное в писателе – талант.

По таланту писатели делятся... Нет. Будем откровенны... Писатели все талантливы. Ей-богу, все. Нет неталантливых писателей. И никогда не будет.

Попробуйте сказать, что он неталантливый... Попробуйте.

Никогда не скажете.

А если и скажете, так под сердитую руку, и он вам не поверит...

Вот только где у писателя талант находится – не знаю. Никогда даже видеть не доводилось...

С иными ж и купался, но даже не заметил, хотя и приглядывался пристально.

Смотришь, человек как человек... Сядет писать – талант.

Талант – штука очень нежная и про него лучше много не писать.

Основное для писателя – гонорар.

Гонорар некоторые теоретики квалифицируют как первостепенный фактор в психологии творчества.

Склоняюсь и я к этой мысли, конечно, не как теоретик,
а как практик от литературы...

.....
Да что и говорить... Не было б гонорара... Ну, довольно...
Точка.

7 октября 1923

«Отец Килина»

В с. Нагайках местный поп организовал «женское братство». Цель этой организации – создать женский собор и служить женские молебны.

(Из письма в редакцию)

«Женское братство»... Это, наверное, ошибка. Коли уж братство, то, значит, не женское, а мужское, а раз эта организация чисто женская, так, очевидно, это будет сестрицтво.

Женское сестрицтво... Перепутали, стало быть, батюшка!

Но это не важно.

Основное суть дела.

Суть – в цели.

Цель – женский собор и женские молебны.

Собор... Женский собор... Можно, по-моему. Почему нельзя? Собрал душ полтора ста и заседай. Решай разные церковные дела, канонизируй новых святых, раздувай благодать на все стороны...

Собор, значит, будет.

Не забыть только, что в религиозных делах прекрасный пол весьма горяч...

Изберете, к примеру, Килину отцом архимандритом,

а Мелашку нет.

Подерутся...

– Что ж она, – будет кричать Мелашка, – любистком умывается? Подумаешь! Архимандрит! Позавчера мне четыре дули поднесла, а сегодня архимандрит? Руки ей целовать? Да чтоб я те руки целовала? Не дождется!

– А что ж, по-твоему, тебя архимандритом? Не славь на всем нашем конце, не стану показывать... А выбрали! Выбрали! В церковь хожу, за упокой души даю. Рушник на целителя Пантелеймона вышила! А ты что? На церковном дворе семечки клюешь, так за это тебя архимандритом?

Тут, как видите, особый такт необходим, иначе сорвет Мелашка с нового архимандрита митру и кувшин наденет.

Темпераментный народ... Опять же женские молебны.

Явление, безусловно, интересное, когда «отец Килина» кадиллом станет размахивать и ектенью на все село двигать.

А как же с алтарем?

Женщинам ведь не разрешается к алтарю. Вверх тормашками все каноны приходится переворачивать. А рясу как надевать? Под юбку или поверх юбки? Ну а если о. Килина приведет дитя?

А тут служить надо. Можно ли над алтарем люльку повесить, чтоб одной рукой народ благословлять, а другой за веревочку и:

– Ой ну котку, котку,

Не лізь на колодку,
Розіб'єшь головку.

Чтоб не плакало.

Все это мелочи, но и их надо решить, чтоб не было ничего непонятного, темного.

Религия ж такое светлое дело. А вообще держайте, батя.
Эмансипация так эмансипация!

1923

«Молочное производство» *(Идиллия)*

«Тихесенький вечір на землю спадає»...

Это каждый день... Такая уж у того вечера тиховойного
обязанность...

Коровки домой идут, головами покачивают, хвостами по-
махивают...

Телятки за коровками бегут, помыкивают...

Пастушки за коровками идут, выражаются...

Во дворе Маринка Ваську забавляет и приговаривает:

– Тс, Василек, тс! Мама корову выдоят, моньки дадут!

Тс, Василек, тс! Да замолчи, кость тебе в горло!

Отец с луга пришли, на завалинке сидят, цигарку из «То-
варищ, строй воздушный флот!» крутят...

Курочки на огороде тыквы выгребают...

«Тихесенький вечір на землю спадае...

.....
Мама сейчас корову начнут доить.

– Мынь-мынь-мынь! Стой, гнедая, стой! Тррр! Стой!
Да стой, чтоб тебя изверг успокоил! Пилип, иди поддержи,
пока выдою!

– Тррр! – это уже Пилип.

Мама сели, за сосок дерг!

– Высосал! О Господи! Снова высосал! А чтоб твоему сучьему сыну пути не было! Гони! Пили-ип! Выдул! Гони, телок пропадет!

– Чтоб он сдох! Сама гони!

– Гони! Гони телка! А я того сучьего сына погоняю! Куда ж ты глядел, чтоб тебе повылазило?! Говори, а?!

– Да, ей-богу, не высосал, я ж смотрел! То оно само высосалось!..

– Рыбу тебе удить, сучий ты сын?! Я тебе поудю! Я тебе поудю! Ты ж куда это бежишь?

– Ей-богу, не высосал!

– Придешь, шкуру спустю!

.....
«Тихесенький вечір на землю снадае... Тятя телка на корде гонят:

– Брички! Брички! Брички!

– Гони, Пилип! Пропал телок!

– Да гоню!

.....
– Филип!

– А?

– Гоняешь?

Гоняю!

– Высосал?

– Чтоб он сдох!

– Ты б сам кувшинчика три выпил, чтоб не даром бегать!

– Иди ты к черту!

.....
– А я тебе говорил помазать соски пометом, не высосал бы!

– А я тебе говорила сделать из гвоздей намордник, не высосал бы!

Аист стоит на одной ноге на хате, смотрит на хозяев и смеется...

«Тихесенький вечер на землю спадае»...

.....
Вы-со-сал!

1925

Ах, молодость!

Молодость! Юность!

Это, само собою разумеется, школа, клуб, избачитальня, физкультура, сельскохозяйственный кружок!

И... светлое будущее. И лучше, чем у нас, жизнь!

И радость...

Только...

Только ж, ах, молодость! Ах, юность!

Не там всегда клуб, где вы иногда думаете!

И не там читальня.

И это не физкультура, которой вы иногда хвалитесь.

И сельскохозяйственное образование не в тех кружках начинается, к которым порой примкнуть хочется!

.....

Когда вы целой ячейкой идете по селу глухой ночью и замечаете – во-он там плоски свет подслеповатый и заходите всей ячейкой на тот огонек бледно-желтый, и когда тот огонек вдруг гасится, и поднимается шум веселый и писк рода человеческого в юбках, и слышится голос сердитой Мотри-солдатки: «От лешие жеребцы!» – не пишите, пожалуйста, в отчетах своих, что у вас на селе прекрасно идет клубная работа.

Ах, молодость! Это не клуб, а посиделки!

.....

Если товарищ ваш, молодой и прыткий, напишет на двери лавки или на заборе одно слово из трех букв или целый стих, веселый и выразительный, не собирайтесь вы возле стиха толпой хохотать да приговаривать:

– И ты из яра,
И я из яра.

И не говорите после того, что были в читальне.
Ах, молодость! То не изба-читальня!

.....

Если кто из вас, физически хорошо развитый, схватит кирпичину и двинет ею в окно, или в телеграфные провода, или в плетень, не устраивайте ему бурной овации за метание диска...

Это не диск, а кирпичина.

И не говорите, что у вас прекрасная футбольная команда, когда вы идете улицей и один из вас подцепит ногой дядькова поросенка и вы проведете тем поросенком целый хавтайм и даже забьете им, поросенком, гол в Степанидины ворота...

Это будет не футбол, а, как говорила тетка Марина:

– Чумы на чертей нету!

И то не марафонский бег с препятствиями, когда вас вдвоем или втроем застучает дядько Онисько на бахче и вы летите через рвы, через плетни, через перелазы. Это будет:

– Беги, братцы, засыпались!

.....

Когда вы в Ивановом стогу озимой пшеницы шумно возитесь всю ночь напролет с девчатами, это – хотя вы и докопаетесь до всевозможных особенностей озими – ничего об-

щего не будет иметь с сельскохозяйственным кружком.

Назначение сельскохозяйственного кружка совсем иное:

– Собирайтесь под стогом, да потихоньку!

Ах, молодость! Ах, юность!

Живите и не спрашивайте нас, стариков:

– А вы бы не полезли?

Не спрашивайте! Каждый из нас ответит:

– Не полез бы!

И совет!

1924

Что посоветуешь?

Отмолотились, отвеялись, ссыпали зерно в засеки.

Отсеялись.

Съездили на ярмарку.

Женили, у кого там было кого женить...

Выдали замуж, у кого там было кого выдавать...

А дальше что?

Ну, скажем, сегодня выпил, завтра выпил, послезавтра выпил и еще выпил...

А дальше?

Ну, месяц пусть будем пить, все ж осточертеет когда-нибудь она или он...

Она – горькая...

Он – из сахара...

Настанет же такой момент:

– Идем по махонькой...

– Не хочу!

– Тьфу!

Вот тебе и тьфу! Пил две недели, вчера глотнул, а она вот тут стала и не идет! Ну не идет. Что хочешь, то и делай!

Это значит до точки...

И что тогда делать?

А как смеркнет... Такая ночь... Ворочаешься-ворочаешься, куришь-куришь... Не светает...

Черновик перевода рассказа О. Вишни «Что посоветуешь?»

Первые две недели после Кузьмы и Демьяна еще спишь...
Потом и бедра болят, и бока болят, и локти болят...
Подкидной дурак?
Штука преотличная, так штаны протираются...
И опасная...

Две недели один знакомый день и ночь ляпал, а потом схватился, начал кукарекать и подбрасывать детей...

Девчат к девочкам, ребят к ребятам:

– До масти! – кричит.

Пособоровали – отошел.

Теперь не играет...

.....
Так что же делать?

Не знаю.

Газеты выписывать, в клуб ходить, книжки читать, на агрономовы ходить беседы?

Если б в книжках рисовали червы да бубны, может, и читал.

Если б в клубе давали по лампадке, может, и ходил...

А так...

Тяжкое дело зима...

Что посоветуешь?

Сенокос

Когда трава вянет...

Тогда она сереет и жолкнет, и стебель ее морщинками беретса, и нет в ней жизни, той жизни, что и из стебля и из листа зеленого силою звенит...

Тогда опускает трава голову и ждет.

Она, наверное, знает, что придут белые штаны и белая рубаха, что будет дзинькать под бруском коса, что из той дырки под брылем вылетит:

– Господи, благослови!

И острая сталь вонзится в стебель...

Трава ляжет набок на покосе и засохнет...

И нет больше травы, а есть сено...

Сено с соломою перемешают, бросят в ясли...

И будут тереть когда-то зелено-буйную траву кобыльи или воловьи зубы.

А потом упадет она пометом в хлеве, соберут ее, польют водой и замесят из нее кирпичи.

И будут потом гореть кирпичи, и дымом улетят или останутся золой на огороде, где и будут век вековать, пока не затрубят трубы архангельские и не сядет отче наш на престол и не скажет:

– Товарищ Иван Кондратьевич Недодеримотня, а какого

черта вы не удобряли золой пашню свою? Не знали, что зола для удобрения штука хорошая? А про это ж в газетах сколько писалось!

– Отче наш, – скажет Иван Кондратьевич Недодеримотня, – что еси на небеси... Если б знатье...

И скажет отче наш:

– Схватить Ивана Кондратьевича Недодеримотню и ввергнуть в печь огненную. Додрать ему мотню от пояса до пояса и посадить грешного на стерню его. Да колет стерня его ныне, присно и во веки веков.

И затрубят ангелы и архангелы в трубы среброголосые:

– А-а-а-ами-инь!

.....
Травушкина карьера...

Серееет когда-то зеленая трава, становится пепельной, жолкнет, роняет голову свою и ждет смерти...

.....
Когда вянет зеленая трава, тогда клепают косы. Тогда про-
буют косы на палец, остряют косы брусом и наостренем...

В ту пору на ярмарках и в кооперативных лавках долго выбирают косы, берут их за пупок, бьют носком об землю или об лавку и долго-долго к звону прислушиваются...

Звоном коса по селянскому уху бьет и рассказывает будущему хозяину, тверда ли она, мягка ли, уходиста ли...

Мягкая коса звенит долго, слабо-слабо:

– Ммяхка-а-а-аа...

Звоном крепкозвучным и коротким бьет твердая коса:

– Я такая!

Откладывается мягкая коса и берется твердая коса, клепается и на косовище набивается.

И на лугах всюду:

– Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

Траву косят...

.....
А когда человек пятьдесят на лугу выстроятся!

«Общественную» валят! Как в песне поется:

Вийшли в поле Косарі
Косить ранком на зорі,

Гей, нуте, косарі,
Що не рано почали...

Тогда точат!

Ах, ка-ак тогда точат!

Тогда так точат, что не сенокос перед вами, а точильня!

– Точишь, Иван?

– Да затупилась...

– В который раз?

Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

При совместной косьбе какой прекрасный инструмент наострень!

Как он необходим!

Как вода, как воздух!

И живот.

– Что, Дмитро, трижды сегодня обедал или, может, Машка недоваренным накормила?

– А что, по-вашему, уже и сходить нельзя?

– Мы думали – умер...

А дед Остап:

– Для коллективной работы, я вам искажу, должен быть народ сознательной... А то он только и делает, что точит косу или за кустом сидит...

.....
Когда вянет трава... Когда пепелеет трава...

1925

Держись, хлопцы!

(Роман в 4 частях с эпилогом и моралью)

Глава 1

Владимир Ячейченко... Комсомолец...

Девятнадцать лет... На нем кожаная куртка, а на ней «КИМ». Владимир Ячейченко бравый парень и здорово поет:

– Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Глава 2

Посиделки...

А на посиделках девчата...

И дух на посиделках терпкий, томный...

И Мотря на посиделках...

А у Мотри очи голубые... Обязательно голубые...

А в Мотриных очах чертики... И губы у Мотри алые... А ниже у Мотри шея... А ниже у Мотри персы... А ниже у Мотри кубовая юбка... И запекает Мотря молодым выводным голосом:

– Як була я молода,
То я була рэзва.

И подхватывают девчата с хлопцами, и поют.

Глава 3

Циркуляр окружкама:

«Охватить посиделки в культурно-просветительных центрах».

И сказал Владимир Ячейченко:

– Охватим!

Глава 4

Владимир Ячейченко охватывал посиделки.

На нем кожаная куртка, а на ней «КИМ».

В руках циркуляр окружкома «Большевик».

А на столе каганец.

А вокруг него девчата.

А вокруг девчат дух терпкий и томный.

И говорит Владимир Ячейченко:

– Товарищи! Давайте лучше вместо «молодой и резвой» я вам про молодую про гвардию расскажу.

И села Мотря рядом с Владимиром Ячейченко, и наклонилась к его кожаной куртке (а на куртке «КИМ»), и говорит голосом нежным:

– Расскажи, Володя.

И начал Владимир Ячейченко:

– Товарищи! Молодая юношеская гвардия идет старшим на смену... Отодвинься, Мотренька!

– Чего бы я отодвигалась? Так хорошо, когда близко. Хи-хи!

– Так вот, товарищи. Наша молодая гвардия... Не щекочи,

Мотренька!

– Хи-хи. Щекотки боишься? Значит, ревнивый?

– Так вот, товарищи! Наша молодежь... Ой, Мотря, не напирай. Я тоже напереть могу.

– А ну, как ты можешь?

Эпилог

Не выдержал Владимир Ячейченко провокации из Мотриной молодой груди...

Мораль

Держись, хлопцы, охватывая посиделки.

1925

«Долой стыд!»

На черном рабочем пути жизни нашей будничной, в неоглядной степи работы непочатой, среди труда, труда, труда, среди труда, который пластами-великанами закутал нас со всех сторон, послала нам судьба пышный цветок, взлелеянный буйным разумом человеческим...

И величается тот цветок пышный:

Товарищество «Долой стыд!»

В городах Союза великого выходят на улицу люди голые, фиговыми листочками прикрыв свой «стыд», и шпацируют по улицам на радость и рабочих, и крестьян, и советских служащих, а больше всего на радость детства и юношества беспризорного...

Какое прекрасное зрелище!

Стройные, как серны, красивые, как Аполлоны Бельведерские, обворожительные, как Венеры Милосские, они лучом тела белого разрезают нашу будничную мглу...

Какая прекрасная идея!

И какая не прекрасная милиция!

Арестовывает...

Почему, разрешите ее (милицию) спросить?

Какие тут для милиции привилегии?

Почему милиция, забрав очаровательных молодых людей в район, может ими любоваться, а мы, обыватели, нет?

Несправедливо...

Дело это следует так поставить, чтоб всем видно было.

.....
Прекрасная идея!

Я представляю благословенный час, когда она, идея эта, распространится...

Товарищество «Долой стыд!» зарегистрировано в Главкооперкоме!

Идете вы на службу...

А впереди вас и позади вас, и сбоку скачут стройные об-

наженные фигуры.

Вот несется, например, главный бухгалтер из Лебедьтresta с тридцатипятилетним стажем (бухгалтер, а не трест со стажем).

У него солидный фиговый лист, толстый и отглаженный, каковой и надлежит иметь солидному человеку, получающему спецставку...

А вот регистраторша из ВУЦИКа, у нее тоненький кленовый листочек бантиком, а около пупка черненькая мушка... Она кокетничает... То поднимет листочек, то опустит... А сама вся радость, вся искра...

Бурсацким спуском плывет на базар Федора Силовна. Она маслом торгует. Ей ни один фиговый лист не подходит. У нее преогромный лист-комбинация: половина из лопуха, половина из капусты. И этой комбинации не хватает. Остальное она грациозно прикрывает сковородкой.

Вот по улице Либкнехта катится репортер. Он торопится на интервью и забыл прицепить фиговый листочек... Прикрывается портфелем...

– Вы ж, товарищ, хоть портфелем не размахивайте!

.....

Прекрасная идея!

Только зимой придется в гололед тротуар песком посыпать...

А то, случаем, как поскользнешься на Университетской горке, как двинешь анфасом вниз по лестнице, тогда

и впрямь выйдет: «Долой стыд!».

Сотрешь все начисто!

1924

Сон кобылы вороной

Ветер дул... Снег шел... Холодно было... И святой вечер был...

А вороная кобыла, Стовбурова Ивана кобыла, в хлеве стояла, от холода дрожала и, понурившись, тыкалась носом в ясли с ржаной сечкой...

Подводило вороной кобыле живот, чесалось в правом паху, густо покрытом засохшим пометом, неприятно ныло что-то у репицы...

Отошла Стовбурова Ивана кобыла немного назад, почесала о дверной косяк репицу, грызнула себя за правый пах, оторвала клочок помета, кляцнула зубами и задумалась...

И припомнилась вороной Стовбурова Ивана кобыле ее молодость...

Как бегала она сосунком на зеленом лугу, как, вскинув хвост, весело стригунком ржала, как вертела головой, норвя сбросить первый хомут.

Многое вспомнила Стовбурова Ивана вороная кобыла...

И первое горячее дыхание серого в яблоках жеребца, и ее пред ним дрожь, и тихий его храп.

И засветились у вороной кобылы глаза, и прошептали ра-

достно уста:

– Только утро любви хорошо, Хороши только первые робкие встречи. Потом первое материнство... Нежный-нежный, с мягкой блестящей шерсткой жеребчик черненький...

Такой хрупкий, с кудрявым хвостом, с пухленькой гривкой...

И материнская радость первого кормления... Маленькие губы нежно тянут за сосок, и причмокивают, и подталкивают, и легонько кусают... И радость такая полная, такая великая радость течет до самого сердца, и наполняется ею все существо, и переходит в сосок, и маленькими струйками в нежные уста переливается...

И первый ее хозяин...

Такой учтивый, такой мягкий...

И сейчас еще чувствует она его руку натруженную...

Гладит по шее, ласково треплет...

И его скребница словно в эту минуту ее кряж скребет, и его щетка да скребница мягко успокаивают...

– Стой, голубка! Стой!

А потом ярмарка...

А потом этот хлев, грязный и холодный. И эта сечка ржаная. И Ставбутова Ивана кнут, едкий и болючий.

Черти б забрали такого хозяина!..

Противно вздрогнула Ставбутова Ивана вороная кобыла и уснула...

И снится вороной кобыле сон...

Запрягают ее в бричку, везет она бричку на станцию...

Выходит из вокзала человек, за ним несут четыре огромных узла. Кладут узлы на бричку, садится на нее тот человек и везет она его к себе в село. Приехали, остановились у клуба.

И слышит кобыла крик:

– Агроном приехал! Агроном приехал!

Сходятся люди к клубу... Выходит агроном на крыльцо и рассказывает людям, как за домашним скотом ходить...

А потом узлы распаковывает, а там книжки, а на тех книжках конь красивый нарисован...

И раздает агроном книжки людям.

Люди книжки читают... Что-то говорят, размахивают руками...

И вдруг проснулась...

Хозяин перед нею...

Болела правая нога...

– Чего ржешь? Мажмазель какая! Уймись!

.....
Прошел дьяк в церковь.

И в голове вороной Стовбурова Ивана кобылы буравчиком завертелась мысль:

«Почему нет монастырей кобыльих? Пошла б я в монастырь от жизни от этой индивидуальной, безрадостной. Постригла б гриву, постригла б хвост... И в черных кашемиро-

вых шляях ржала б кондаки, тропари, славословия»...

Звонили колокола...

1924

Ничего не поделаешь, готовимся!..

Как-то я уже писал про всемирный потоп...

Писал, что страшиться нечего. Подсчитали профессора и сказали, если потоп и будет, то не ранее как через 80000000 лет. Нам вроде хватит.

Но профессора ошиблись.

В селе Голоревке евангелисты упрямо распространяют слухи, что через две-три недели будет потоп, что первым делом зальет Украину.

И всем нам, грешникам, труба с дымом...

Время, значит, спасаться.

Как?

Способ есть надежный, проверенный.

Надо ковчег строить. Это не так трудно. Просто заказать в Николаеве на судостроительном заводе.

Главное, кого брать?

«По семь пар чистых и по семь пар нечистых».

Считаем:

1. Пару тихоновцев.
2. Пару обновленцев.
3. Пару автокефалистов. Это – обязательно.

Пусть все молятся. Кто знает, чей Бог у них правильной. Поехать без них – плавать будешь без конца-краю и за Ара-рат тебя Бог не зацепит. А то, смотришь, какой и вымолит...

Затем, по-моему, так:

4. Пару валютчиков. Приспичи червонцы разменять, где ты их разобьешь без валютчиков?

5. Пару торговков. Одну с капустой кислою, а другую с яйцами.

6. Пару самогонщиков. Могут же случиться крестины ли, день рождения ли, похороны ли.

7. Пару старух знахарок как медицинский персонал. Это «чистые».

Из «нечистых» возьмите двух милиционеров для порядка...

Остальных подберем при отправке.

Зверей надо всех брать, обязательно... И птиц... Канареек можно побольше. Пар десять. Птичка она маленькая, много не потянет, а поет больно харашо. При самоваре да при граммофоне просто слушал бы да слушал...

Голубя не забудьте для разведки.

Из вещей следует взять самовар, граммофон, подушек побольше, макитру, примус, зажигалку, корыто...

И поедем с Богом...

Сядем, перекрестимся да как хватим:

– Вни-из по матушке по Волге...

Думаю, спасемся.

Ибо в святом писании сказано:
«И елика в водах под землею».
Правильно сказано.

1924

Земля – Луна – Марс

Мы – практики...

Мы, разумеется, не прочь побывать на Луне, Марсе или даже на Сатурне и Нептуне...

На Луне, к примеру, это нетрудно... Пять дней всего лететь. Немного. Зарядят вас в ракету, выстрелят, примерно, в понедельник, а в пятницу вы с Луны знакомых на Земле ручкой приветствуете:

– Здравствуйте! Уже тут!

А вот на Марсе – труднее. Двести пятьдесят шесть дней лететь. Восемь с половиной месяцев, Тяжеловато. И если в пути не произойдет задержки, не зацепишься за Стожары или еще за что-нибудь... А то и целый год придется ехать, пока до Марса доплетешься.

Долгохонько таки. Хотя до революции и приходилось из Харькова до Киева иногда месяца четыре ехать, так про то мы уже забыли – это раз, а во-вторых, четыре месяца не восемь.

К тому же это было у себя дома. На станции можно было и яйцо за кожух выменять, а то дорога неведомая, харчи

с собой надо брать. А коль подсчитать, сколько надо одного хлеба на двести пятьдесят шесть дней? А соли, сахара? И выйдет... В одну ракету сам садись, а за тобой десяток ракет с харчами будут свистеть.

А вдруг, Боже упаси, вздумается посмеяться какому-нибудь механику и «зарядит» ракету с харчами сильнее, чем вашу. И получится: вы только долетите до Луны, а ракета с бубликами уже у Венеры... И крикнуть некому:

– Задержите, товарищ!

Что и говорить, поначалу немало будет всевозможных неприятностей. Потом, конечно, все наладится.

Если по дороге на Луну, Венеру и иные мелкие планеты ларек будет – не так уж тогда страшно...

Долетел, разрядился из ракеты, забежал, перекусил и заряжайся далее...

А поначалу все с собой придется брать...

Наши практические предложения в этом отношении такие.

Прежде чем начать рейсы в межпланетные просторы и на разные планеты, следует по пути:

1. Основать ларьки.
2. Столовые Центросоюза с условием, что там живехонько будут подавать, ибо ракета не конь и не трамвай...
3. Не мешало бы на Луне и «Новую Баварию»²⁶ прицепить.
4. На Венере (до нее 112 дней ехать) – больницу с родиль-

²⁶ «Новая Бавария» – пивной завод под Харьковом.

ным отделением. Всякое в дороге может быть...

Первую партию высадить на Марс социально-небезопасного элемента... Ибо хотя и пишут, что марсиане народ культурный, да кто ж их знает – никто же их не видел. Это ж только предположение. Прилетишь, вылезешь, а земляки с Марса подскочат, мигом на спичку тебя и шашлык из тебя зажарят.

Доказывай тогда, что ты с добрыми намерениями.

1924

Вот вам и «да-а!»

Летят в нашу редакцию письма:

«Посоветуйте, что делать: совка озимые ест. На полях лысины черви выедают. Спасите!» Так оно всегда.

Гром бабах! Тогда мы сбрасываем шапку:

– Свят, свят, свят!

Когда уже ест:

– Спасите!

– А мы в самой своей «Селянской правде» четыре уже года подряд бабахкаем:

«Если мне за всю мою работу, за все то тяжкое, что пережили я, по-счастливилось хоть разочек, хоть на минутку, на миг разглядеть морщинки на челе народа моего, весело заскрипеть его глаза,— никакого больша гонорара мне не надо.

Я — слуга народный!

Я горд этии, я счастлив этии! Эти слова Остап Вишни (литературный псевдоним Павла Михайловича Губенко) записал в свои дневники незадолго до кончины.

11 ноября мы отмечаем 80-летие со дня рождения этого большого писателя-сатирика. Сегодня мы знакомим читателей с одним из его ранних публицистических фельетонов, впервые переведенный на русский язык исследователем творчества Остапа Вишни А. Санжаровским.

И шить, и мыть, и забиреть.

Короче, столько забот при Советской власти, что и не говори...

Ну вот — съезд Советов...

— Пожалуйте государственные дела решать...

И сразу:

— Промышленность... Раз!

— Сельское хозяйство... Два!

— Бюджет... Три!

— Культурно-просветительные дела... Четыре!

Душеньку ж вы мою поинируйте!

Эх, прошли добрые времена!

Сидишь дома... Ничего не знаешь...

Земский начальник... Пристав...

Урядник... Стражников хоть пруд пруди.

А твоих-то и дел, что свел коро- венку на ярмарку, налог заплатил,

в потом знай ходи да шапку сымай.

Идет помещик — шапку с головы...

Идет стражник — шапку с головы...

Идет пристав — шапку с головы...

Идет урядник, а ты за амбар не успев спрячься — шапку с головы...

Больше шапке работы, чем тебе!

Земля не было — гуляй себе!

Работа, конечно, была. Работа тала-

кая, что всякий ее может делать и

не кончал университета... Только

есть что?

Тут за тебя господа работали...

Господа едят, а ты только ходишь

и губами причмокиваешь.

И никому до тебя никакого дела...

С хлебом ли ты, есть ли у тебя ка-

кая коровенка или коняга...

Урядник и стражник, может, ино-

гда и вспомнят:

— У Петра, мол, коровенка завелась... Звездет бы... Фунт масла на дороге не валется...

А теперь!

Беспокойся обо всем сам. Да не только о своем дворе. Нет! Беспокойся за всю Харьковщину! За всю Украину! За весь Союз!

Ах, глывь, а тебя уже членом коллегии Наркомзема избрали!

Поинируйте! Снизил ли когда тебе хлопоты!

А ничего не подделаешь:

Х о з я и!

Надо работать.

Все-таки какое счастье, когда в коллективе таких, как сам, жизнь новую строишь!

13 мая 1926 года.

Перевод фельетона «Ох и тяжело!..» в «Крокодиле» (№ 31 за 1969 год).

— Ведите хозяйство как следует! Уничтожайте сорняки, держите почву чистой. На сорняках же черви появляются, с сорняков они по полю лезут!

На все наши доводы вы говорите:

— Да-а!

Увидит кто газету, мигом ее на курево... А если и прочтет, так рукой махнет:

— Да-а!

А надо знать:

1). Сколько бы самых хороших газет ни искурили, от этого

ни один вредитель не сдохнет!

2). Сколько бы самых хороших газет вы ни перечитали, а если после чтения говорите «Да-а!» – все равно совка будет озимые есть.

Сама газета вредителя не уничтожит.

Разве что какой мотылек запутается в ней и сдохнет... Но это беде не помощь.

Надо не только читать газету, но и делать то, что она советует...

А если будете читать и тянуть «Да-а...» и чесаться, то совка не только озимые поест, но и газеты!

И вас съест!

1924

Спорт на селе и вообще

Немного про спорт на селе.

В городе дело со спортом стоит на правильном пути. Если еще не все играют в футбол, то к двадцатой годовщине Октябрьской революции не будет, наверное, ни одного сознательного гражданина, который бы не знал, что такое хавбек, что такое голкипер и когда именно надо вколачивать гол.

На селе, правда, со спортом мы замешкались.

Обвинять село в том, что оно безразлично к спорту, не приходится.

Село любит спорт и любило его с давних давен.

Вспомним.

Детство.

Наперегонки. Эта ж теперешний марафонский бег. Ни тебе правил особых. Просто себе поднял сорочку, чтоб меж ногами не путалась, и чешешь от Василя до базара...

Но дело даже не в правилах, важен сам факт.

И дальше различные виды спорта.

Ворота, например, на хату вспереть. Или незаметно для хозяев затащить на клуню корову...

Это уже в парубковом возрасте.

Позже, как борода загрязнит лицо, спорт становится солиднее: вола или коня свалить за хвост.

Перетягивание на оглоблях. Это чаще после ярмарки по дороге домой, среди шляха:

– Тррр! А ну кто кого?

Выпрягают лошадей, снимают с воза оглоблю, садятся друг против друга, упираются друг в дружку ногами, хватаются руками за оглоблю и тянут – аж глаза на лоб лезут.

Когда оглобля поломается, хлоп обломком по голове:

– Не ломай оглоблю!

Еще из распространенных видов спорта на селе можно указать на перекидывание арбы с сеном или со снопами и на кулачки.

Про эти виды спорта все знают, не буду я на них останавливаться.

11 ноября исполнилось 85 лет со дня рождения известного украинского сатирика и юмориста Остапа Вишни.

Предлагаем вниманию читателей одну из его ранних юморесок. На русский язык она переведена впервые.

СПОРТ НА СЕЛЕ И ВООБЩЕ

Немного про спорт на селе.

В городе дело со спортом стоит на правильном пути. Если еще не все в футбол играют, то, наверное, нет ни одного сознательного гражданина, который бы не знал, что такое хавбек, что такое голкипер и когда именно надо бить по воротам.

На селе же, правда, со спортом мы замешались.

Обвинять село в том, что оно безразлично к спорту, не приходится.

Село любит спорт и любит его с давних времен.

Вспомним.

Детство.

Наперегонки. Это ж теперешний марафонский бег. Ни тебе правил особых. Поднял рубашку, чтоб меж ногами не путалась, и чешешь от Васыля до базара...

Но дело даже не в правилах, важен сам факт.

Существуют различные виды спорта.

Ворота, например, на хату вспереть. Или незаметно для хозяев затащить на клуню корову...

Это уже в парубковом возрасте.

Позже, как борода загрызет лицо, спорт становится солиднее: вола или лошадь свалить за хвост.

Перетягивание на оглоблях. Это чаще после ярмарки, по дороге домой, среди шляха:

— Тпруу! А ну кто кого!

Выпрягают лошадей, снимают с воза оглоблю, садятся

ушачать на перекидывание арбы с сеном или со снопами и на кулачки.

Про эти виды спорта все знают, не буду я на них останавливаться.

Так что, как видите, спорт на селе был и есть...

Но спорт этот ни под какую категорию общепризнанного спорта не подходит, и упорядочить его каким-нибудь правилом нельзя...

Ну какие вы правила придумаете хотя бы для того, чтобы затащить корову на клуню?

Очень трудно. И коровы разные, и клуни разные, и люди разные — где их уже там под какую-то одну мерку подогнать!

Так что и на селе придется переходить на футбол.

Футбол на селе уже появился. И имеет успех.

Вызывает он недовольство у родителей не сутью своею, а больше тем, что сапог не напасешься.

— Ты, бестолочь, гоняешь мяч, так гоний без сапог. Где и тебе гроши на сапоги буду брать?

А так против футбола особых возражений нет.

— Пускай бегают сунки сын. Набогаются, меньше с печатами будет ржать.

И еще примыстые старики, втянутые ролпушцами старухами в дискуссию об эстетической стороне футбола, ворчат:

— Вот бы даже и тех коротеньких штанжен не было. Вот бы им железные... Ну дерут же, ну дерут — и, господи ж, горит на них усё!

Футбол, очевидно, и на селе, как и в городе, займет почетное место среди способов разумного развлечения.

Про одно только следует подумать. А именно: не перенести ли футбол в село на зиму... Чтоб зимою голы забивать. А ну охватит футбольная эпидемия и село так, как и город, это будет скот пасти, кто будет пахать, сеять, жать?

Тут тебе рожь косить, а оно как раз матч — Тарановка против Водолгаи...

Может рожь перестоять...

Так что, как видите, спорт на селе был и есть...

Но спорт этот ни под какую категорию общепризнанного спорта не подходит и упорядочить его каким-нибудь правилом нельзя...

Ну какие вы правила придумаете хотя бы для того, чтоб затащить корову на клуню?

Очень трудно. И коровы разные, и клуни разные, и люди разные – где их уже там под какую-то одну мерку подогнать?!

Так что и на селе придется переходить на футбол.

Футбол на селе уже появился. И имеет успех.

Вызывает он недовольство у родителей не сутью своей, а больше тем, что сапог не напасешься.

– Ты, бестолочь, гоняешь мяч, так гоняй без сапог. Где я тебе на сапоги наберусь?

А так против футбола особых возражений нет.

– Пускай бегают сукин сын. Набегается, меньше с девчатами будет ржать. По судам не потянут за те алименты...

Что до футбола как эстетического зрелища взгляды тут разные. Старухи ропщут:

– Оно б и ничего, если б в штанах бегали, я то ж голым-голенькие...

А родители на то:

– Вот бы даже и тех коротеньких штанцов не было. Вот бы им железные... Ну дерут же, ну дерут – и, господи ж, горит

на них усе!

Футбол, очевидно, и на селе, как и в городе, займет почетное место среди способов разумного развлечения.

Про одно только должно подумать. А именно: не перенести ли футбол в селе на зиму... Чтоб зимою голы забивать. А ну охватит футбольная эпидемия и село так, как и город, кто будет скот пасти, кто будет пахать, сеять, жать?

Тут тебе рожь косить, а оно как раз матч – Тарановка против Водолаги...

Может рожь перестоять...

.....
А вообще спорт штука полезная и куда приятней синусов с косинусами и индустриализации сельского хозяйства.

1927

География

Краткий учебник для тех, кто уж очень интересовался нашей страной да не успел ее изучить, а заодно и для тех, кому захочется, может быть, нашей страной поинтересоваться.

Территория

Территория наша по своей длине неодинакова. Если брать ее с запада на восток, от Сана, например, до Волги, то она

длины чрезмерной. Чтобы ее пройти, нужно года два. А если брать наоборот – от реки Волги до реки Сана – она значительно короче, ее пробегают месяцев за пять-шесть... И такая у нашей территории особенность – с запада на восток – по ней враги с трудом передвигаются, а с востока на запад – ее пробегают.

Поверхность

Поверхность всюду – «пересеченная». Куда враг ни пойдет, где ни станет – всюду секут. И хорошо секут. Как капусту...

Горы

Горы – происхождения в большинстве своем взрывчатого. Горные ископаемые, как об этом свидетельствуют последние геологические исследования, состоят в основном из арийской породы. По-немецки – труппенберг, а по-нашему – падальгоры.

Почва

Почва – очень интересная. Как нигде в мире. Перегной из тех же пород, что и горы. В почве очень много железных

крестов и металлических пуговиц.

Реки

Самые известные: Волга, Дон, Донец, Десна, Днепр, Днестр, Прут, Западный Буг, Збруч, Серет, Сан. Отличаются тем, что на всех этих реках врагу, держащему путь с востока на запад, так жарко, что приходится в одежде вниз головой в них кидаться.

Кое-кто достигает противоположного берега, но не многие. Есть данные, что к вышеназванным рекам присоединятся реки: Одер, Эльба, Шпрее. Но немного позднее.

Моря

Самое интересное – Черное море. Чем больше оно принимает в себя кораблей, транспортов, катеров, самоходных барж со свастикой да с арийской расой, тем становится все приветливее, веселее и голубее. Хорошее море. Веселое.

Население

Люди такие: те, которые здесь жили давным-давно, они «если не жнут, так немца бьют, а все ж не гуляют».

А те, которые непрошенными пришли с запада, – те гни-

ют. Черт с ними, пусть гниют.

Леса

О лесах, наверное, не стоит говорить, ведь все равно те, для которых этот учебник пишется, в лес и носа не сунут: Сидор Артемьевич Ковпак так напугал, что не только леса – куста боятся.

Железная дорога

Куда бы ни шли все вражеские поезда, они прибывают на одну станцию. Название ее «Откос». Станция с огромными оперативными возможностями: может принимать и принимает за сутки множество эшелонов и с людьми, и с различными грузами.

Города

Москва, Ленинград, Сталинград, Одесса, Мариуполь, Мелитополь, Никополь, Орел, Белгород, Харьков, Киев, Кривой Рог, Корсунь-Шевченковский, Тернополь, Львов и много, много других. Это такие города, что через лет пятьсот, а то и через тысячу, когда кто о них напомним представителю арийской расы, красные шарики его чистопородной крови

побелеют и отвинтятся гайки. Это те города, которые «уже». А есть еще города, как Кенигсберг, Познань, Берлин, Данциг, которые еще не «уже», но скоро будут «уже»... Тогда про них и поговорим.

Вот коротенько все.

Изучайте, которые пока еще живы.

1944

Жатва

Лучше не вспоминать жатву тех времен, когда по кудрявым нашим селам сплошь да рядом жили такие крестьяне, о которых говорили:

«У ихнего отца было три риги: в одной мак, другая была так, а в третьей мышь с ума сошла, что снеди не нашла».

Или:

«Родители ихние жили не так, как надо: хлеб есть – соли нет, соль есть – хлеба нет, а я-де живу что ни на есть лучше всех: ни хлеба, ни соли».

И гости у таких селян были оригинальные:

«Просились злыдни на три дни, да черт их ввек не выставит».

Наступает жатва.

Еще раз:

Ж-а-т-в-а!

Завтра начинаем.

И в этом «завтра начинаем» и радость, и надежда, конец страха перед неизвестностью, и гордость творца, что до конца довел великое любимое дело.

Сегодня начали.

Выходит на свою полосоньку Митро Федорович.

Вы посмотрите, как идет с косой Митро Федорович. С какой горделивостью, с каким сознанием важности и святости момента.

Ж-а-т-в-а...

И Домаха идет за ним, и Миколка бежит, за материну юбку держась, и Вустя Гришка несет.

Идут – сегодня «тятя рожь косить начинают».

И пастухи сегодня скотину ближе к полю держат, и гуси к ниве тянутся (стерню почуяли), и свиньи уже почему-то не на выгоне под лесом, а на большаке меж нивами спорыши щипают.

Все живое сходится, все живым венком ниву окружает, чтобы собственными глазами увидеть первый прокос, чтоб собственными ушами услышать первый звон косы.

Митро Федорович важно точит косу. Не спеша, степенно все:

– Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

Кончил.

Крестится. Отходит на два шага от межи:

– Р-р-раз!

Коса змеей меж колосками и молнией на межу. Крюки бережно несут колосья и ровнехонько кладут на стерню.

И клонится покорно рожь, и спокойно ложится на прокос.

.....

С мельницы – она на меже стоит – видно все как на ладони:

– Вон! Вон! Вон!

Белые жнецы меж хлебов.

Наклоняются... Распрямяются... Косят... Вяжут...

В этом году уродило.

Митро Федорович сегодня веселый.

Исподлобья глянет на свою половину, глянет и нажмет.

Половина с граблями на полручки отстает.

Митро Федорович нажимает и потихоньку усмехается.

Это, мол, за всех твоих «лодырей», за всех «лежебок»!

Вот тебе! Вот тебе!

И как мотылек, у него коса! Аж свистит.

.....

– Бог в помочь, Митро Федорович!

– Спасибо! Здравствуйте!

– Уродило, Митро Федорович?

– Уродило! До Масленицы протянем! Видите, Федоту Силовичу отдай, да налоги, да босые ж и голые – продай, чтоб на одежду да семена. Вот до Масленицы как раз... С хлебом...

– А от Масленицы и до нового урожая?

– На грушевой муке... Сухие груши мелем... В городе грушевой муки нет!

«И в городе, – думаю, – грушевой муки нет, и у Федота Силовича нет, не ест грушевой муки и помещик фон Карк... Митро Федорович, чтоб свои три четверти десятины скосить, вывел всю свою семью с шестимесячным Гришком, потом обливается, чтоб иметь двадцать пять пудов ржи и быть с хлебом до Масленицы. А в городе... В городе, Митро Федорович, ворочают тысячами пудов твоей и таких, как ты, ржи, вагонами ворочают... Ворочают фон Карки, ворочают

Федоты Силевичи, Абрамы Соломоновичи и несть им числа, тем господам и капиталистам.

И пот с них не льется.

Пот льется с Митра Федоровича».

Колоски клонятся.

Клонятся, чтоб и в будущем году зазеленеть...

Чтоб и в будущем году и пугать, и радовать своего хозяина, Митра Федоровича, селянина.

Радовать, чтоб хоть до Масленицы с хлебом быть.

И так столетиями...

Так было...

.....

Завтра жатва! Советская жатва!

Жатва в сельскохозяйственной артели Советского Союза.

Жатва в системе социалистического земледелия. Уже три недели тому сделан пробный выезд в поле. Проверены комбайны, сноповязалки, жатки, конные грабли, проверены двигатели, молотилки, бестарки, автомашины.

Уже давно подписан договор о социалистическом соревновании звена со звеном, бригады с бригадой, колхоза с колхозом.

Миколки малые не бегают в степь, за мамину юбку держась.

И свиньи не на большаке меж пшеницами. Свиньи все в свинарниках, где их держат на научно разработанном рационе и где они, свиньи, дают деловых поросят в таком коли-

честве, что сама свинья ушами разводит: «И где они во мне уметались?»

Завтра начинаем.

И в этом «завтра начинаем» – великое торжество победы коллективного труда!

Рокочут на бескрайних пшеничных полях тракторы и комбайны, цокотят жатки, сигналият автомашины, блестят косы, и бело-розовым маком человеческих фигур расцветают нивы неоглядные.

И песня селян, и песня жаворонка вплетаются в машинный гомон – играет могучий орган человеческого радостного труда.

Стореками течет золотое зерно на ссыпки, на элеваторы, в вагоны, на пароходы – на расцвет Отчизны, на счастье и здоровье ее хозяина – трудящегося народа.

Советская жатва.

1923–1956

«Остап Вишня среди своих героев». Авторы Николай Яковлев (ответственный секретарь Академии искусств Украины) и Григорий Комиссаров (главный архитектор Ахтырского района). (Музей О. Вишни и В. Чечвянского в селе Грунь.)

Микола Билкун

Из дневника футболиста

Понедельник. Изучали теорию индийского балета. Потом играли в городки. Я одним-единным броском разметал «рака». Сейчас никого нет. Старший тренер с ребятами поехал на базу за седлами. Завтра начинаем тренировки на лошадях. Плох тот футболист, который не может ездить верхом.

Вторник. С утра ездили верхом. У меня получалось недурно, сказывалась практика (катался в детстве ни пони в зоопарке, а Петру не повезло. Седло уплыло под живот росинанта. Петро грохнулся на землю и вывихнул ногу. Теперь долго он будет не в форме. После езды резались в бильярд. Я играю хорошо, тренер мной доволен. Он говорит: прежде чем играть в футбол, надо научиться классно играть в би-

льярд. Бильярд развивает глазомер, и, кроме того, глаз привыкает к зеленому цвету, а зеленое сукно бильярдного стола сильно напоминает футбольное поле.

Среда. Слушали лекцию про египетские мумии. После обеда пришел к нам инструктор по самбо. Прочитал вступительный теоретический курс. Тренер говорит, что футболисту необходимо овладеть самбо: после, в игре, ой как пригодится! Есть настолько грубые команды, с которыми, не зная приемов самбо, лучше не выходи играть.

Понедельник. Изучали теорию ваджидного бейгата. Потом играли в городки. Я одним-единим броском разнесла «кранка». Сейчас никак не могу вспомнить, сколько лет. Старший тренер с ребятами рассказывал на беду на седьмидесятилетии — Завтра начинаем тренировки на лошадей. Плох тот футболист, который не может ездить верхом.

Вторник. С утра ездили верхом. У меня получилась недурно, снималась прачиха (каталась в детстве на пони в зоопарке), а Петру не повезало. Седло упало под живот роскианта. Петро грохнулся на землю и выскочил ногой. Теперь долго он будет не в форме. После еды разелась в бильярд. Я играл хорошо, тренер мной доволен. Он говорит: прежде чем играть в футбол, надо научиться классно играть в бильярд. Бильярд развивает глазомер, и, кроме того, глаз привыкает к определенному цвету, а великое искусство бильярдного стола сильно запоминает футбольное поле.

Среда. Слушали лекцию про египетские мумии. После обеда пришел к нам анатомист по само, прочитал вступительный теоретический курс. Тренер говорит, что футболисту необходимо обладать самою после, в игре, ой них происходит! Есть настоящие грубые команды, с которыми, же зная принцип само, лучше не выходи играть.

Вечером играли в подкидного. Я выиграл семнадцать раз подряд и шесть раз вешал Анатолию «погоны».

Четверг. Стреляли в тире, после обеда — стрельба на стадионе по тарелочкам. Только сегодня я узнал, что наш тренер имел первый разряд по стендовой стрельбе. Я стреляю не так уж и плохо, но тренер говорит: если я хочу подде-

монет расстрелять предельно ограниченный человек. Тренер пояснил, что, усвоив теорию игры на флейте, мы научимся удалять товарищей из команды судейского комитета, ибо между судейскими синяками и флейтой довольно много общего. Команда же судейского комитета позволяет судить о настроении судьи, а это имеет первостепенное значение.

Микола БИЛУН

ИЗ ДНЕВНИКА ФУТБОЛИСТА

нуться и стать настоящим контрфорвардом, я должен дельать и почивать в тире. «Умеешь поразить мишень — сумеешь провалить и ворота», — любит повторять тренер. Вечером обсуждали повеление Валерия Гелозакца. Он ударился в демагогию: «Для того чтобы уметь играть в футбол, надо играть в футбол». Его предупредили: если он не перестанет идеологизовать значение общей спортивной подготовки, его списали из команды.

Пятница. Изучали теорию игры на флейте. На первый взгляд: зачем футболисту флейта? Но так

иногда «А» и вам необходимо освоить арифметику.

Суббота. Играли в волейбол. Почти футбол. Тонна есть ворота, арка, мяч. Мы начали очень остро атаковать и, безусловно, выиграли бы, но кто-то обратил внимание на то, что мяч наш аркара. Выяснилось, что он попросту утонул — не умеет плавать и стыдился в этом признаться. Вытащили его на берег и еле откачали. Выяснилось, что он попросту прочитал нам лекцию о значении водного спорта для футболиста.

Вечером смотрел расписание занятий на следующую неделю. Оказалось, кроме прыжков в воду с трамплина, нам запланированы прыжки с парашютом в воздухе, а на неделю — даже с самолета. Плох тот футболист, который не умеет прыгать с парашютом.

Воскресенье. Смотрел по телевизору бразильцев. Ох, и играли, ох, и играли! Неужели так можно научиться играть в футбол! Тренер говорит, что можно.

После того как мы посмотрели игру бразильцев, тренер решил ввести в программу наших тренировок обязательную игру в шахматы. Три часа каждый день. Плох тот футболист, который не умеет даже этого раздела по шахматам.

Перевод с украинского
Ан. САНЖАРОВСКИИ

Публикация перевода «Из дневника футболиста» в «Клубе 12 стульев» «Литературной газеты» 28 мая 1969 года.

Вечером играли в подкидного. Я выиграл семнадцать раз подряд и шесть раз вешал Анатолию «погоны».

Четверг. Стреляли в тире, после обеда стреляли на стенде по тарелочкам. Только сегодня я узнал, что наш тренер имел первый разряд по стендовой стрельбе. Я стреляю не так уж и плохо, но тренер говорит: если я хочу подтянуться и стать настоящим центрфорвардом, я должен дневать и ночевать в тире. «Умеешь поразить мишень – сумеешь поразить и ворота», – любит повторять тренер. Вечером обсуждали поведение Валерия Головатюка. Он ударился в демагогию: «Для того чтобы уметь играть в футбол, надо играть в футбол». Его предупреждали: если он не перестанет недооценивать значение общей спортивной подготовки, его отчислят из команды.

Пятница. Изучали теорию игры на флейте. На первый взгляд: зачем футболисту флейта? Но так может рассуждать предельно ограниченный человек. Тренер пояснил, что, усвоив теорию игры на флейте, мы научимся улавливать тончайшие нюансы судейского свистка, ибо между судейским свистком и флейтой довольно много общего... Нюансы же судейского свистка позволят судить о настроении судьи, а это имеет первостепенное значение.

После обеда пришел тренер по боксу, и мы три с половиной часа боксировали. Плох футболист, который не знает, что такое бокс. Бывает, что на поле без знания бокса никак не обойтись! Кроме того, тренер любит повторять: «Умеешь наносить удар рукой – сумеешь нанести удар ногой». У меня получается, а Толику не повезло. У него такой «бланш»,

что глаз заплыл, и теперь он с недельку будет не в форме.

Вечером только сели в подкидного, пришел тренер и пристыдил. Вы, говорит, не класс «Б», вы команда класса «А» и вам необходимо освоить преферанс.

Суббота. Играли в водное поло. Почти футбол. Тоже есть ворота, вратари, мячи. Мы начала очень острой атакой и, безусловно, выиграли бы, но кто-то обратил внимание на то, что исчез наш вратарь. Выяснилось, что он попросту утонул: не умел плавать и стыдился в этом признаться. Вытащили его на берег и еле откачали. Это дало основание тренеру прочитать нам лекцию о значении водного спорта для футболиста.

Вечером смотрел расписание занятий на следующую неделю. Оказывается, кроме прыжков с трамплина, нам запланированы прыжки с парашютной вышки, а на конец недели – даже с самолета. Плох тот футболист, который не умеет прыгать с парашютом.

Воскресенье. Смотрел по телевизору бразильцев. Ох, и играют, ох, и играют! Неужели так можно научиться играть в футбол! Тренер говорит, что можно.

После того как мы посмотрели игру бразильцев, тренер решил ввести в программу наших тренировок обязательную игру в шахматы. Три часа каждый день. Плох тот футболист, который не имеет даже второго разряда по шахматам.

Репка

(Киносценарий)

Образец экранизации классического наследия

На экране сначала темно, потом идет огненный дождь. Снова темно. Туман. Средним планом Эйфелева башня и крупным планом Бруклинский мост.

Шагают чьи-то ноги. Океанские волны набегают на берег. Эскимосы едут на собаках. Племя банту исполняет обрядовый танец. Светит луна. Крупным планом палец. Беспредельный космос. Как отдельные планеты, так и целые созвездия. Земной шар. Палец делает в земном шаре дырку и сажает репку. В музыке мотивы «Сейся, родися».

Камера наезжает на коттедж, где живут Старик со Старухой. Крупным планом Старик. Ему лет 27, может, 28. Крупным планом Старуха. Ей лет 25–26. Старик моет тарелки. Старуха делает гимнастику. Крупным планом репка. Она растет. Крупным планом Старик. Он полотенцем вытирает тарелки. Крупным планом Старуха. Она красит губы. В музыке мотивы: «Туп-туп-туп, взял дед репку за зеленый чуб...» Старик идет на огород и берет репку за зеленый чуб... Шторм, ураган, землетрясение. Гремят тамтамы.

Крупным планом бесплодные усилия Старика. Старик зо-

вет Старуху. Старуха отмахивается, она красит губы. Старик зовет соседскую Внучку.

МАЛЫЙ МЕЖДУГОРОДНЫЙ

Дата почтенна персоналиям протусова на Фильме юниорсталева, абонимитова и дима билетова на отделение сваниса дирекция «Семи патица» не имеет и вследствие загрузимости явшаея возможности посетилась у входов в кинотеатры, ны же не отразил это, как говорит кинематографистическое собрание. Потому что очень любил ходить и сидеть в кино. И еще больше — когда художественные Фильмы показывають по телевизору и совсем онкуда не нужно ходить и сидеть (наполею же и лежать).

А хорошо на фестивале! Посмотрим на юныиз киновед, отечественных и зарубежных, социалистических и капиталистических. Автографы дают. «Спутник» выводит с картинками.

Кое-кто, между прочим, в Фильме смотрит. Что говорить обидно это дирекция «Семи патица».

Рисуное Ю. Корнищева.

на пройтк мимо ни все равно не мотоси. Одинак, чтобы не поддаваться так уж откровенно общему аниматку, мы параллельно организуем свои кинофестиваль — Малый междугородный. У нас уже и кинотурский фильм есть — «Реклам». Блистательная работа, между прочим. Сценарно и постановка минималы Вилкува из Киева (примечо, иногда свой брат юморист выдвигается, вот мы его и выберем председателем жюри). Жюри у нас получается иррегулярно: почти дали согласие заседать Саша Крамаров, Толя Фирсов, Тофия Виларов и Рафис Валиев. И приехали: фигури братьев Вильмова и натуральную величину, календарная литье. Короче говоря, сегодня мы показываем вам наш юмористический фильм «Ремус» Минюла Вилкува. Мотор!

КИНОСЦЕНАРИЙ. ОБРАЗЕЦ ЭКРАНИЗАЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

На зареке сначала темно, потом идет осенний дождь. Сова темно. Туман. Средним планом Зибелова бабаи с крупным планом Буковской мост. Входит егоя. Волны выбегают на берег. Зибелова идет на собаку. Плетня банту танцует образный танец. Крупным планом плетня. Боспорский котоско. Как отдаленно плетням, так и целые созвездия. Земной шар. Палец далает в нам дырку и сажает репку. В нульте мотивы: «Себя, роднее».

Камера нахаживает на котоско, где лежат Старик со Старухой. Крупным планом Старик. Ему лет 27 или, может, 28. Старуха крутит крути-крути. Крупным планом репка. Она растет. Крупным планом Старуха. Она ползает и шаркает тарелку. Крупным планом Старуха. Она красит губы. В нульте мотивы: «Пур-тур-тур, она легла репку на зеленый куб...» Старик идет на огорода и берет репку за зеленый куб...

Шарик, урляка, ахметересиво. Гремлет тарелки.

Средним планом бесподобные ушки Старика. Старик берет соседскую Вуучу.

Крупным планом соседская Вуучка. Ей лет 19—20. Соседская Вуучка берет Старика за белое. Старик берет Вуучку за белую репку. В нульте мотивы, которые рекомендуют идти в поле, слушать солнышко. Старик и Вуучка сад и погустевает. Крупным планом встревоженная Старуха, надломлен репка. Старуха делает попытку вытаращить из зюлка репку. Крупным планом пень. Мотухей, дубовой. Крупным. планом репка. Крупным планом крупнее слезы на Старичиных щеках. Старуха зовет собаку. Собака лает: «ух». Старуха зовет

Козку. Козка лает Мышка. Крупным планом Котоским руби. Крупным планом Мышка лает. И нет больше Мышки... Царств падана. Выходит о берет волки реки Амазонки. Крокодилы. Обозначается Козка. Собака взбрыкивается на Козку. Козка — на дерево. Собака лает. Старуха плачет.

Старуха в отчаянии молится любимой сестрой комоды, и он летит со второй космической скоростью — сжечь комоды и ту-люности. Сама Старуха с первой космической скоростью бежит вдоль улицы. Деревья гаснут. В окоеке туманам.

Вывеска «Курсы булвадорстерства», Старуха порывисто открывает дверь. Крупным планом Старуха в кабине булвадора. Репка. Старуха направляет булвадор прямо на аркады.

Начисляется американе жуковом. Репка крепко сидит в земле. Булвадорная лопата засасывает весь двор.

Высвобождался из земли репка. Соседская улыбка Старухи. В нульте мотивы: «Мотивы. Надломлен посылка Мышки».

Повышеется приторговывающая Старик и значительная Вуучка. Вуучка улыбается мотивом. Вуучка идет с чепеланом. Падает зеленый куб. В нульте звучат мотивы тайги и тумана. Вуучка смеется в тумане.

Старик возмущает плу на репку. Старуха плачет: — Мышка жаль...

Виде раз надломлен смеющаяся Мышка. Затеваются придо-жидается до чет стар, пока на зареке не показатся газп КОМЕЦ.

Персонаж и экранизация А. Санжаровский.

Публикация моего перевода «Репки» в еженедельнике «Неделя» № 30 за 1971.

Крупным планом соседская Внучка. Ей лет 19–20. Соседская Внучка берет Старика за бедро. Старик берет Внучку за белую ручку... В музыке мотивы, которые рекомендуют идти в поле слушать соловья. Старик и Внучка так и поступают. Старуха обеспокоена. Крупным планом встревоженная Старуха. Крупным планом репка.

Старуха делает попытку вытащить из земли репку. Крупным планом пень. Могучий, дубовый. Крупным планом репка. Крупным планом пень. И так несколько раз. Крупным планом крупный пот на Старухином лбу. Крупные слезы на Старухиных щеках.

Старуха зовет Собаку. Собака ловит мух. Старуха зовет Кошку. Кошка ловит Мышку. Крупным планом Кошкины зубы. Крупным планом Мышкин хвост.

И нет больше Мышки... Цветут пальмы. Бьются о берег волны реки Амазонки. Крокодилы. Облизывается Кошка.

Собака набрасывается на Кошку. Кошка – на дерево. Собака скачет. Старуха плачет.

Старуха в отчаянии метнула тюбик губной помады, и он летит со второй космической сквозь созвездия и туманности. Сама Старуха с первой космической скоростью бежит вдоль улицы. Деревья гнутся. В океане цунами.

Вывеска «Курсы бульдозеристов». Старуха порывисто от-

крывает дверь.

Крупным планом бульдозерная лопата. Крупным планом Старуха в кабине бульдозера. Крупным планом репка. Старуха направляет бульдозер прямо на зрителя.

Начинается извержение вулканов. Репка крепко сидит в земле. Бульдозерная лопата заполняет весь экран. Наплывом покойная Мышка...

Вывороченная из земли репка. Торжествующая улыбка Старухи. В музыке мажорные мотивы.

Появляется пригорюнившийся Старик. Появляется опечаленная Внучка. Внучка упаковывает чемодан. Внучка идет с чемоданом. Падает кленовый лист. В музыке звучат мотивы тайги и туманов. Внучка исчезает в тумане.

Старик, водрузив ногу на репку, обнимает Старуху. Старуха плачет:

– Мышку жаль...

Еще раз наплывом покойная Мышка. Начинается затемнение и продолжается до тех пор, пока на экране не появляется титр

КОНЕЦ

Жертва стандарта

Лейтенант милиции положил перед собой лист бумаги,

обозрел перо и начал:

– Давайте, гражданин Пачиска, детально расскажем, как и с какой целью вы попали в квартиру гражданина Капелюшенко? Только условимся, что будем говорить правду и еще раз правду. Это в ваших интересах.

Гражданин Пачиска, худенький мужичонка, похлопал белесыми ресницами и, подавшись вперед, прижал руку к тому месту, где, по его мнению, должно быть сердце.

– Товарищ лейтенант, для того чтобы вы поверили мне, для того чтобы следствие шло по правильному пути, я начну издалека. Можно?

– Давайте, давайте, время у нас есть.

– Значит, вылетел я из Киева в одиннадцать двадцать. Летел в Днепрянск.

– А... – сказал лейтенант, но Пачиска замахал руками, перебивая:

– Вы хотите спросить, почему я оказался в Заднепрянске? Сейчас поясню, товарищ лейтенант: в этом вся соль. В Киеве в аэропорту я выпил две бутылки пива. Греха в этом большого нет?

– Нет, – неуверенно согласился лейтенант.

– Должен вам сказать, в самолете я засыпаю, как только он оторвется от земли. Словом, я уснул и не проснулся даже тогда, когда самолет произвел посадку в Днепрянске, куда я летел. Стюардесса разбудить меня не догадалась, и я благополучно прилетел в Заднепрянск. Выхожу, все честь по че-

сти, даже не смотрю, что написано на здании аэропорта. Зачем мне смотреть: я и так вижу, что от флюгера на шпиле до цоколя это наш, Днепрятский, аэропорт.

– Значит, вы вышли из самолета в Заднепрятске, – вернул лейтенант Пачиску в русло стройного рассказа. – Дальше?

– Дальше вышел на площадь и взял такси.

– Так, так. Что же вы сказали шоферу?

– Это он мне сказал. Разве у нас заведено, что пассажир говорит, куда ему ехать? Шофер говорит, куда он едет и куда может прихватить вас по пути. И в Днепрятске у нас точнехонько так...

– Что же вам сказал шофер?

– Шофер сказал: «Кому на Массив?» Мне, говорю, на Массив. Улица Строителей, дом сто двадцать шесть. «Подходит», – сказал шофер, и мы поехали.

– Выхожу я из такси на улице Строителей, дом сто двадцать шесть. Шофер сдачи не дал, нажал на газ и поехал. Но какое это имеет значение, раз я дома? Можно сказать, все в порядке. Слева парикмахерская, справа гастроном, через дорогу культтовары, киоск «Союзпечати». Массив есть Массив. Хотел идти в гастроном – санитарный день. Пошел домой. В нашем пятиэтажном доме моя однокомнатная квартира номер одиннадцать на третьем этаже, дверь направо. Поднялся я на третий этаж, достал из почтового ящика газету, открыл ключом дверь, вошел. Все мое, все на месте. Стол боженковской фабрики, тахта серо-зеленая с оранже-

выми цветочками, стулья тоже мои. Первым делом иду в ванну. Все мое, все на месте. Лезу мыться. Кран с горячей водой барахлит – мой кран. Вымылся, вылез, надел свою пижаму, лег на свою тахту, развернул газету. Потом задремал. Вдруг кто-то толкает в плечо...

Лейтенант насторожился:

– Одну минуточку. Вы сказали, что достали газету. Какую газету вы выписываете?

– «Днепрянскую зарю».

– Ну вот, – обрадовался лейтенант, – а гражданин Капелюшенко выписывает «Заднепрянский голос»!

– Товарищ лейтенант, – Пачиска поднес руку к тому месту, где должно быть сердце, – если бы я, идиот такой, еще на пороге посмотрел на заголовок: газеты, разве вся эта карусель закрутилась бы?

Лейтенант подумал и ничего не сказал.

Теперь он совершенно не знал, как ему быть. Не мог же бедный лейтенант привлечь к ответственности всех тех, из-за кого бедный гражданин Пачиска попал в такую историю. А гражданин Пачиска с выражением праведника на лице ждал «новых» вопросов.

Фатальный взрыв

Вас, наверное, заинтересует, почему Костю Гриника зовут на селе монасем, и почему у него одна щека сиреневого

цвета. Биография у монася короткая, но слишком пестрая. И обязан Костя в этом отношении двум основным чертам своего характера: он очень любил водку и еще больше не любил работать. Даже на водку зарабатывать не хотелось.

Было время, когда Косте казалось, что трудиться по-настоящему приходится только в колхозе, а если завербоваться куда-нибудь, стоит только пальцем пошевелить, как рубли бурным потоком устремятся в карман и, соответственно, в горло.

Но жизнь быстро разочаровала Гриника. Выяснилось, куда бы ни поехал и куда б ни завербовался, – всюду надо работать, чтоб в кармане завелись взлелеянные в мечтах рубли. И еще одно выяснилось. Почему-то в каждом коллективе недолюбливали тех, кто любил водку. Далее открытия житейских мудростей начались одно за другим. Чем больше ты пьешь водки, тем хуже работаешь, тем меньше зарабатываешь, и это соответствующим образом сокращает водочный рацион. Словом, получался заколдованный круг. Какие-то чары сдерживали Костю по-настоящему дорваться до чарки.

Тогда он возвратился в родной колхоз и занялся изобретательством. Первым изобретением монася была краска для шерсти. Краска универсальная. Такою краскою можно перекрасить обыкновенного кота на курицу или выхухоля, в зависимости от концентрации краски. Кот окрашивался живым: прочнее краска закреплялась. Две-три сельские модницы клюнули на изобретение и купили у Гриника «патент».

Костя благословил судьбу: с утра напился до темноты в глазах. Зато каким тяжким было похмелье после того, как Мотрин кот приобрел цвет чернил для авторучек, а Феклин облез и отдал Богу душу в лопухах! Молодицы, одна с рогачом, а вторая с коромыслом рыскали в поисках Кости по селу, и он вынужден был эмигрировать к самогонщице Федоре, порой предоставлявшей ему убежище и недолгосрочный кредит на первак.

Здесь его разогретая перваком фантазия шагнула еще дальше и подарила миру еще одно изобретение.

Костя повел такой разговор:

– Ну, вот что, тетушка. Залез я к вам в долги по ушки, и вы должны помочь мне выпутаться из долгов.

– Не дам ни капли и не проси, – категорически отрезала та.

– Ну, зачем же так неделикатно? Я, можно сказать, пришел к вам с идеей. Гляжу я на вас, и жалость окутывает меня. Тяжко вам...

– А-а! И милиция, и сельсовет житья не дают. Того и гляди сядешь. А для себя я ее гоню? Для вас же, антихристы! Ты да еще таких с пяток на селе наберется, вот и...

– Я не про это! Милиция, конечно, само собою, но вам при вашем образовании тоже всю технологию нелегко вести. Образование у вас незаконченноцерков-ноприходское, а я в свое время почти среднюю школу кончил. Химию знаю, технологию разную. А в вашем деле без знания химии мно-

го не накапает. Я даже историю знаю. Вот вы, наверное, и не знаете, почему о водке так говорят: «Ее и монаси приемлют».

– А почему?

– Вот видите. А потому, что были такие монахи, алхимиками их называли. Они здорово умели водку гнать.

– Ты смотри! Про алкоголиков слышала, а про алхимиков не просветил Господь!

– То-то ж. Так вот, тетушка. Хочу я к вам технологом устроиться. Оплата натуральная и по соглашению. Кустарно у вас дело поставлено и проектная мощность низкая, а я все по научно-алхимическому поставлю, схему аппарата выправлю и саму технологию. Вот вы осенью свеклу переводите, зимой – сахар. Опять-таки на дрожжи затраты и выручка неважнуха. Нерентабельно, одним словом, гоните. А как я за дело возьмусь, будет и дешево, и сердито и такой нагоним, что не только монашь, но и сам архиерей не устоит против нее.

Неведомо, какие аргументы еще выдвигал Костя, но тетка Федора взяла его на пост технолога, правда, с испытательным сроком. Неведомо также, какие конструктивные изменения внес он в схему самогонного аппарата и какую учредил технологию. Все те тайны погибли под осколками того же аппарата.

В хате Федоры произошел такой взрыв, что у соседей задребезжали стекла, а собаки по всему селу лаяли добрых три

часа. Первая аварийная команда соседей, что вбежала к Федоре, сначала ничего не разобрала, ибо густые тучи едких паров наполнили хату. Потом пар развеялся, и представилась печальная картина. На том месте, где была печь, зияла яма. Тонкий слой необычного цвета закваски покрывал все вокруг, даже бороду Николе-угоднику на божнице. Костя вертелся в хате, как муха в колбе, и, держась за щеку, тихонько, по-собачьи скулил. Тетушка, заброшенная взрывной волной на самую верхнюю полку для посуды, надрывалась:

– Антихрист! Чтоб тебя покорило! Я же говорила! Алхимик несчастный! Не можешь – не берись! Кто теперь мне страховку за печь заплатит? Монаси, видите, приемлют! Чтоб тебя сырая земля приняла, монась несчастный!

С той минуты и стал Костя Гриник монасем.

Позднее выяснилось, что тетушка бесповоротно оглохла на оба уха и окончательно дисквалифицировалась.

Председатель колхоза сказал Косте:

– Судить бы тебя, паразита. Но поскольку ты последнее гнездо самогонное истребил, простим.

Начал Костя работать на ферме. Ничего, освоился. Водки в рот не берет. Только почует запах, сразу слышится взрыв и сиреневая щека начинает дергаться. Врачи говорят, что такие симптомы могут остаться на всю жизнь.

Бестолковый сын

– Откуда взялись люди? – спросил Сашко.

С высоты кандидатской эрудиции я злорадно подумал о своих предках. Забавно, что бы они ответили крохе! Сказка о том, как Бог слепил Адама из глины, их не спасла б. Разве что заинтересовала б детализация относительно качества глины, гончарных задатков Бога и нескольких технологических подробностей. О том, что из одного-единственного Адамова ребра вышла целая Ева, лучше и не заикаться. Вряд ли ребенок поймет.

– Сашко, – сказал я, – сначала люди были обезьянами, а потом стали людьми. . . .

Заинтриговав таким заявлением свою аудиторию и почувствовав, что между мной и моей аудиторией натягиваются крепкие нити контакта, я бросился рассказывать о том, как обезьянам надоело сидеть на деревьях и как постепенно из моды начали выходить хвосты. Потом я провел тонкую анатомическую параллель между гомо сапиенс, с одной стороны, и орангутангом, гиббоном, шимпанзе, гориллою, с другой, не забыв при этом напомнить о признаках, которые отличают «гомо сапиенс» от вышепоименованных человекоподобных мартышек.

Можно было переходить к карантропам и зиньян-тропам. Они уже не обезьяны, но еще и не люди. Тут я было

не оскандалился, запомнятовав австралопитека трансваальского, но вовремя спохватился и перекинул изящный мостик от него к питекантропу.

Пришлось сделать небольшую преамбулу про геологические эпохи. Я вижу, у моей аудитории затухает интерес к теории происхождения человека, и про синантропа и гейдельбергскую челюсть докладываю сжато, конспективно. Но, перебрасывая очередной мостик от питекантропов и синантропов к неандертальцам, я не мог не остановиться на эпохе раннего палеолита, и у моей аудитории начали слипаться глаза. Про юного неандертальца из пещеры Тешик-Таш Сашко выслушал с интересом и спросил, сколько ему было лет.

– Много-много тысяч лет, – ответил я.

– Разве бывают такие старые мальчишки? – послышался новый вопрос, и я понял, что пора закругляться, если хочу рассказать еще кое-что. Про порочную теорию пресапиеенсов, вызванную находкой так называемого есантропа Дауюка, Сашко выслушал без особого энтузиазма. Кое-что пришлось скомкать и перейти к кроманьонцам.

О кроманьонцы – славные парни! Я всегда им симпатизировал и намеревался вызвать симпатию к ним и у своей аудитории. Солидный рост, крепкое телосложение, приятные черты лица, находчивость, умение рисовать на скалах носорогов и оставлять пропасть черепков для археологов – все это вместе взятое хоть у кого вызовет симпатию. А череп, а кубатура черепа! Что б там ни твердили, а у крома-

ньонцев уже была голова на плечах. Рассказав о кроманьонцах и сделав ударение на том, что между ними и современными людьми почти нет никакой разницы, спросил у своей аудитории, все ли ей ясно.

– Понятно! – радостно ответил Сашко. – Я понимаю, почему сажают в клетку. Людей становится все больше и больше, потому что они беременеют от обезьян, а обезьян – все меньше и меньше – им не от кого тяжелеть. А чтоб последние не превратились в людей, их оберегают, сажают в клетки...

Ну вы слышали! Я в его годы гораздо сообразительнее был. Полуторачасовая лекция в одно ухо влетела, из другого вылетела, а эффекта никакого!

Гость

Курочку не назовешь лодырем. Никто не скажет, что Данила Курочка спит до полудня. Данила Курочка еще до восхода солнца выходит на свой огород и стоит там столбом, опершись на лопату и вперив глаза перед собой в землю. Так стоит он до тех пор, пока не выйдет из дому Федора, жена. Она спешит в звено.

– Данила! Ты что, заснул? Иди завтракать, на работу опоздаешь!

Данила грозит ей пальцем и делает знаки, чтоб тише говорила. Федора не понимает, сердится:

– Чем столбом стоять, лучше б ворота починил. Смотри – перекошились, от людей стыдно!

Данила злится. Он подходит к Федоре и начинает читать мораль, как он любит говорить:

– Ворота, ворота! Не в воротах дело! Ты понимаешь, я все-таки выследил крота.

– Какого крота?

– Нашего. На нашем же огороде, того, что картошку подрывает. Я за ним, паскудником, вторую неделю увиваюсь!

– И на работу опаздываешь...

– Да отстань ты со своей работой. Работа не волк, а тут, понимаешь, крот. Я, говорю, вторую неделю за ним наблюдаю и сегодня подглядел, когда он из норы выглядывает. Знаешь, когда?

– Отвяжись ты со своим кротом! Ешь быстрее да идем.

– Выглядывает он ровно в пять часов двадцать минут. Если б ты не гаркнула, я б ему лопатой голову счесал. Как часы.

Федора уходит на работу, а Данила еще долго стоит над кротом и качает головой:

– Не выходит, зараза. И дернула ее нелегкая во всю глотку заорать.

Солнышко уже высоко-высоко взбежало. По всему видно, крот не намерен высовываться, и Данила начинает собираться на работу.

Лодырем Данилу не назовешь, на работу он ходит каждый день.

Вот идет, идет Данила по улице и подходит к сельмагу.

Возле сельмага машина, ящики сгружают. Ну, как не подойти и не расспросить, что привезли?

– Добрый день!

– Добрый день. Жена в магазин послала? Самой, гляди, некогда, на свекле?

– Не-е... Это я так. Покупать мне нечего. Пришел, как бы его сказать, в гости.

– А-а-а.

И стоит Данила в сельмаге минут сорок, и молча рассматривает пузырек одеколона «Кармен», и думает Данила, из чего «Кармен» делается.

Потом Данила заходит в кузницу.

– Добрый день!

– Добрый день. Бригадир прислал? Скажи ему...

– Не-е, я так... Пришел, как бы его, в гости...

И стоит Данила минут сорок в кузнице, и смотрит сосредоточенно, как железо в горне сначала розовеет, потом синет, а потом вроде белеет, и мучительно думает Данила, отчего все это так, а не наоборот с железом происходит. Данила глубоко вздыхает и уходит.

Сами ноги заносят его на ферму. Девчата корм в кормозапарники закладывают.

– Добрый день!

– Добрый день. Ты б, Данила, помог нам, что ли? Чего без дела стоять?

– Не-е, мне некогда, я на работу иду. К вам я так зашел, в гости. По пути.

– А-а-а... Ты у нас занятый.

И стоит Данила минут сорок, и смотрит молча на кормозапарники, и думает Данила, нельзя ли переделать Федорины чугунки по принципу кормозапарников. Вот только времени свободного никогда у Данилы нет. Стоит Данила, думает, а потом все-таки идет на работу.

Бредет Данила на работу и видит, что люди навстречу идут. На обед. И Данила поворачивает, должен же он обедать. Не станет же он один работать, когда все обедают.

После обеда Данила идет на работу уже другой дорогой. Такой, чтоб можно было зайти в сельсовет узнать, не звонили ли из района, если звонили, то что именно им надо; чтоб заглянуть на молокопункт, поговорить о жирности молока, а не просто постоять, посмотреть, как сепаратор крутится; чтоб оттуда зайти на почту за газетами.

Говорят, летом дни большие. Какой там! Не успеешь оглянуться – пора ужинать.

Но больше всего Данила в самом деле любит по-настоящему ходить в гости. Именины ли, крестины ли, родины ли, кто к кому приехал ли – Данила тут первый. С утра начинается:

- Федора, выстирай мою праздничную сорочку!
- Федора, а куда ты баночку с ваксой дела?
- Федора, а где пахучее ныло?

Федоре некогда, Федора на работу спешит, от Данилы как от мухи отмахивается:

– Потом, потом, вечером. Успеешь!

– Успеешь! Мы же в гости идем!

И уж все соседи должны знать, что Данила идет в гости. Всем похвалится.

Нельзя сказать, что Данила был большой охотник выпить. Налют – чего же не выпить? Но дело не в вине... Главное, он был в гостях, посидел, послушал людей, сам рассказал, что знал.

Вот и осень. Пришел и Данила на склад на трудодни получать.

– Добрый день!

– Добрый день. Что, Данила, в гости пришел?

– Не-е, какие там гости. На трудодни вот...

– А-а-а! А я думал, в гости. На трудодни Федора все свое получила, на фургоне приезжала. А твое вот, – и кладовщик протянул Даниле пригоршню подсолнечных семян. – Садись, щелкай, заработал. Ты ж у нас гость. Дорогой, можно сказать, гость... – Подумал, добавил: – Для колхоза все-таки дороговатый...

Ой за гаем, гаем...

***Заявление, поданное Петром
Деркачом правлению колхоза***

Уважаемые товарищи члены правления!

Если вы не поможете и не оградите меня, творческую единицу на селе, мне придется обращаться выше. Труд музыканта так же почетен, как, скажем, фуражира, доярки, механизатора. Я, правда, недипломированный музыкант и нештатная единица, но все равно я несущ искусство в массы, и это следует принять во внимание.

Тетка Федоська вчера на всю улицу кричала:

«Смотрите, опять этот здоровяк с гармошкой. Все на свекле, а он рыпит на гармошке!»

Пусть поведением и неорганизованными выкриками тет-ки Федоськи занимается товарищеский суд, но я должен сделать заявление о трех пунктах: во-первых, у меня не гармошка, а полуаккордеон, во-вторых, я не рыпел, у меня была репетиция, в-третьих, если у человека крепкая шея, это еще не доказательство, что у него не тонкая душа.

Я также решил не обращать внимания на безотчетные заявления мужской части населения села: несерьезные они. Но женской половине, особенно девочкам, я должен указать, что они забывают про равноправие. У нас нет разницы между мужчиной и женщиной, мы, слава Богу, живем не при ка-

питализме. И если кто из девчат пожелает научиться играть на аккордеоне или на полуаккордеоне – прошу. Я не буду считать это конкуренцией. Сами ж просят сыграть. Я могу сказать, что самого себя мобилизовал как агиткультбригаду, чтоб своей музыкой облегчить их труд.

А теперь обратимся к истории. Всем хорошо известна песня «Ой за гаем, гаем».

Ой, за гаем, гаем,
Гаем зелененьким,
Там орала дівчинонька
Воликом чорненьким...

Сейчас эта песня должна звучать так:

Ой, за гаем, гаем,
Гаем зелененьким,
Там орала дівчинонька
Трактором новеньким...

Соль не в том, как пахала девчоночка – на воле или на тракторе.

Суть в следующем куплете:

Орала, орала,
Сіла спочивати,
Та й найняла козаченька
На скрипочку грати.

Даже в те далекие времена люди понимали, что музыка облегчает труд и украшает отдых. Вдумайтесь в слова:

Та и найняла козаченька
На скрипочку грати.

Видите, он не сам по доброй воле пришел со скрипкой на полевой стан развлекать девушку. Не пошел он, наверное, и после того, как она попросила, а прихватил свою скрипку и поплелся в поле лишь после, как его наняла. Как назвать такого казака? Рвач! А его моральный облик? Раз тебя наняли, раз ты такой бессовестный, что взял с девушки деньги, так хоть играй на совесть, а не строй глазки да не моргай бровями. А он – пожалуйста:

Козаченько грае,
Бровами моргае...

И ничего. Веками эту песню поют, она входит в репертуары прорвы самодеятельных коллективов (кстати, я могу ее сыграть на своем полуаккордеоне), но никто никогда не осуждал позорное поведение этого, с позволения сказать, козаченька. Никто не видел, чтоб девушка брела за плугом, а этот шалопай пиликал на скрипке. Да деньги еще за это брал, да девушку пытался, извините, соблазнить.

Перекинем мостик от скрипача ко мне. Где, когда

и при каких обстоятельствах я брал с кого деньги, играя девочкам? Не было и мысли такой. Допустим, девочки грузят свеклу на машину, а я на полуаккордеоне наяриваю. Чего плохого? Бровями я никому не моргаю. Человек я серьезный и честный. Девчата зарабатывают трудовни, а я – ничего. Но находятся злые женщины, которые колят мне глаза: лодырь, дармоед, шалопут, оболтус.

Прошу вас, дорогие члены правления, повлиять на несознательную массу и защитить меня от оскорблений: душа у меня тонкая и меня могут довести до трагедии.

Я бы посоветовал членам правления подумать, не стоит ли в нашем колхозе утвердить должность штатного музыканта, который бы играл на полуаккордеоне во время трудовых процессов и способствовал бы повышению производительности труда. Если девчонка, у которой все тягло состояло из черного вола, смогла нанять играть на скрипке казака, то неужели такой огромный и зажиточный наш колхоз не в состоянии содержать штатную единицу с полуаккордеоном?

Ой, пуговица!

Я не первый год на скорой помощи фельдшером работаю, до пенсии считанные дни остались. На своем веку всего посмотрелся. Кое-кто о нас анекдоты распускает, сатирики порой нас в виде черепахи рисуют. Оно, конечно,

и мы не без греха. Скрывать нечего, бывает, и мы виноваты, что нас долгохонько приходится ждать.

Но вы послушайте старого фельдшера, который всю жизнь отдал скорой. Иной раз летим, сирена ревет, машина, кажется, вот-вот от асфальта оторвется, у самих сердце от волнения колотится... Спешим спасти человека. Первый ли, сорок первый ли год работаешь – переживаешь. Человек всегда человек. Приезжаешь и застаешь такую картину.

Молодая мать рыдает, извините, взхлеб, молодой отец добывает телефон, бабуся мужественно рвет волосы, дед валидоллом насыщается.

Что стряслось? Мальчонка на ногах не держится. Проснулся утром веселый, румяный. Даже успел дедову челюсть в мусоропровод спровадить, а начали перед прогулкой одевать – на ногах не стоит. Стоять-то стоит, но шага ступить не может. Падает. Мы туда, мы сюда.

– Как же он будет стоять, – говорит врач, – если вы штанишки не так надели, обе ноги – в одну штанинку.

Анекдот? Допустим. Но должен вам сказать, анекдоты не делаются из ничего.

Было такое с нашей бригадой.

А это уже не анекдот. На прошлой неделе летим по вызову. Все как положено: мотор захлебывается, сирена ревет, лица у нас белые. С ребенком несчастный случай. И все точнехонько, как в анекдоте.

Молодая мамаша рыдает, молодой папаша сидит на телефоне (нас подгоняет), бабуся валидол уничтожает, дед последнюю растительность с головы убирает, а малыш сидит на диване и хохочет.

Молодой папаша и говорит:

– Вы не смотрите, доктор, что он смеется. Он пуговицу от бабусяного капота проглотил. Его ждет смерть! Спасите!

Глянул я на бабушкин капот – одной пуговицы не хватает. Видно, недавно оторвана, нитки висят. Но и пуговичка, скажу вам, чуть меньше блюдца! Бегемот такой пуговицей подавится.

Врач наш, Андрей Петрович, спрашивает кроху:

– Как тебя зовут?

– Саса.

– Саша, ты пуговицу глотал?

Сияет Саша, ничего не говорит, а его мать, отец, бабка, дед на нас наседают:

– Вы сюда приехали лясы точить или дело делать? Ребенка спасайте. Мы жаловаться будем!

Я осматриваю комнату. Что-то зеленое блестит под креслом. Поднимаю – пуговица.

– Эта?

– Эта, – и вся четверка рдеет со стыда. Хотелось им предложить: «Ну-ка, попробуйте по очереди, можно ли эту пуговицу проглотить?». Сдержался. Еще жалобу настрочат.

Однако жалобу на нас в тот день все-таки написали дру-

гие. Пока мы пуговицу искали, на соседней улице в самом деле скорая нужна была.

Как-то вызывают бригаду.

Мчимся. В подъезде на нас набрасывается довольно несимпатичная старуха:

– Вы из самашедшего дома? Я вызывала. К соседу...

– Ни из какого мы дома. Мы скорая помощь.

– Тогда вы мне не подходите. Я думала, из самашедшего дома санитары приедут, соседа попугают. Удочки в передней разбросал. Я ему – замечание, а он на меня зверем глядит, глаза кровью налились. «Самашедший, я сейчас тебе из самашедшего дома санитаров позову!» Да к телефону. А это вы приехали... Скажите, а вы б не могли его в самашедший дом забрать? Не насовсем, а так, попугать? Чтоб больше не смотрел на меня зверем?

Сказал я старушенции пару теплых, виноват и остался. Жалобу на меня подала. Вышло, что я старый грубиян. Пояснительную записку писал.

А то приедешь... Лежит. Наклонишься – от него прет, как от самогонного аппарата. На работе не был, прогулял. За бюллетенем в поликлинику ноги не несут. Дружки вызвали скорую. Мол, не разберутся, для оправдания на работе справочку и дадут.

А вот еще история... Подъезжаем по адресу. У подъезда уже стоит машина нашей скорой. Эге, шуточки плохи. И бегом по лестнице. Навстречу другая бригада спускается.

– Вы куда?

– В семьдесят шестую.

– Давай, ребята, назад. Мы оттуда. Поцапались две соседки, до истерики друг дружку довели. Одна за сердце да к телефону. Кричит: «Вызову скорую, они мне справку дадут, что ты меня до инфаркта довела!» Накапали ей валерьянки, проживет еще сто лет. С таким сердцем никакие инфаркты не страшны. Поворачивайте.

И мы вернулись. Откуда же нам знать, что вторая тоже вызвала скорую по телефону-автомату.

Вот так и получается, нехорошо получается. Ждут нас в другом месте не дождутся, а мы по пустякам мотаемся. Вы теперь сами видите, что черепахи-то мы не всегда по своей вине.

Бегу! Нашу бригаду вызывают. Может, кто пуговицу проглотил, а может, что и серьезное. Всякое бывает...

C. *upulens*.

How

Ally

Иван Сочивец

Флюс

На этот раз Архип Митрофанович Трясогузка решил выступить принципиально.

Прежде, когда не было известно, как сложится ситуация на собрании, он считал целесообразным прослушать хоть половину выступлений, взвесить, куда оно клонится, отметить, чем все это может кончиться, а уж тогда смело поднимал руку.

– Выступающие товарищи уже говорили, – уверенно начинал Трясогузка, – а потому я, возможно, ничего нового и не скажу. Это закономерно, ведь наши мнения сходятся.

А раз они сходятся, то какие же расхождения могут быть?

Возможно, и на этом собрании Архип Митрофанович занял бы именно такую позицию, но некоторые обстоятельства вверх дном перевернули его нутро, толкнули на отчаянный шаг.

Уже тот факт, что несколько суровый, но всегда приветливый директор пришел на собрание с перевязанной щекой, навел Трясогузку на мысль, что тут не все в порядке.

«У директора – и вдруг подвязана щека! – рассуждал Архип Митрофанович.

Еще больше забеспокоился он, когда увидел, что на собрание явился представитель из высшей инстанции и сел в президиуме не рядом с директором.

Когда слово для доклада предоставили главному инженеру, Архип Митрофанович заерзал на стуле. Его подтачивало: любопытство, чем все это кончится?

В эту минуту слева от Архипа Митрофановича зашелестел листок. Трясогузка слегка повернул голову и увидел, как теплотехник передавал записочку заместителю секретаря парторганизации. Тот положил ее на колени, прикрыл рукой и начал читать.

Внешне равнодушный Трясогузка покосил взгляд и нацелился на записку. „Директор... летит в трубу... больше смелой критики...“ – промелькнули перед Архипом Митрофановичем слова записки, которую в тот же миг скомкал заместитель парторга.

„Так вот оно что! – забилося сердце у Трясогузки. – В трубу, значит, голубчик, летишь!“

Именно в этот момент и осенило Архипа Митрофановича. Здесь можно не только директора пропесочить, напомнить ему кое-какие обиды, но и показать себя принципиальным человеком, волевым, непримиримым к недостаткам. „Ишь, как присмирел, – поглядывая на директора, думал Трясогузка. – Сразу и флюс, и щеку разнесло, как услышал, что жареным запахло. Теперь ты, брат, в моих руках! Никто еще и не догадывается, что, возможно, у представителя и приказ в кармане об увольнении нашего директора. Не зря же столько дней длилась проверка. Никто еще и не поверит, что вот этот Архип Митрофанович Трясогузка, которого в коллективе даже флюгером прозвали за то, что всегда свой нос, как говорят, держит по ветру, что этот Трясогузка отваживается выступить первым, тон в критике задать“.

Архип Митрофанович уже видел себя на трибуне, слышал свой резкий уверенный голос, замечал, как после каждого его слова все ниже опускал голову директор.

Увлеченный воображаемой критикой, Архип Митрофанович не слышал, о чем докладывал главный инженер. Он только видел, что директор все чаще прикладывает руку к пухлой щеке и морщится.

Все было взвешено, решено. Надо лишь набраться духу, смелости.

Уже докладчик заканчивал свое выступление, как вдруг

увидел на полу смятый листок, который только что читал заместитель секретаря. Незаметно для соседей Архип Митрофанович протянул ногу и подогнал листок к себе. Нагнулся, поднял.

– Приступаем к дебатам! – объявил председательствующий.

„Есть представитель из совнархоза, – читал в это время вспотевший Трясогузка подобранную записку. – Директор просит в выступлениях рассказать, что из-за неисправности котельной много государственных средств лепит в трубу. Больше смелой критики!“

– Слово предоставляется нашему лаборанту товарищу Трясогузке, – как выстрел прогремело в зале и звонко отразилось в дрожащем сердце Архипа Митрофановича.

Еле-еле переставляя потяжелевшие ноги, Трясогузка поплелся к трибуне.

– Выступавшие товарищи уже говорили, – выпалил он свои слова.

– Еще никто не выступал! – послышалась реплика.

– Возможно, я ничего нового не скажу, – растерянно продолжал Трясогузка, – но это закономерно. Ведь наши мнения сходятся. А раз они сходятся, то и расхождений никаких не может быть. – Архип Митрофанович резко повернулся к президиуму и, пристально глядя на пухлую щеку директора, вдохновенно закруглился:

– Поэтому я целиком и полностью присоединяюсь к то-

му, что будет сказано товарищами после меня и проголосую за него обеими руками.

Продолжение рода

Дети – цветы...

Хорошо сказано! И вправду, как же жизнь без детей прожить? Оно, когда не имеешь потомства, то так, вроде пустоцветом оказался: ни радостей, ни тревог.

Спрашиваете, на себе ли это испытал?

Ого-го! Не даст соврать и Ольга, моя благоверная. Кто-то, а мы научены. Охотно, как говорят, опытом можем поделиться.

Как мы любились да как поженились, рассказывать не стану. Это дело и без чужой науки известное. Начну с того момента, когда у нас сынишка нашелся.

Ну, конечно, мальчик, мужчина в семье – это же продолжение рода, фамилии! Разве не радость?

Тут же и заботы начались.

Как назвать?

– А что нам думать? Саливоном! – предложила женаина мать. – Как его покойного деда звали.

– Может, Онуфрием! – скривилась моя Ольга.

Спорили, советовались и, наконец, угомонились на имени Евген. Женька, значит.

Лежит наш Женька, было, в люльке, посапывает себе.

А мы – на седьмом небе! Смеемся, веселимся, пока не испортится у жены настроение.

Только папироску достанешь, только выпустишь затяжку дыма, тут Ольга сразу: «Я что, не говорила?»

А жена моя, чтоб вы знали, как только разволнуется или рассердится, всегда начинает с этих слов:

– Я что, не говорила? Он таки задушит дитя смрадом. И когда эти мужики наглотаются дыма!?

Вижу, шутки плохи, за шапку и к двери.

– Вернись! – забегает наперед жена. – Я что, не говорила? Он таки простудит дитя скрипом.

Больше всего разговоров и перебранок было при купании.

– Я головку буду мыть, а ты, – велит супруга, – плечи водичку на животик. Да не выше пупочка!

Плескаю воду и ненароком переступлю границу.

– Я что, не говорила? – крикнет тут Ольга. – Медведь какой-то, а не отец. Или ты спишь стоя, или руки тебе выкрутило? Говорила же – до пупочка!

Когда все были в праздничном настроении, тогда потешались с Женькою и гадали компанией, кем он будет.

– Агрономом! – пророчила одна бабка.

– Инженером! – не соглашалась вторая.

– Вырастет, сам выберет себе дорогу, – рассуждали мы с женою.

А он, нечего сказать, рос да рос...

И не заметили, как сынок из колыбели на велосипед пере-

скочил. Очень скоро и трусики на костюм сменил. Не торопился только Женька из класса в класс перепрыгивать. Чересчур сильно усидчивым был.

– Учись, сынок. Ты же продолжение роду нашего!

– Это я знаю, – отвечает. – Дайте финансов на танцы.

Приходилось давать. Куда денешься?

Кое-как школу окончил.

– Работать или учиться дальше пойдешь?

– Я? – удивился сынок. – Я думаю замуж... жениться...

Вы слышите? Ни специальности, ни куска хлеба в руках и – жениться. Тут я впервые не сдержался и взял в руки увесистую палку. Да опоздал немного.

– Отец, не шутите, – показал на палку Евген. – Оставьте орудие насилия. Это вам не старые времена.

Грамотный. Ишь, как подсек меня! А тут еще жена:

– Я что, не говорила? Гляньте, он не желает счастья родному сыну!

Через две недели сыграли свадьбу. Были сваты, были гости.

Поздравляли, гуляли. А я гляжу на Евгена и его Светлану, такую же желторотую, как и он сам, да думаю: «Как-то вы жить будете?»

Пожили молодые, порадовались. Вскорости мы с Ольгой внука дождались, стали дедом и бабкою. А отпрыск наш затосковал, ссоры в доме завел. Такая кутерьма поднялась, что хоть в лес беги.

– Мы разводимся, – брякнул раз Женька. – Подкинь деньжат!

– Ты что! Недавно на свадьбу просил, а теперь еще на развод? Нет, – говорю, – хватит. Имей свои.

– Я что, не говорила? – расплакалась моя жена. – Он не понимает, что мальчику надо помочь.

Разошлись наши молодые. Мы все переругались. А вскоре Женька уехал, завербовался на какую-то стройку. Не прошло и полгода, присылает письмо.

«Так и так, – пишет. – Решил тут жениться. Подошлите денег: своих у меня маловато».

А в конце приписка:

«Мне суд алименты присудил на ребенка, то вы уж, отец, платите Светлане, пока я не разжился. Да и семью новую завожу. За алименты не упрекайте. Витя же вашего роду, не чужой...»

Деньги на свадьбу послали, Светлане алименты платили. А через год любовались фотографией внучки. А еще через несколько месяцев читали новое письмо от сына: высылайте, отец, деньги на развод и платите алименты на Татьянку. Она ж, видите, тоже нашего роду.

– Не пошлю! – зарекся я. – Копейки не дам шалопаю!

– Разве он не наше дитя? – захныкала жена. – Не везет ему. Я что, не говорила?

Пришлось смириться. Вите и Татьянке, нашим внукам, аккуратно платим. Только побаиваемся, не будет ли сызнова

продолжение роду. От такого потомства можно всего ожидать.

Улыбки Днепра

Андрей Крыжановский

Негативный тип

Настроение – солнечное. В кармане – месячная премия.

– Такси!

Подъехали к ателье. Рассчитался.

– В другой раз предупреждайте, что вы художник, – буркнул водитель. – Подвезу бесплатно.

– Я не художник, а сантехник! Я дал вам на десять копеек больше. Целый рубль на новые деньги!

– Новые деньги не старые деньги, – аполитично буркнул шофер.

– Пресса пишет, что один таксист отказался брать на чай!

– Значит, берет на водку.

– Пресса пишет, что мы обижаем вас подачками!

– А вы обижайте, обижайте, не стесняйтесь!

Пришлось обидеть еще на тридцать копеек.

Этот пустяк не испортил мне настроения.

Я бодро вошел в ателье. Тут меня потешили. Костюм вышел на славу.

– Европа-А – воскликнул мастер.

Я поинтересовался, где его там носило.

– Не был вовсе, – торопливо заверил мастер. – Это народная мудрость, которая означает шик-модерн.

Кстати, в Европе-А традиционно благодарят червонцем в конверте.

– У меня нет конверта, – растерялся я.

– Давайте так, – успокоил мастер.

Пришлось держаться на уровне Европы-А.

Я весело направился в парикмахерскую, выбил чек на фансонную стрижку.

– Вас обработать согласно с тарифом или индивидуальными приемами красоты? – поинтересовался парикмахер.

– Красиво и в согласии с тарифом.

– До вас был один шутник, – индифферентно сообщил парикмахер. – Согласно тарифу пошел стриженным под полубокс. Тут же в милицию забрали – спутали с известным рецидивистом.

Я автоматически опустил в карман отечественного Фигуро юбилейный рубль.

Этот пустяк не испортил мне настроения.

В элегантном костюме с ив-монтаповской прической радостно направился в корчму высшего разряда.

Официантка в момент принесла хлеб и к хлебу.

– На сколько обсчитаете? – дипломатично спросил я, когда «к хлебу» соблазнительно булькнуло.

– Зачем обсчитывать такого симпатягу? – улыбнулась официантка. – Сами что-нибудь подкинете. Вы ж не какой-нибудь там доцент.

Я покраснел и рассчитался с щедростью стипендиата ЮНЕСКО.

По дороге домой выяснил, что от месячной премии не осталось даже меди на сигареты «Солнце». Этот пустяк не испортил мне настроения. Я стрельнул папиросу у прохожего и с усмешкой поведал ему свои филантропические приключения.

– Так закатываются идеалы, – пошутил я.

– А вы их не закатывайте! – отрезал прохожий.

– А я при чем?

– Не давайте взятки. Ну и типы у нас встречаются! Пристают с пустяком и портят людям настроение.

В порядке дискуссии

Некогда известный боксер защищал диссертацию на тему «Удар – решающий фактор дифференцированного анализа разложения соперника в боксе».

Андрей КРЫЖАНОВСКИЙ

В порядке дискуссии

Некогда известный боксер защищал диссертацию на тему «Удар— решающий фактор дифференцированного анализа разложения соперника в боксе».

Выступил оппонент:

— Основное в боксе—маневр,— заявила он.

— Удар,— опровергал оппонента диссертант.

— Маневр,— опровергал опровержение диссертанта оппонент.

— Удар,— упорно защищался претендент на соискание.

— Маневр,— перечеркивал оппонент соискание претендента.

— Удар!!

— Маневр!!!

Диссертант ударил.

Оппонент не успел сманеврировать.

Члены аттестационной комиссии единогласно проголосовали за присвоение диссертанту звания кандидата.

Институт объявил конкурс на замещение вакансии оппонента.

КИЕВ

С украинского.
Перевод Ан. САНЖАРОВСКОГО

«Литературная Россия», 24.10. 1969.

Выступил оппонент:

– Основное в боксе – маневр, – заявил он.

– Удар, – опровергал оппонента диссертант.

– Маневр, – опровергал опровержение диссертанта оппонент.

– Удар, – упорно защищался претендент на соискание.

– Маневр, – перечеркивал оппонент соискание претендента.

– Удар!!

– Маневр!!!

Диссертант ударил.

Оппонент не успел сманеврировать.

Члены аттестационной комиссии единогласно проголосовали за присвоение диссертанту звания кандидата.

Институт объявил конкурс на замещение вакансии оппонента.

Информационный взрыв

Сгорел на работе

Навсегда ушел от нас ответственный за противопожарное состояние склада № 21 тов. Водяной. Пожар вспых-

нул от окурка, который покойный бросил в бочку с песком и не попал...

Успех романиста

Плодовитый писатель Х. Тось успешно закончил очередной роман. Ему удалось увернуться от алиментов.

Форум молодых талантов

В театре юного зрителя состоялся вечер начинающих поэтов. Форум молодых талантов прошел под девизом «Поэтом можешь ты не быть».

В мире прекрасного

Художественную роспись «Вова + Мирандолина = любовь» создал на стене центрального телеграфа Владимир Ц. Не уступил ему в мастерстве другой любитель Цезарь Ч., который вырезал на столетнем каштане античную композицию на тему «Амур посылает стрелу в сердце Мирославы У.».

Контексты

- # Скольких Колумбов погубили сорокаградусные широты!
- # У каждого Дантеса есть свой поэт.
- # Оставил след в истории? Наследил!
- # Инфузории размножаются делением: это тебе – это мне, это твое – это мое...
- # Гимн канцелярии: концерт для скрепки с реестром.
- # А из него все-таки вышел человек. И не вернулся.
- # Что там зубы мудрости против острых локтей!
- # Ветеран очереди в детский сад.
- # Так боялся ответственности, что подделывал собственную подпись.
- # Эпитафия «Погиб в борьбе с алкоголем».
- # Разве Пегасы виноваты, что порой на них галопируют всадники без головы?
- # Поэтесса пустила слезу десятитысячным тиражом.
- # Совесть заговорила в нем нахальным голосом.
- # Хотел донести идею, а донес на идею.
- # Каин: «Все люди – братья?»
- # Не можешь молчать – пиши!
- # Мысли иногда приходили в его голову и в ужасе разбегались.
- # Мечта стала «Явою».

Олекса Вусык

Как меня украли

Есть у меня невеста. Точнее, была. Что за девушка! Ни один парень, глядя на нее, не зевнул. Зато сколько вздыхало! Тьма-тьмушая. Больше. Про мою невесту все знакомые говорили только с междометием «ах» и после каждого возгласа слышался не один, а сразу три восклицательных знака.

И вот теперь я в отчаянии... Начались мои треволнения в тот памятный вечер, когда мы вдвоем смотрели «Кавказскую пленницу». Пока смотрели, все было в ажуре. Вышли из кино, моя суженая и предъяви ультиматум:

– Я выйду за тебя при условии – ты меня украдешь.

Слышали? Я, добропорядочный малый, первый ударник на заводе, должен украсть из общежития свою же невесту! Как, когда и, главное, зачем? Мы уже подали заявление в загс, нам назначили месячный испытательный срок (или, как говорит мой приятель, дали обоим по пятнадцать суток на размышление) и вдруг на – укради! Три года молчала, – теперь здрастье.

Я, конечно, категорически восстал. Она ни в какую.

– Укради. Так романтично... Представляешь, ночь. Темная-темная. Нет, лучше звездная-звездная... Все общежи-

тие спит. Только не спим я и ты. Я стою за окном, ты – под окном. Минута – я в твоих объятиях. Ты несешь меня в такси, и мы едем встречать восход солнца. Утром в общежитии переполох. Пропала невеста! А мы заезжаем в загс, расписываемся...

Она говорила, будто песню пела. Я понял: отбрыкивайся не отбрыкивайся, а ультиматум принять придется. И я сказал:

– Быть по-твоему. Жди меня за три дня и три ночи до свадьбы. Жди в своем тридевятиом общежитии, в тридесятом окне на первом этаже. Так уж и быть. Украду.

Но до этого не дошло. Напрасно всю ночь ждала меня невеста. Ждала, волновалась, проклинала, плакала. Я не украл ее. Меня самого украли.

В тот вечер, когда я готовился к ночной операции Ы, прибежал запыхавшийся начальник цеха:

– Собирайся, Коля, едем!

– Куда?

– На завод. Горим, голуба, по всем статьям горим. Ничего не поделаешь!.. Конец квартала. Горит план, горит премия.

Мне не дали пикнуть. Начальник цеха почти вынес меня под руки на улицу и втолкнул в директорскую машину.

Три дня и три ночи вместе со всеми я спасал план. Трое суток горело мое заявление в загсе.

Когда я вернулся домой, невеста предъявила новый ультиматум: чтоб моей ноги не были в ее общежитии.

Как ей докажешь, что на нашем заводе четырежды в году объявляют аврал? Как убедить, что даже кавказскую пленницу не смогли б украсть в конце квартала?

У каждого, к сожалению, есть зубы

Неделю тому назад, когда я возвращался с работы, двое хулиганов встретили меня в глухом переулке.

Требовали денег на водку и выбили два зуба. Моих, конечно...

Хулиганов задержали, записали в милиции их адреса и, взяв подписки о невыезде, отпустили ночевать домой.

На второй день, возвращаясь от зубного врача, я нашел на столе записку: мою жалобу о выбитых зубах будет рассматривать товарищеский суд по месту жительства нарушителей общественного порядка.

Я показал каждому члену суда огромную щербину, которая чернела у меня на месте передних зубов, и в нескольких словах рассказал, как было дело.

– Да-а, это Васькина работа... – заглянув мне в рот, губокомысленно проговорил старейший член товарищеского суда. – Признайся, твоя?

– Моя, – нехотя буркнул Васька.

– Ай-я-яй! Как же у тебя рука поднялась на чужие зубы?! – сказал мой сосед справа и почему-то покраснел.

– Я больше не буду, – шмыгнул носом Васька. – Правда ж,

мы больше не будем, Витька?

– Железно! Кровь из носа, не будем!

– У меня вопрос к потерпевшему, – поднялся из-за стола мой сосед слева. – Те ваши два зуба... Ну, что выбили Васька с Витькою... Они как у вас? Были совершенно здоровые? Никогда не болели?

– Позвольте, а какое это имеет значение?

– Гм... Большое! Здоровый зуб – это все-таки здоровый зуб. Правильно я говорю, товарищи?

– Ну конечно же. Один из выбитых зубов у меня запломбирован...

– Вот видите!

– Что же, по-вашему, его имеет право выбить всякий хулиган?

– Я этого не сказал. У меня у самого две коронки на зубах. И все же думаю, что из-за испорченного зуба не стоит портить себе нервы.

– Но у меня, кроме больного, здоровый зуб выбили!

– Правильно! Это если разделить на Ваську и Витьку – по ползуба на брата. Принимая во внимание положение, я предлагаю отпустить ребят с миром. Они еще молоды, это их, так сказать, первые в жизни выбитые зубы... Критику они, по-моему, поняли правильно, зарубили себе на носу и намотали на ус...

– Зарубили, – сказал Васька.

– Железно! – подтвердил Витька.

– Вот видите! Кто за то, чтобы помиловать ребят на первый раз? Раз, два, три, четыре... Единогласно...

Когда я, вконец разочарованный, возвращался с товарищеского суда домой, меня догнал один из активнейших его членов.

– Ну, не сердитесь, – примирительно положил он руку на мое плечо. – Вы попробуйте посидеть в нашей шкуре... Сегодня мы станем на защиту ваших выбитых зубов, которых, кстати, уже не вернешь, но где гарантия, что завтра тот же Васька или Витька не вздумает пересчитать и мне зубы? К сожалению, у каждого из нас есть зубы...

Я поблагодарил его за откровенность и направился в народный суд.

Там, говорит, хулиганам в зубы не заглядывают...

Диспут о воспитании

Гаечный ключ:

– Главное – это своевременно подкручивать гайки.

Рубанок:

– Нет. Главное – время от времени снимать стружку.

Методы

Мать обращается к маленькому сыну:

– Хотел бы ты иметь братика?

- Нет.
- Почему?
- У тебя фатальные методы воспитания детей.

Как раз пора

Сын говорит матери:

- У Марии Хоменко ума на двоих хватит!
- Вот и женись на ней.

Столько шума

Захотелось одной бабусе в Великий пост полакомиться домашней колбаской. Только откусила кусок, как за окном загремел гром. Отложила старушка колбасу, перекрестилась на икону и пожаловалась:

- Ой, Боже, столько шума из-за такого маленького кусочка!

Валентин Дуб

Гомо гомини

Я опаздывал на поезд. Пулей вылетел из дому с двумя чемоданами.

«Лови такси!» – подсказал мне благоразумный внутренний голос.

Я согласился с ним и сразу же заметил такси.

Подхватываю чемоданы и бодрым аллюром к машине.

Вижу: по противоположной стороне улицы несется юнец с чемоданом. К такси. К моему!

«Смотри, чтоб он тебя не обскакал!» – предупредил внутренний голос.

Я прибавил шаг. Наддал и соперник. Я согнул ноги в коленях, будто иду, в самом же деле бегу. Гляжу – соперник уже давно сделал то же. Я добавил скорости. Идем параллельно.

У него первого сдали нервы: побежал. Рванул и я. Поровнялись. Я показал ему язык, а он мне кукиш.

Последние метры летели, как спринтеры на мировом чемпионате, оторвавшись от земли...

В одно и то же мгновение стукнулись лбами о машину. Но я как честный человек забежал со стороны водителя, а он

рванул дверцы – и уже там!

– Я первый! – крикнул он. – Поехали!

Я схватил его за плечо:

– Вылазь! Не поедешь!

– Такси мое! – кричал он.

– Мое такси! – кричал я.

Он отбивался руками и ногами. Затрещал воротник. Отлетели пуговицы. Но я его все-таки выволок.

Вмешался водитель. Бросился нас разнимать.

– Товарищи, что вы! Интеллигентные ж люди!

Легче было разнять сиамских близнецов. Водитель же попался – не сглазить бы. Расклеил.

– Срам! Как петухи! – и еще громче громыхнул: – Куда?

– На вокзал! – завопили мы дуэтом, отталкивая друг друга.

– Так в чем же дело? Садитесь! – водитель королевским движением распахнул дверцы. – Оба садитесь!

Мы плюхнулись на заднее сиденье и долго не могли отдышаться.

Вдруг я почувствовал, как что-то острое уперлось мне под ребро. Потрогал – локоть соперника. Выставил свой. Наши локти скрестились, будто рапиры. Мы не сидели уже, а висели в воздухе, держась на нервах и взаимной неприязни.

Водитель с тревогой посмотрел на нас в зеркальце.

– Что вы там кряхтите? Высажу обоих!

Впереди мигали вокзальные огни. И я, глянув на часы, по-

нял, что успею. Ко мне вернулось доброе настроение.

Водитель достал чемоданы и поставил на асфальт. Потом с укором посмотрел на нас и покачал головой:

– Гомо гомини, – сказал он.

И поехал.

Мы поняли. Интеллигентные ж люди! Латынь. «Человек человеку...»

Молча стоим.

– Идем пива выпьем, что ли... – сказал соперник. – Вре-
мя же есть.

– Можно, – согласился я.

Валентин Чемерис

В мире букв (Басня)

Все буквы от А до Я работали в институте «Алфавит». Руководил институтом доктор алфавитных наук А. Его первым заместителем был Б. Первым заместителем Б был В. У В в свою очередь был заместителем Г, у Г – Д и так до Я. Я был последним в «Алфавите» и поэтому не имел заместителя.

Стиль работы института был такой.

А вызывал Б и говорил:

– Надо работать. Помните, что труд создал человека!

Б вызывал В и повторял то же:

– Надо работать. Помните, что труд создал человека!

В вызывал Г и говорил то же самое... И так до Я.

Я не имел заместителя и ему некого было вызывать.

Он работал молча.

Однажды Я сделал очень важное открытие. На радостях он сказал:

– Я открыл!..

В ту же минуту его перебил М:

– Что это за порочный индивидуализм! Что это за яканье

в нашем тесном и сплоченном коллективе? Мы все трудимся на благо института, трудимся коллективно, сообща, а ты своим безответственным яканьем противопоставляешь себя коллективу.

Я смутился и начал оправдываться:

– Но я же в самой деле открыл...

М снова перебил:

– Не Я, а Мы! Мы! Понятно? Мы открыли, то есть коллектив. Или ты намерен противопоставить себя целому коллективу? Не забывай, что наш коллектив сплоченный.

Я знал, что коллектив в институте довольно сплоченный, и потому поспешно согласился:

– Ладно. Пусть мы открыли.

– Это уже другое дело, – сказал М. – Но впереди наших имен под открытием придется поставить и А. Неудобно. А – доктор, многие годы возглавляет институт... Нет и нет, ни в коем случае его не обходить. Еще подумают, что мы игнорируем начальство.

– Ну что ж, поставим и А, – тяжело вздохнул опечаленный Я.

М почесал затылок и зашептал:

– Но ты же знаешь, что, сказав А, надо говорить и Б. Все же Б первый заместитель, неудобно обходить...

Приписали Б.

– Все это хорошо, – снова сказал М. – Но выходит, что мы обидели В. А он так же работает в нашем институте, как мы

с тобой. Потом...

Потом, чтоб не обидеть Г, поставили под открытием и Г, за Г – Д и так далее до Я.

Обиженный Я начал протестовать.

– Что вы делаете, ведь я открыл! Я!

На общем собрании сотрудников «Алфавита» крайний и закоренелый индивидуализм Я был единогласно осужден и не менее единогласно был заклеямен как явление, не совместимое с духом и принципами коллективизма.

А сказал:

– Мы должны развивать здоровый дух здорового, сплоченного коллектива, а не зоологические инстинкты отдельных заскорузлых индивидуалистов наподобие Я.

Собрание единогласно постановило: здоровый дух здорового коллектива развивать и впредь... Под открытием Я подписались все, от А до Я. Правда, поначалу Я тоже хотели было вспомнить в числе авторов открытия, но, принимая во внимание его «крайний индивидуализм, несовместимый с коллективизмом», Я из списка исключили.

Премии за открытие получили А, Б, В, Г и так далее до самого Я.

До Я. Потому что Я получил не премию, а строгий выговор за «крайний индивидуализм и себялюбие», что, как известно, не совместимо с принципами здорового, сплоченного коллективизма...

В. Срибный

Жертва спорта

Это чп произошло на центральной улице города минут за двадцать до окончания футбольного матча между местной командой «Металлург» и приезжим «Колосом». Репортаж о редком состязании слушало немало болельщиков, но дослушать им не посчастливилось...

В корзину с пирожками, которыми торговала продавщица гастронома, сперва упало отрезанное ухо, а потом хлопнулся коренастый мужичок, вес которого равнялся весу первого искусственного советского спутника.

К счастью, пирожки были свежие и потому значительно амортизировали падение. Только повидлом залепило глаза ближним покупателям.

Потерпевший был весь в повидле, а из бывшего уха лилась кровь. В кармане его пижамы нашли два билета в оперетту. Последнее обстоятельство подсказывало, что потерпевший в тот день был в хорошем настроении и не собирался кончать жизнь самоубийством.

Минут через десять после того, как скорая привезла потерпевшего в больницу, машину снова вызвали к тому же дому, из которого выпал первый потерпевший. Оказалось,

карету скорой подали жене прыгуна. Это была весьма миловидная дамочка с ямочками на щеках и еще теплою после парикмахерской модною прической.

К сожалению, она не могла ни слова сказать: она была без сознания. Ее платье было измято и без единой пуговицы. Все это только усложняло работу оперуполномоченного милиции.

На квартире потерпевших он застал такой ералаш, будто футболисты провели здесь небольшую разминку. Однако его наметанное око сразу же заметило на полу окровавленную бритву, которая тут же была изъята как вещественное доказательство.

Плод отчаянных усилий медицинского персонала – Лариса Алексеевна, так звали потерпевшую, скоро очнулась. Правда, взглянув на свое платье и вспомнив о билетах на оперетту, она потеряла самообладание, но ненадолго. Испив воды, Лариса Алексеевна поведала про все, как было.

В этот вечер она с мужем, Герасимом Фомичом, собиралась в оперетту. Оба были в наилучшем расположении духа. Вернувшись из парикмахерской, Лариса Алексеевна надела новое платье и начала поправлять новую прическу, а супруг сел бриться. Посмотрев на часы, он вскинулся на ноги и включил репродуктор. Передавали репортаж о первом футбольном матче. Поняв, что нашим уже забили гол, Герасим Фомич заволновался.

– Этого не может быть! – выкрикнул он, намыливая щеку

с таким пылом, что залепил мыльной пеной нос и рот. Отплеываясь, бормотал; «Эх, надо было пойти ил стадион!»

Когда наши игроки атаковали гостей и сравняли счет, Герасим Фомич подскочил от радости: «Мальчики, дайте им еще одну штуку!» После второго гола в ворота гостей он даже затанцевал, приговаривая: «Так их, так их, родненькие мои!.. Наклепайте хорошенько им!»

Но это был последний возглас мужа. Вскоре радиокomentатор, видимо, тоже подскакивая перед микрофоном, печально пробормотал, что и гости забили гол.

– Куда же вы смотрите! – завопил Герасим Фомич. – Игрочишки несчастные, а не футболисты. Зазнались!

Когда нашим забили третий гол, руки у него задрожали. После четвертого он так кричал, что посинел, а глаза у него сверкали, как у сумасшедшего. Он намылил левую щеку, а брил сухую правую. Когда радиокomentатор застрочил: «Пивень отобрал мяч... передал Петросяну... тот погнал к воротам гостей, передал Комарову... Ура! Эх, отбили! Все наши спешат на защиту своих ворот», – Герасим Фомич сорвался со стула и с криком: «Что это за Комаров? Нового купили... Слабаки, что ж вы делаете? Мы ж дали вам квартиры!», – отхватил себе правое ухо и бросился к окну.

– Я хотела задержать Герасима, да он сбил меня с ног и, хватая руками воздух, выскочил в окно. Стой он в воротах, я уверена...

– Верно, – с негодованием подтвердил уполномоченный, –

слабаки! Им с детским садом играть... – и замолчал, вспомнив, что отклоняется от сути дела.

Отвечая на вопрос оперуполномоченного, давно ли Герасим Фомич увлекается спортом, Лариса Алексеевна рассказала, что однажды на охоте ее муж увидел живого волка и, чтобы не дразнить зверя, бросил заряженное ружье и, наверное, побил рекорд в беге. Последние пять лет занимается футболом. Сам, правда, не играет, ибо после того, как бежал от волка куда глаза глядят, у него одышка.

– Почему же ваш супруг не пошел сегодня на стадион? – сурово спросил уполномоченный.

– Потому что прошлой осенью в решающем матче защитник харьковчан разбил ему очки, отправив мяч на двадцатый ряд трибун. Теперь он считает, что лучше болеть за наших футболистов у репродуктора. К тому же врачи запретили ему ходить на стадион. Они думали, что спасают его, но забыли, что есть радиоприемники и телевизоры.

– Ясно как божий день, – сказал уполномоченный. – Но я должен спросить вас, гражданка: что же творится? По-вашему, милиция обязана устилать матрацами все тротуары перед окнами болельщиков?

– Вам смешки! – ответила Лариса Алексеевна. – А я в день матча места не нахожу: Герасим мечется по квартире как полоумный и все прогнозы предсказывает. Хорошо, что вам безразлично, проиграют или выиграют наши.

– Как вы смеее такое говорить! – возмутился уполномо-

ченный. – Будь моя воля, я б перед воротами нашей команды поставил бы взвод милиции, мышь не проскочила бы! Не то что мяч... За нарушение правил надо бы оштрафовать вашего мужа, но, принимая во внимание то, что он болел за нашу команду, на первый раз предупреждаю.

Написав протокол расследования, оперуполномоченный долго ломал голову над тем, как все-таки предупредить несчастье. Можно было бы у окон болельщиков футбола установить предохранительные сетки, но где же их столько наберешь? Так он ничего и не придумал.

Может, вы дадите совет?

Короткие басни

Поликарп Шабатин
Бык

Не спорьте с Быком,
Он не согласится с вами!
Коль не докажет языком –
Убедит рогами.

Ол. Климыша

Троша

Троша доктора не слушал,
Все лечился у шептухи.
Дошептгалась, что Трофим
Стал, как дерево, глухим.

В. Николенко

Беда продавца недоливайки

Он за науку, за спутников «болел»,
Восторгался: «Какое диво!»
Вот только автоматов не терпел
Тех, что разливают пиво.

Б. Лучук

Приятен, хоть клади к ране,
Мягок, что воска пласт.
Когда ж тебе туго станет,
И воды даже не подаст.

Федор МАКИВЧУК

Как писать рецензии (Советы начинающим критикам)

Не Боги горшки обжигают, не Боги и литературные рецензии пишут. Я думаю, горшки гораздо труднее обжигать, нежели рецензии писать. Иначе, как вы объясните небезызвестный факт, что гончаров становится все меньше и меньше, а рецензентов, напротив, все больше и больше.

Рецензии пишутся просто. Вы берете новое произведение писателя, листаете, если есть на то время, а затем спокойно беретесь за бумагу и ручку.

Предлагаю три образца:

№ 1. Новая повесть писателя А.

В своей новой повести писатель А. по-новому изображает.

В своей новой повести писатель А. отображает.

В своей новой повести писатель А. широко показывает.

№ 2. Новые новеллы писателя Б.

В своих новых новеллах писатель Б. тонко изображает.

В своих новых новеллах писатель Б. широко отображает.

В своих новых новеллах писатель Б. по-новому показывает.

№ 3. «Розы и снег» – новые стихи молодого поэта В.

В своих новых стихах молодой поэт В. широко изображает.

В своих новых стихах по-новому отображает.

В своих новых стихах тонко показывает.

Я бы мог предложить несколько образцов и негативных рецензий. Они тоже пишутся довольно просто. Например, Вы берете ту же самую повесть и пишете:

Чертополох или «любисток»?

(о новой так называемой повести писателя А.)

В своей новой безотрадной повести писатель А. не отобразил...

В своей новой порочной повести писатель А. не отобра-

зил...

В своей новой безответственной повести писатель А. не показал...

Но от негативных рецензий всячески воздерживайтесь. Помните старую, как мир, мудрость: лучше иметь сто друзей, чем одного врага. Пишите позитивные рецензии. Пишите и не слушайте, если кто из читателей заметит: «Стой, стой, дорогуша! А где у писателей время для художественного творчества, если они только то и делают, что «изображают», «отображают» и «показывают»? Не обращайтесь на это внимания. В такой манере написаны целые разделы даже истории нашей литературы.

И еще одна существенная оговорка. Некогда знаменитый В. Курочкин написал добрый «Дружеский совет», в котором есть такие строчки:

Свежим воздухом дыши
Без особенных претензий;
Если глуп – так не пиши,
А особенно рецензий.

Очевидно, поэт хотел насолить кому-то из своих рецензентов, а над тем не подумал, что неосторожная острота может натолкнуть молодую впечатлительную особу на излишние размышления, посеять разочарование, а то и вовсе оттолкнуть от литературного поприща.

Не раздумывайте и не сомневайтесь! Иначе рецензент

из вас не вытанцуются.

За перья, племя младое!

Федор МАКНИЧУК,
редактор журнала «Литература»

КАК ПИСАТЬ РЕЦЕНЗИИ

Писать в не газетных, если что не читательскому сообщению. Дружить! А так и писать не надо для журналистского сообщества, если они только что и делают, что «забаваются», «показываются» и «обсуждают». Не забывайте об этих критиках. В таком случае не только время потеряно — время жизни может быть потеряно.

И еще один существенный недостаток. Многие журналисты в «Литературной России» считают, что рецензия — это «литературная критика», а критика — это «литературная рецензия».

(СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ КРИТИКАМ)

На фоне герман-европейской, во всех ее литературных проявлениях, в том числе и в русском, критике рецензия — явление, которое появилось только в начале 20-го века. Именно тогда оно обрело свое самостоятельное значение. Факт, что рецензия становится все популярнее и популярнее, — это свидетельство о том, что общество становится критичнее. Мы должны быть благодарны критике за то, что она делает — за то, что она заставляет нас думать и думать.

Прочитав эту статью, вы можете:

- № 1. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 2. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 3. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 4. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 5. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 6. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 7. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 8. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 9. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.
- № 10. Новую повесть вычитать А. В своем кругу друзей и знакомых.

Читательница или автор?

В этом же вопросе можно выделить А. В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

В своем кругу друзей и знакомых.

Писать в не газетных, если что не читательскому сообщению. Дружить! А так и писать не надо для журналистского сообщества, если они только что и делают, что «забаваются», «показываются» и «обсуждают». Не забывайте об этих критиках. В таком случае не только время потеряно — время жизни может быть потеряно.

И еще один существенный недостаток. Многие журналисты в «Литературной России» считают, что рецензия — это «литературная критика», а критика — это «литературная рецензия».

**Своими советами делюсь
со всеми читателями.
Если кому-то из вас
я, пожалуй, помогу.**

Федор МАКНИЧУК

11. Москва-44, Ленинградский

«Литературная Россия». 23 мая 1969.

Юрий Ячейкин

Что покупают мужчины

Вы спрашиваете, какой подарок сделать на Восьмое марта? Конечно, совет дать легко. Но, опираясь на собственный опыт, должен сказать, что такие советы бывают очень вредны. Я расскажу вам про один случай, который произошел со мной в прошлом году.

Весь день думал я над тем, какой подарок купить жене.

– Лучше всего подарить цветы, – дал мне совет мой сослуживец Петр Коломиец и уверенно нарисовал заманчивую картину: «Представь себе! Люди еще в зимней одежде ходят, а ты уж даришь живые цветы!».

Так-то оно так, а где их достать?

– Чудак! Купить цветы – сущая ерунда, – успокоил меня он. – В специализированном магазине они всегда есть!

– А если нет? Дай еще какой-нибудь резервный совет.

– Нет ничего проще: покупай то, что покупают остальные, – мудро посоветовал Петр. – Положись на вкус мужчин...

После работы я направился широким солдатским шагом к магазину цветов. Я уже видел у себя в руках тяжелый букет в прозрачной бумаге, перевязанный голубой ленточкой.

Но меня ждало горькое разочарование. Когда я вошел в магазин, мне показалось, что я попал в пустыню. Всюду, где можно представить, стояли горшочки с растениями, похожими на крючки, вилки, терки и другие небезопасные вещи. Короче говоря, тут был полный набор комнатных сородичей кактуса. Если бы я покупал подарок верблюду – ничего лучшего нельзя было бы придумать.

Что покупают мужчины

ЮМОРЕСКА

Вы спрашиваете: какой подарок сделать на восьмое марта? Конечно, совет дать легко. Но, опираясь на собственный опыт, должен сказать, что такие советы бывают очень предны. Я расскажу вам про один случай, который произошел со мной в прошлом году.

Весь день думал я над тем, какой подарок купить жене.

— Лучше всего подарить цветы, — дал мне совет мой сослуживец Петр Коломиец и уверенно нарисовал заманчивую картинку: «Представь себе! Люди еще в зимней одежде ходят, а ты уж даришь жене цветы».

— Так-то оно так, а где их достать?

— Чудак! Купить цветы — ерунда, — успокоил меня он. — В специализированном магазине они всегда есть!

— А если нет? Дай еще какой-нибудь резкий совет.

— Нет ничего проще: покупай то, что покупают остальные. — мудро посоветовал Петр. — Положись на вкус мужчины...

После работы я направился широким солдатским шагом к магазину цветов. Я уже видел у себя в руках тяжелый букет в прозрачной бумаге, перевязанный голубой ленточкой.

Но меня ждало горькое разочарование. Когда я вошел в магазин, мне показалось, что я попал в пустыню. Всюду, где можно представить, стояли горшочки с растениями, похожими на крючки, вилки, терки и другие небезопасные вещи. Короче говоря, тут был полный набор комнатных сородичей кактусов. Если бы я покупал подарок верблюду, ничего лучшего нельзя было бы придумать.

Итак, цветы отпадали. Осталось

дой поглядывают друг на друга. Иначе говоря, ждут гения, который знает, что покупать. В конце концов смельчак появляется и храбро покупает клипсы. В толпе мужчины эмгг происходит бурная цепная реакция, и через полчаса клипсы превращаются в дефицитный товар. И снова начинается бездумное блуждание.

Одна из таких цепных реакций увлекла и меня. В каком-то небольшом магазине шла шальная покупка полосатых платков. Бился я за этот платок, как лев.

Счастливым, я вернулся домой. И тут началось самое интересное.

— Поздравляю, моя любимая, с Международным женским праздником! — выкрикиваю я еще с порога. — Купил тебе подарок.

— А ну, покажи, — недоверчиво говорит жена.

— Э-э, нет! — не соглашаюсь я и игриво предлагаю: — Сначала отгадай, что я купил.

— Духи «Каменный цветок»? — выразила предположение супруга.

В ответ я сделал каменное лицо и отрицательно покачал головой.

— Может, сумочку из капрона?

Вы знаете, я даже обиделся. Вытащил из кармана платок и сказал:

— Вот...

Больше я ничего не успел сказать, ибо по лицу супруги догадался, что сделал что-то не то.

— Платок купил, — с нескрываемым сарказмом проговорила она. — А знаешь ли ты, что уж год, как эти платки никто не покупает?

И супруга замолчала. Видно, не хотела портить праздник. Но я отлично понял внутренний смысл этой реплики.

В этот момент входит Петр Коломиец.

«Коммуна». 8 марта 1960.

Итак, цветы отпадали. Осталось слепо положиться на вкус мужчин, которых, кстати, в этот вечер на улицах города было больше, нежели женщин.

Вы наблюдали когда-нибудь, как мужчины покупают подарки? Нет? Послушайте.

Сначала они бездумно слоняются по улицам и со скрытой надеждой поглядывают друг на друга. Иначе говоря, ждут гения, который знает, что покупать. В конце концов смельчак появляется и храбро покупает клипсы. В толпе мужчин вмиг происходит бурная цепная реакция и через полчаса клипсы превращаются в дефицитный товар. И снова начинается бездумное блуждание.

Одна из таких цепных реакций увлекла и меня. В каком-то небольшом магазине шла шальная покупка полосатых платков. Бился я за этот платок, как лев.

Счастливый, я вернулся домой. И тут началось самое интересное.

– Поздравляю, моя любимая, с Международным женским праздником! – выкрикиваю я еще с порога.

– Купил тебе подарок.

– А ну покажи, – недоверчиво говорит жена.

– Э-э-э, нет! – не соглашаюсь я и игриво предлагаю:

– Сначала отгадай, что я купил.

– Духи «Каменный цветок»? – выразила предположение

супруга. В ответ я сделал каменное лицо и отрицательно покачал головой.

– Может, сумочку из капрона?

Вы знаете, я даже обиделся. Вытащил из кармана платок и сказал:

– Вот...

Больше я ничего не успел сказать, ибо по лицу супруги догадался, что сделал что-то не то.

– Платок купил, – с нескрываемым сарказмом проговорила она. – А знаешь ли ты, что уже год, как эти платки никто не покупает?

И супруга замолчала. Видно, не хотела портить праздник. Но я отлично понял внутренний смысл этой реплики.

В этот момент входит Петр Коломиец.

– С праздником вас! – кричит, как водится, и достает подарок.

Какой бы вы думали? Тот самый платок!

Оказывается, не один я поймался на крючок.

Юрий Прокопенко

Что дарить на праздник

Проблема подарка преследует меня с того самого момента, когда впервые собрался на свидание к ней! Тогда я ходил по базару и ломал голову, какие именно цветы подарить?

С той поры каждый праздник для меня – тяжкие размышления о подарке для жены. Но недавно в одном журнале я прочитал совет нам, мужьям. И подпрыгнул от радости. Автор просто гениальный человек! Он утверждает, что лучший подарок супруге – комплимент. «Приятное слово – говорит он, – для нее дороже самого ценного подарка».

Я срочно проверил совет на практике.

– У тебя сегодня чудесный цвет лица...

Жена удивленно посмотрела на меня, потом – в зеркало и улыбнулась.

– У тебя, оказывается, красивые глаза, – мимоходом роняю на следующий день.

По всему было видно, комплименты ей очень нравятся. Как я был признателен автору совета! И жене делаешь приятное, и денег на это не тратишь.

Но с некоторых пор я стал ловить себя на том, что повторяюсь. Скажем, на одной неделе дважды похвалил ее при-

ческому и трижды грациозную походку. Пришлось завести специальный блокнот, куда записывал, когда и какие приятные слова дарил своей жене.

Естественно, на праздники я готовил что-нибудь особенное. Кстати, не так-то просто находить хвалебные фразы, которые бы одновременно не казались совершенной фантазией и хотя бы отдаленно походили на правду. Вот, скажем, на один из праздников я приготовил такое:

– Ты представить себе не можешь, как ты сегодня прелестна. Кофта, которую ты связала, делает тебя еще нежнее и чудесно оттеняет лицо, которое, безусловно, достойно кисти самого талантливого художника. Никто в нашем доме не может сравниться с тобой...

Эффект был блестящий. После монолога жена час не отходила от зеркала. В день рождения я преподнес ей целых четыре листа комплиментов, которые кончались словами:

– Я уверен, в нашем микрорайоне никто не может сравниться с тобой по красоте, по уму, по вкусу...

Жена весь вечер не отходила от зеркала. Вообще в последнее время ей понравилось (а кто из женщин этого не любит!) проводить вечера перед трюмо. Ни театры, ни кино, даже телевизор не могли оторвать ее от этого занятия.

Разумеется, Новый год праздник особый. Я решил подарить жене такое, о чем она и не слышала. Два выходных сидел в публичной библиотеке, обложившись шедеврами мировой поэзии. Мой новогодний подарок едва уместил-

ся на пяти страницах. Полтора часа я дарил ей изумительные комплименты. А в конце назвал ее самой умной, самой красивой женщиной нашего города.

Солнечная улыбка озарила ее лицо.

– Ты прав, – сказала она, – я красива, умна, неповторима. Так зачем мне корпеть на кухне? С моими данными я имею право на большее. Прощай!

И, представьте, – ушла. Я сижу дома и жду. Может, скоро придет? Осталось два часа до Нового года! Безусловно, она пошутила.

А вдруг и в самом деле мои слова вскружили ей голову?

Леонид Шиян

Ёлка

– Новый год без елки, – сказала жена Мусию Ивановичу, – все равно, что именины без именинника. Вот тебе деньги.

– Да где я ее возьму! – заартачился было Мусий Иванович, но глянул в женины глаза и торопливо начал одеваться.

На первом елочном базаре его ждали голые палки, на втором – сплошная хвоя. На третьем были приличные елки и очередь – длинная, как хвост Змея Горыныча. Мусий Иванович поднял воротник и стал в очередь. Через час, выбивая задубевшими ногами чечетку, он уже думал о смысле бытия и о том, что елка ему не достанется.

ЛЕОНИДА ШИША

ЕЛКА

ЮМОРЕСКА

— Новый год без елки, — сказала жена Мусию Ивановичу, — все равно, что именины без именинника. Вот тебе деньги.

— Да где я ее возьму! — заартачился было Мусий Иванович, но глянул в жены глаза и торопливо начал одеваться.

На первом елочном базаре его ждали голые палки, на втором — сплошная хвоя. На третьем были приличные елки и очередь — длинная, как хвост Змея-горыныча. Мусий Иванович поднял воротник и стал в очередь. Через час, выбивая задубевшими ногами чечетку, он уже думал о смысле бытия и о том, что елка ему не достанется.

И тут — как бывает только на праздники — Мусию Ивановичу улыбнулась судьба. В облике субъекта с красным носом и таинственным голосом:

— Елку? — спросил субъект и повел обрадовавшегося клиента в темный подъезд. — Гони трешку!

Через минуту Мусий Иванович вынес на улицу хорошенькое деревце и, воткнув его в снег, ринулся вдогонку такси... Мусий Иванович подкатил на машине, но елки след простыл.

Огорешенный, он долго не мог тронуться с места. Кляня злодея, побрел домой.

Вдруг сердце его екнуло. Впереди какой-то мужчина тянул санки с двумя елками! Верхняя была точнехонько такая, какую украл у Мусия Ивановича. Он шел уже рядом с санками. Сердце начало так сильно колотиться, что застучало в висках. Ведь стоит протянуть руку...

Не помня себя, Мусий Иванович схватил елку и, словно заяц, вприпрыжку метнулся в проулок...

Жене он не сказал ни слова. Молча потянул елку в угол и начал ладить крестовину. Лицо горело с мороза и от волнения.

Вдруг раздался звонок. Мусий Иванович дернулся, будто его ударил электрический ток. Милиция! Жена пошла открывать дверь, а он молниеносно выволок елку на балкон.

И тут – как бывает только на праздники – Мусию Ивановичу улыбнулась судьба. В облике субъекта с красным носом и таинственным голосом:

– Ёлку? – спросил субъект и повел обрадовавшегося клиента в темный подъезд. – Гони трешку!

Через пять минут Мусий Иванович вынес на улицу хорошенькое деревце и, воткнув его в снег, ринулся вдогонку такси...

Мусий Иванович подкатил на машине, но елки и след простыл.

Огорошенный, он долго не мог тронуться с места. Кляня злодея, побрел домой.

Вдруг сердце его екнуло. Впереди какой-то мужчина тянул санки с двумя елками! Верхняя была точнехонько такая, какую украли у Мусия Ивановича. Он шел уже рядом с санками. Сердце начало так сильно колотиться, что застучало в висках. Ведь стоит протянуть руку...

Не помня себя, Мусий Иванович схватил елку и, словно заяц, вприпрыжку метнулся в проулок...

Жене он не сказал ни слова. Молча потянул елку в угол и начал ладить крестовину. Лицо горело с мороза и от волнения.

Вдруг раздался звонок. Мусий Иванович дернулся, будто его ударил электрический ток. Милиция! Жена пошла от-

крывать дверь, а он молниеносно выволок елку на балкон.

В комнате послышался мужской голос... И тогда Мусий Иванович без раздумий швырнул елку с балкона.

– Спасибо! – поблагодарили с земли.

Мусий Иванович боязливо вошел в комнату и увидел человека в форменной одежде.

– Поздравительная телеграмма! – сказал почтальон. – Распишитесь...

О. Подгорный

Цепная реакция

На время отпуска начальника цеха Кондрат Хомут был назначен исполняющим обязанности. Все знали, что по специальности Хомут сапожник, на комбинате работал кладовщиком и в технологии производства колбас разбирался, как коза в электронно-вычислительных машинах.

Этот четвертый день был субботой. Хомут проводил его на лоне природы вместе с директором комбината Значилом.

Хомут и Значило сыграли двадцать партий в козла, после чего настало время купаться. Значило – стрелой в реку. Вынырнув недалеко от берега, директор закричал:

– Давай, давай, Кондрат! Что, боишься? Прыгать с вышки – это тебе не колбасы удить...

Наблюдая за начальником, который удалялся от берега, Хомут подумал, что они друг друга стоят. Для прыжков с вышки он не подходил – не умел плавать; в колбасном же деле, наоборот, плавал всеми стилями.

Философские раздумья Хомута прервал зычный вопль. Сомнения мигом развеялись: несмотря на мастерство в прыжках с вышки его шеф тонул. Хомута покрыл холодный пот – при всей своей преданности шефу он не рисковал

прыгать в воду.

– Спаси-и-те! – тоскливо закричал и. о., прыгая на одной ноге. – Куда смотрит спасательная служба?

Парень из спасательной службы стоял на вышке и смотрел на утопающего в бинокль.

– Что вы стоите, безответственный вы человек? Прыгайте в воду!

– В воду мне нельзя. Я не умею плавать. И вообще я не спасатель. Исполняю его обязанности на время отпуска.

Утонуть директору не дали. Кондрат пробрался сквозь толпу зевак к телу своего начальника и в такт искусственному дыханию завопил:

– Док-то-ра! Скорее! Ско-рее док-тора!

Прибежала молоденькая девушка в белом халате.

Остановилась в нерешительности.

– Чего стоите? Ну что вы за врач? Скорее помогайте! – закричал Хомут петушиным голосом.

– Не врач я, а исполняющая обязанности фельдшера. Он в отпуске...

Врач среди отдыхающих все же нашелся.

– Опасность миновала, – сказал он. – Но пострадавшего надо отвезти в больницу. Несите его на катер.

Фыркая, катер отошел от берега. Вдруг мотор перестал чихать.

– В чем дело? – спросил Хомут.

– А, черт! Мотор забарахлил, – сплюнул мужчина в замас-

ленной робе.

– Исправьте! Вы ж моторист!

– В том-то и дело, что нет. По специальности я техник-коммунальщик. А у моториста свадебный отгул.

До берега добирались на лодке с веслами. К врачу при-мчались на такси.

– Кто тут и. о. главврача? – влетел в ординаторскую запыхавшийся Хомут, которому уже сама земля казалась исполняющей обязанности планеты.

– Пока со своими обязанностями я справлюсь сам, – ответил высокий седой человек. – В чем дело?

Жизнь и здоровье директора были спасены.

В понедельник утром он вышел на работу. А после обеда колбасники были удивлены новым его приказом. Кондрат Хомут переводился на прежнюю должность кладовщика.

О. ПОДГОРНЫЙ

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

НА ВРЕМЯ отъезда начальница цеха Кондрат Хомут был назначен исполняющим его обязанности. Все знали, что по специальности Хомут сапожник, на комбинате работал владимирцем, а в технологическом производстве носки разбирались, как пола в электрона — вычислительных машинах.

Этот четвертый день был субботой, Хомут проводил его на даче природы вместе с директором комбината Значилом.

Хомут и Значило сыграли двадцать партий в «шашки», после чего настало время погулять. Значило — стрелой в реку. Выпрыгнув недалеко от берега, директор закричал:

— Давай, давай, Кондрат! Что, боишься? Прыгать не боишься — это тебе не колбасы удрать.

Наблюдая за изумленным, который удалился от берега, Хомут подумал, что они друг друга стоят. Для правящих с вышним он не подходил — не умел плавать; в молотком же деле, наоборот, плавал всемогущим.

Философские раздумья Хоमुта прервал личный возмездие. Сомнения мигом развеялись: несмотря на мастерство и привычку с вышним его шеф толкнул Хомута в холодный вод — при всей своей преданности шефу он не рискнул прыгать в воду.

— Спаси-и-те! — тоскливо закричал и о. прыгал на одной ноге — Куда смотрите спасательная служба!

Парень из спасательной службы стоял на вышке и смотрел

за утопающего в безмолвие.

— Что вы стоите, безответственный человек? Прыгайте в воду!

— В воду мне нельзя. Я не умею плавать. И вообще я не спаситель. Исполню его обязанности на время отпуска.

Услышав директору ле дали, Кондрат пробежал сквозь толпу зевак и телу своего лезальника и в тант отсутствию дышания завопил:

— Дож-то-ра! Споре! Споре! Дож-то-ра!

Пробежал молоденькая девушка в белом халате. Остановилась в нерешительности.

— Чего стоите? Ну, что вы за врач? Споре помогайте! — закричал Хомут пугающим голосом.

— Не врач я, а исполняющая обязанности фельдшера. Он в отпуске...

— Врач среди отдыхающих все же нашлся.

— Опасность минувала, — сказал он, — Но пострадавшего надо отвезти в больницу. Несите его на катор.

Фыркая, натер отошел от берега. Вдруг мотор перестал чихать.

— В чем дело? — спросил Хомут.

— А, черт! Мотор забарахлил, — склонил мужичка и замасленный робе.

— Исправите! Вы ж моторист!

— В 10-10 и дело, что нет. По специальности я техникомучальник. А у моториста свдобрый отгул.

До берега добралась на лодке с веслами. К праву примчалась на такси.

— Кто тут и о главврача? — влетел в ординаторскую заматавшийся Хомут, которому уже сама земля казалась исполняющей обязанности планеты.

— Пошл со своими обязанностями в справляюсь сам, — ответил высокий седой человек. — В чем дело?

Жизнь и здоровье директора были в опасности.

В понедельник утром он вышел на работу. А после обеда колбасники были удивлены лоник его приказом. Кондрат Хомут переводился на временно должность администратора.

Перевел с украинского
Ан. САНЖАРОВ-СКНИ.

«Вечерняя Москва». 18 июля 1969.

Е. Кравченко

Марсианин

Имела я, люди добрые, «Самородка» в хате, «Гармоничного лодыря», «Магнитофена», а теперь дожила вот до «Марсианина».

После того случая с магнитофонною лентою мой Харитон работал несколько месяцев. И работал так, что в передовики начал выдвигаться. Исполнял в колхозе, как он говорил, «разную тематику», не отказывался от самой тяжкой работы. Я радуюсь, голова колхоза хвалит его. В нашей хате тишина и покой, как у людей. Харитон величает меня только Горпиночкой.

Раз вечером пришел он выпивши: на свои трудодни деньги получил.

Пришел, поужинал молча. Достал из кармана несколько журналов, на которых были изображены ракеты и спутники, и начал внимательно рассматривать. Я сразу догадалась, что им снова овладел порыв к чему-то невероятному. Но вида не подаю, а так деликатненько спрашиваю:

– Харитон Иванович, вы на работе сегодня были?

– Нет, Горпиночка, – так вежливо молвит. – Не был

и больше не пойду.

– Почему? – спрашиваю.

– То не моя тематика... Харитон Иванович рожден для героизма, а не для того чтоб ковыряться в навозе.

– Какого героизма? Может, вновь будешь писать?

– Не-е, – отвечает, то дурное и невыгодное дело... Я совершу такой подвиг, что про меня возьмутся писать лучшие писатели мира. А народы памятник золотой поставят! Вот такая сейчас тематика у меня в голове. Так что не надо ссориться и скандалить, пока я своего не добьюсь.

– Что же ты надумал делать?

– Готовлюсь лететь на Марс в ракете. Уже и заявление подал в Москву. Вот в журнале ясно сказано, чтооро полетят туда люди. Вот я и хочу быть первым марсианином. Мне честь и слава, а тебе – гонорар.

– И когда же вылетать? – спокойненько спрашиваю.

– Как получу сигнал из Москвы. Тем временем начну усиленно тренироваться. А ты, Горпиночка, сотвори мне для этого наилучшие условия.

– Какие именно?

– Не ругайся, хорошенечко корми, покупай каждый день четвертиночку для аппетита. Ведь для такого ответственного полета надо быть физически крепким, при теле и чтоб нервы были и порядке. Покрепче гагаринских. Так, моя милая. А в колхозе заяви, что Харитон Иванович больше не явится на работу, он же уже почти марсианин.

На работу утром не пошел. Я, правда, ни слова. Знаю его характер. По пути на ферму заглянула в правление, пожаловалась председателю. Тот пообещал вызвать, поговорить. Но ничего не получилось из этого: Харитон не явился.

Так продолжалось с месяц. А тут подоспела горячая внешняя пора. Сколько ни уговаривала идти на работу, как горохом об стенку. Спит, ест, читает журналы о ракетах.

Наконец, не выдержала, пошла в правление.

– Посоветуйте, говорю председателю и парторгу, – что делать с марсианином? Пока полетит, мне и уши объест.

Председатель усмехнулся:

– Знаете, что я надумал?

– Что же?

– Состряпаем телеграмму, будто Москва вызывает от нас кого-то для полета на Марс. И попробуем попугать Харитона Ивановича. Давайте сегодня вечером!

Так и сделали. Пришла я с фермы и прикинулась, что плачу. А Харитон:

– Что с тобою, Горпиночка? Кто обидел или занедужила?

– Ой, – молвлю, – хуже... – Обняла его, причитаю: – На кого ж ты меня спокидаешь? Кому же я буду стирать сорочки, готовить обеды? С кем поговорю по душам?

А он так насторожки:

– Что, Горпиночка, может, недоброе слышала в международной тематике?

– Слышала. Только что из правления. Телеграмма при-

шла. Москва зовет в полет. И кто тебя заставил писать то заявление!?! Идем в правление, может, отпросишься. Я не перенесу такого. Идем, Харитоша!

Верите, Харитон как-то разом увял, сжался. Долго разыскивал сапоги, а еще дольше обувался. Дважды левый сапог натягивал на правую ногу. Руки дрожат. А мне смешно!

Пошли в правление. За всю дорогу ни слова не проронил. Вошли. Председатель и парторг поднялись навстречу. Оба такие серьезные, занятые. Первым заговорил председатель:

– Дорогой наш Харитон Иванович... Простите, что побеспокоили. Но дело очень важное... – достал из ящика в столе бумажку. – Сегодня получили телеграмму из Москвы. Вот она: «Трехдневный срок командуйте самого здорового физически колхозника для полета на Марс тчк. Москва, Энский переулок, семь, ГОП».

Кан кіміс булса кімісрэй тілді мін ұпалдым.
— Арқасы, кішітеріміз тірпалды, — Мамыс,
тормы, қалы оңй ара — Марс сымша.

Тіррекечөк, аяқ адраттарға сымарыны ма-
лғифотроғи шөпін сін сымса қызы ақылды, мін
Халықтың төмелік тілім мін-шімдері. Жерді
Хай қаларың, етерді тематикасы тұрырды кір-
се шөкші. Чи шыыр кірші те тірпалдым. Хам
күнтілме сыманайт, қолық преледелеті те
мұхатты іні, Пәрін қыл-сүртпа, сымонен те-
сінді те адыл тұрырды күрделі, Хіртүм
Мана құрылғым Голландия тесе сүр обан.

Пір қасиене аяқ қылы тірпалды.
— Харитон Иман, кір мана кір пұлыл-
түтін.

— Сүк, Горнишисім, — тет аяқ тілі тіл-
ашы. Пұлмас, мөлалене те қалынастың.

— Мамын қалай?

— Ку аяқ мана тематикасы кімсет. Харит-
тон Иман тілсіз адыне қауалыма мар, пег,
тірдік кімтіріне сүрділді.

— Мін түме шұр тірділі аяқ ады.

— Равелті Мам сін өңге адыла қатыл-
дырғы. Мұсқала қызыләне те сымса тілім ініл.

Жүрділте аяқ тілі ұрдыл қалады. аяқ күтсе
сымонен өңге қылалма. Эңб тірпелім Мам
сымонен пұлсады. Мана — үс те мұхат, ады-
на — үсқа.

— Хәсі өңге тұмалыққа пар? — қызыл
ішартың қыды.

— Мұсқаран шыр қалғен. Умичен шөпін,
тегі тірпеліміз пұлылтың. Адыл, Горнишисім,
сүрдім, мана күр қалаң те адыл мәйсем тұр-
пар.

— Мінге мәйсем-ші?

— Ан ұтас, адыл сүрер, аяқ шөптіл
қыды тірпелі өңге мар. Бу шөк түсік өңге
түсік түсік пұтар шөптілме, адыл, Голнишисім,
сүрдім тірпелім қыды. Салпа, құрылғым. Преле-
неңің те кімтірің: Харитон Иман текке ады
сыматты, терім, шөптіліне тілсе қызы, аяқ
ініл Мам сымонен өңге.

— Артыма кір тірпелім. Чи те, өңге ады
те кімтірің. Пеленің сөк-те ұқыл кімтіліне.

Тірпеліне преледелеті адыл шөпін қыды
ады тірпеліне сүрер. Хіртүм ады тірпелім. Чи,
рөңге сөк кімтірің.

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

Евгений КРАВЧЕНКО

Калав

— Ой,— тетін,— ұтан та кіршүршік,—
мәтәләршік те іні, қим құлдің.— Тілің кі-
мтіріңе сөк, тіліңді адылтайт. Қим адыл ініл
тегі мән кіміс сыман, қим адыл адыл кімтірің.
Қимна қаласын шөптіліңе қимна кімтіріңе.

— Біле тұр, тілің адылтайт қимна кімтіріңе.
— Мән, Горнишисім,— тетін,— тірпелі тематикасы
шөптіліңе ұқыл адыл кімтіріңе сүрділді.

— Тірпелі сөк,— тетін,— Халы адыл адыл
преледелеті сөртің. Тематикасы мана. Мұсқа
адыне кімтірің. Қим құшың-ші сыман сөк
кімтіріңе сүрділді. Қаласын преледелеті, тем,
тұрылғасын кімтірің. Эңб ұқыл құрылғасын
кімтіріңе. Қимна кімтіріңе.

— Ешөптірің, кімтіріңе, Хіртүмнің құрыл-
ғасын адылтайт қаласын. Аттың кімтіріңе шөпті-
ліңді адыл кімтіріңе сүрділді. Сұмалық өтпене мән
кімтіріңе сүрділді ұрылға тілсіздің. Тілсіздің адыл
кімтіріңе. Адыне кімтіріңе кімтірің. Мана тұр, құшың
кімтірің.

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

— Преледелеті, мөлалене, ан мөлалене с
мән шөптілің. Эңб пұрділің кімтіріне сүрділді. Мам
шөпін сүрме пар адылала, Марс сым сүр
тұрырды. Қызы тілсіз адыл, мән, тематикасы, ады-

те қылалды. Адыр түршік шөк тілсе шөк
кімтіріңе те, мән сөрді шөккірді адылтайт.
— Преледелеті ұр сым тілің, Хіртүм. Адыне
тілсе кімтірің. Партор те сыман пекеш түрді
Мана тұр, шөк қыды шөккірді сыман кімтірің
пұрділіңе тұрдырды құрылға те құрылға қызыл
қыдырды.

Қимна кімтірің адыл кімтіріңе. Хіртүм
өңге кімтіріңе қышыңе кімтіріңе адыр. Хіртүм
ан стақан өңге сөк, сыман тілдің. Эңб кімтірің
тегі кімтірің.— мөлалене құрылға, ұқылқан
кімтіріңе сұла тұрылға пұрділіңе. Хіртүм кімтіріңе
не өңгіліңе қимтірің, шөк қыдылқы, кімтірің
өңгірді сөк мән шөк қыдырды шөккірді өңгірді
Утан тілің те, тілсіздің тілге тек, қалды-мә
ады тұрылға пұрділің. Эңб тірпеліне сүрділді кімтірің
— Хіртүмнің,— тетін,— кімтіріңе қышыңе қы
рамың.

— Біле кімсің, пұрділің сөк қыды-мәлің қу
мәті. Эңб сұмалық құрылға.

— Қим құшың-те сыман адыне қышыңе қы-
ты тілің.— Юртақы, өңге адыл кімтіріңе адыне
кімтірің. Адыне кімтіріңе кімтіріңе сүрділді.
Адыне кімтіріңе кімтіріңе сүрділді. Елең те
шөккірді тірпеліне кімтіріңе сүрділді. Елең те
шөккірді тірпеліне кімтіріңе сүрділді.

— Біле кімсің. Адыне тірпеліне кімтіріңе
кімтіріңе сүрділді сыман құрылға кімтіріңе
адыне кімтіріңе. Эңб тұр, сұмалық кімтіріңе.

— Хіртүмнің, мән адыне кімтіріңе сүрділді
пұрділіңе сыман— тетін.— Тек, шөккірді өңгірді
сөк пар, тірпеліне сүрділді кімтіріңе.

— Хіртүмнің кімтіріңе сүрділді кімтіріңе те ұқыл
қыдырды ұтан мән кімтіріңе, адыне кімтіріңе
қыдырды.

— Тіліңдікің,— тетін,— кімтіріңе, шөк мән
те қышыңе те кімтіріңе.

— Елең кімтіріңе Мана құрылға тата сыман қы
те тірпеліңді тұра адылтайт, бұ қышыңе
кімтіріңе ұқылға Мам сыман тесе сүрділді. Мән
құрылға.

— Шұр тұрыл ады,— тет Хіртүм.— Тата кі
мтіріңе те кімтіріңе. Қыдырды кімтіріңе пұрділің
те сыман сүрділді.

— Қышыңе кімтіріңе шөк тілсе шөккірді те мән
Қыдырды кімтіріңе сүрділді Голнишисім сөк
сыман кімтіріңе. Эңб тірпеліңдікің, адыне
кімтіріңе адыр.

— Сүк, мән Голнишисім те кімтіріңе кімтіріңе. Сыман
кімтіріңе кімтіріңе. Мән құрылға тірпеліне
кімтіріңе те. Чи, кімтіріңе кімтіріңе кімтіріңе
кімтіріңе те. Қим адыл, адыне кімтіріңе сүрділді
те дөңгірді, тілсе ұқылқы, мән пұрділіңе кімтіріңе
Мана адыне кімтіріңе сыман кімтіріңе сүрділді
пұрділіңе сұмалық.

— Мән кімтіріңе кімтіріңе сүрділді.— тетін.

— Мән тілсіздіңе кімтіріңе те мән кімтіріңе шөк
кімтіріңе.

— Горнишисім,— тетін,— шөк кімтіріңе
кімтіріңе кімтіріңе кімтіріңе. Чи, преледелеті
парторға қыдырды таралды, мән Голнишисім
те тірпеліңе кімтіріңе. Эңб сыман кімтіріңе сүрділді
Сұмалық тілсіздің: сөк сыман мән шөк кімтіріңе
те, кімтіріңе тек адырды Чи, Горнишисім, мән
қышыңе кімтіріңе тірпеліңе. Мана тірпеліңе
пұрділіңе кімтіріңе.

— Сыман мән мән Харитон Иман те
тілсе ұрды сыман пұрділіңе. Тірпелі сүрділді Ады
тегі мән теріңе тірпеліңе. Мән ұқылқы
ұқылқы тірпелі те мән. Мана ады сыман тілі
мән, сөккір. Хіліңе шөккірді.— Мам сыман те
кімтіріңе мән те тірпеліңе. Пұрділіңе, сұмалық
шөккірді мән адырды.— Адыне, қалдырды
тегі, мән кімтіріңе сыман.

Умалық кімтіріңе
А. САНЖАРОВНИЧ А. ЭСКЕЛІ
құрырды.

Сначала рассказ Е. Кравченко я перевел с украинского на русский. Затем мой текст перевел на чувашский чебоксарский писатель Аркадий Эшель. Двойной перевод опубликовал чувашский журнал сатиры «Капкан» (№ 17 за 1962).

Воцарилась тишина. Харитон дрожащими пальцами взял телеграмму. Долго читал, словно изучал каждую букву. Потом спрашивает:

– А что такое ГОП?

– Государственная организация полетов, – пояснил секретарь партийной организации.

А председатель:

– Так как, Харитон Иванович, поедете в ГОП?

– Разве в колхозе нет здоровее меня человека?

– Нет! – отрезал парторг. – К тому же вы столько тренировались, изучали журналы про ракеты. Словом, мы посоветовались: ваша кандидатура самая подходящая. Поэтому отправляйтесь домой и собирайтесь. Завтра выезжать. И помните, что б с вами ни случится, мы никогда не оставим в беде вашу супругу...

Председатель встал, пожал Харитону руку. То же сделал и парторг. А мне так смешно, аж душуся, прячу лицо в платок.

Взяла я Харитона под руку, пошли. По дороге завернули в сельмаг, взяла пол-литра, хоть Харитон и не просил. Купи-

ла два килограмма тихоокеанских сельдей.

Дома приготовила ужин. Молча сел Харитон за стол. Выпил полный стакан водки, начал есть. Я достала чемодан и начала складывать белье – готовить в дорогу. А Харитон допил бутылку, умял три сельди, кастрюлю картошек в мундирах. Поднялся и заходил по комнате, как тигр в клетке. А я складываю и плаксиво спрашиваю:

– Харитончик, какой костюм положить?

Он молчит да комнату меряет. А я причитываю:

– И кто просил тебя подавать заявление! Ладно, если все благополучно обойдется: полетишь и прилетишь. А вдруг беда?

Харитон скрипнул зубами, остановился, обнял меня и как нежненько молит:

– Родная моя... А ты знаешь, что я никакого заявления не подавал?

– Как? А чего ж столько тренировался, поправлялся и называл себя марсианином?

– Да пошутил я, – говорит. – Отдохнуть хотелось... Ну и пустил слушок, что подал заявление.

– Разве можно с таким делом шутить? А теперь, видишь, и правление наметило тебя послать в тот ГОП. Так что, крути не крути, а ехать надо.

Он съезжился, начал уговаривать меня:

– Горпиночка, я знаю, все зависит от тебя. Сходи попроси парторга, чтоб другого послали в тот ГОП. Я не смогу без те-

бя. Не смогу! Клянусь; удастся остаться на Земле – буду работать, как черный вол. Иди, горлиночка, я не выдержу такого путешествия. А жить так хочется!

Я пообещала, что утром пойду к председателю.

С той поры моего Харитона Ивановича будто подменили. Работает на разных работах. И как! Даже денежную премию на Первомай получил. Ко мне такой внимательный и милый, что и не скажешь. И даже не обижается, когда назову его «Марсианином». Не знаю, надолго ли хватит ему такого трудового запала. А между тем, я довольна.

Усмешки Днепра (Из украинского журнала «Перец»)

Подслушал

В школе на уроке закона божьего поп спросил ученика:
– Скажи-ка, в каком состоянии Бог спустился на землю?
Стоит ученик и затылок чешет: не видел и не знает.
Сзади кто-то подсказывает:
– В трубном звуке и во мраке...
Ученик не разобрал и говорит:
– В черных брюках и во фраке.

Коперник в строю

В царской армии построили в ряды солдат и приказали
стоять смирно.
– Кто вертится? – крикнул офицер.
– Земля! – слышалось в строю.
– Кто сказал, что Земля вертится?
– Коперник...
– Солдат Коперник, шаг вперед!

Вежливый

Писал как-то парень письмо своей любимой. Кончив писать и немного подумав, добавил: «Прости меня, любимая, что письмо пишу в майке!»

Не знает...

- Сколько стоит твоя кепка?
- Не знаю, это был магазин без продавца.

Случай на почте

- Ваше письмо, бабуся, тяжелое, надо еще марку прилепить.
- Что ты, голубушка! Тогда оно еще тяжелее будет.

Почему голова большая?

- В зверинце внимание детей привлек лев.
- Дети! – говорит учитель. – Кто скажет, почему у льва такая большая голова?
 - Чтоб не вылез из клетки.

Новый учитель

Дочка вернулась из школы.

– Ну, понравился тебе ваш новый учитель? – спрашивает мать.

– А! Он ничего не знает.

– Откуда ты взяла?

– А он весь урок только меня спрашивал.

Земля потеет

– Кто скажет, отчего бывает роса?

– Я знаю! – поднимается Иванко. – Земля крутится так быстро, что аж потеет.

Чтоб не ошибиться

– Почему ты вырываешь страницы из учебника? – спрашивает учительница Василька.

– А я не все вырываю, только прочитанные. Чтобы по ошибке одно дважды не читать.

Ничего не сделал

Ученику было дано задание разобрать предложение «Умер дедушка». Но ученик не мог найти даже подлежащее и сказуемое. Тогда учитель стал задавать наводящие вопросы:

- Кто умер?
- Дедушка.
- Что сделал дедушка?
- Ничего не сделал, потому что умер.

«Полярник»

- Папа, когда я вырасту, буду полярником.
- Очень хорошо, сынок.
- Я уже сейчас хочу готовиться к этому.
- Как же?
- А ты каждый день покупай мне мороженое, чтоб я привыкал к холоду.

Откуда буря?

Учитель:

- Кто скажет, откуда берется буря?

– Я знаю, – поднялся Петрик. – Из костей!

– Как это?

– А так. Перед бурей наша бабушка за пять дней слышит бурю в своих костях.

Внучок

– Как там, учитель, мой внучок?

– Да ничего. Только вчера отпрашивался на ваши похороны.

В зоопарке

Служитель в зоопарке:

– Мальчик, отойди от тигра.

– Да я ему ничего не сделаю.

Серьёзная причина

– Миколка, почему ты плохо учишься, а Василько хорошо?

– Василек на два двора ближе к школе живет.

Материнский наказ

Мать:

– Запомни. Принесешь тройку – трижды будешь бит.

Сын:

– Тогда не ждите, чтоб я вам пятерки приносил.

Не тяни!

– Не тяни kota за хвост!

– Да я не тяну! Я только держу за хвост, а он сам тянет!

Лампа

Иван и Степан решили выпить. Три рубля наскребли, а 62 копейки не хватает.

Зашли к соседу Михаилу. В комнате убиралась жена. Чтоб она ничего не поняла, Иван сказал:

– Михаил! В моем телевизоре сгорела лампа МЫ-3, А ТЫ-62.

Догадливый сосед выручил.

Запомнил...

Учительница долго рассказывала на уроке ботаники про то, как выращивают картошку. Потом спрашивает мальчика, который, казалось, слушал внимательно:

– Скажи, Петя, зачем картошку закапывают в землю?

– Чтоб куры не выгребли! – живо ответил ученик.

Снова пьяный

– О Боже! Опять ты пьяный! – набросилась жена на мужа.

– Если я Бог, то тебе не ругаться, а молиться на меня надо, – ответил муж.

Установили причину

За ужином жена спрашивает мужа:

– Ну, про что шла речь на сегодняшнем совещании?

– Толкли воду в ступе и переливали из пустого в порожнее.

– А я и думаю, чего это ты пришел такой мокрый...

Не может быть

– Правду говоря, когда на базар шла, не надеялась купить все что нужно.

– Это почему же?

– Тетка Мария возвращалась с фермы и с пустым ведром перешла дорогу.

– Не может этого быть. С фермы она никогда не идет с пустым ведром.

* * *

– Поздравляю! У вас двойня!

– А от кого же второй ребенок?

В мясном ларьке

А мясо вредно, – говорит одна женщина. – Оно быстро приближает старость.

– Ничего, это я мужу, – отвечает ей вторая.

Уточнение

Бабушка спросила внука:

– Почему у тебя по истории тройка? Когда я училась, у меня были по истории одни пятерки.

– Так тогда же история была короче, – ответил внук.

Знатоки

Заведующий базой спрашивает главного бухгалтера:

– «Ревизор» – это комедия или трагедия?

– Если ревизор наш, знакомый, – комедия, а если из финансового отдела – трагедия.

Поспешил...

Двое подростков забрались в чужом саду на высокую грушу.

– Стрясись беда – я прыгну даже отсюда, – говорит один.

Хозяин из-под груши:

– Ну так прыгай. Беда уже тут!

Приманка

– Это правда, Иван, что ты «Москвича» выиграл?

– Да это я такой слух пустил, чтоб жена от тещи вернулась.

Целый же месяц ничего горячего не ел!

п е р е ц ь

ЖУРНАЛ ПОЛІТИЧНОЇ САТИРИ

Kula

Микола Винграновский

Не смотри мне в спину

Было уже холодно. Наступала зима, и в желтых, прибитых инеем, холодных лесах предстояло мне закончить съемки кинофильма; надо было свезти в дубовые леса артистов и еще тысячу человек на озябшие травы, на ветры, на древлянские берега каменистого Тетерева.

Лес опустел.

Пустые гнезда на фоне синего неба светили черными ребрами и тоже черно молчали.

Оператор с художником сидели на корточках и что-то чертили хворостинками. В валенках и шубах они походили на дедов-морозов. Кажется, кто-то посмотрел мне в спину. Я оглянулся – лесного взгляда уже не было.

Желтые дубы твердо стояли в стеклянном воздухе. Листья не падали и не тревожили их желтого безмолвия.

Я подумал о своей жене. Куда ее девать, если, не дай Бог, все начнется здесь в лесу?

Художник сказал:

– Ты не представляешь, что нас ждет, если мы не выберем натуру именно здесь и поедем еще куда-то.

– Что ты предлагаешь?

– Предлагаю построить наши землянки на месте бывших партизанских землянок. Во-первых, нам не придется долбать мерзлую землю, и, во-вторых, ты посмотри, какое бесподобное место для обороны. Партизаны знали, где разбить лагерь...

– Сколько тебе нужно, чтобы реставрировать все, как было?

– Боюсь, что за неделю не управлюсь.

– Слушай, через день-два может выпасть снег. Как хочешь, даю тебе один день – кровь из носу...

Мы уже садились в машину, когда снова кто-то посмотрел на меня; неведомые существа стояли за дубами и следили

за нами.

Я вышел из машины, накинул шубу на плечи и зашелестел меж дубов в сторону Тетерева, где, по моим предчувствиям, должен кто-то быть в этих давно покинутых лесах: зверь ли, человек ли...

Никого нигде не было. Что за черт!

На следующий день начался ад: с досками, лопатами, топорами и прочим строительным инструментом да пожитками то и дело подъезжали возы и машины. Из Житомира и окрестных сел прибывали автобусы с людьми, которых тут же передевали партизанами и немцами. Выдавали оружие.

...Наши партизаны-конники возились с лошадьми у реки.

Со стороны шляха тянулись пушки.

Землянки росли на глазах и около них копали гнезда под пулеметы. В воздухе сеялась редкая крупа. Мелкая невинная крупа пахла катастрофой.

Со слезами на глазах ко мне подбежала костюмерша.

– Что такое?

– Не хотят одеваться...

– Кто?

– Да все.

Возле костюмерной и в самом деле стояло с сотню мужчин с немецкими мундирами в руках.

– Здравствуйте. Почему не одеваетесь?

Крепко сбитый человек с мундиром немецкого лейтенан-

та в красных от холода руках спросил:

– А кто у вас самый главный?

Узнав, что «самый главный» я, он сразу как-то сник, словно сожалея о своем откровенно воинственном вопросе.

– Вы извините, не знаем, как вас величать, но дело в том, что мы не хотим быть немцами... Мы все, сколько нас тут, воевали в этом же лесу партизанами... С какой же стати теперь мы должны быть немцами?

Я посмотрел на бывших партизан. Тихо и смиренно они стояли с мундирами в руках, беззащитные, как дети.

– Может, вы бы приказали отдать эти мундиры вон тем, из Житомира? Пусть они... Им же, и правда, все равно. Узнали мы, что будет сниматься кино про нас, – из колхоза прямо сюда. А я грешным делом всю ночь не спал... Всю ночь рана болела, как проклятая.

– А насчет всяких перебежек, засад или там, скажем, ползаний, или на дуб какой взобраться – можете не сомневаться, – поспешил заверить другой. – Мы тут каждый горбок проутюжили своими животами и на каждом дубе в дозоре сидели.

– А на лошадях умеете?

– И на лошадях и на чем хотите... Совершенно все умеем, можете не сомневаться, только не отдавайте нас в «немцы».

В эту минуту над нами, в вышине, меж золотых крон дубов, проплыла стрела операторского крана, и на конце ее, как аист в гнезде, сидел оператор. Крупа набилась в его во-

лосы; окоченевшая рука спокойно лежала на ручке кинокамеры.

– Оденьте этих людей партизанами.

Не спеша, степенно и важно мужчины понесли сдавать немецкие мундиры.

Возле пушек остановилась «Волга», и из нее тяжело вышла жена. На ней были мой любимый украинский платок – шерстяной, черный в красных цветах и белая шуба до земли.

Восемь месяцев тому назад в эту шубу могли войти трое. Но сейчас даже издали было заметно, что шуба ей в самый

раз – со дня на день мы ждали ребенка.

Я посадил ее под дубом, подальше от съемочной площадки, и уже собрался было идти, как вдруг снова почувствовал на себе вчерашний лесной взгляд. На этот раз он подстерегал где-то рядом, за дубами, и я пошел на него в глубь леса.

За вековечным поседевшим прадубом стоял седой конь и смотрел на меня своими серыми глазами. Он не испугался, не отпрянул, а лишь слегка поднял голову, уставившись на меня и насторожив уши. Рядышком стоял обкорнанный и худой, тоже, словно седой, аист с перебитым крылом.

Так они и сидели вдвоем передо мной меж дубов, словно призрачные духи леса. В конские веки – тоже седые – густо набилась крупа, и казалось, что конь был в очках. Аист же смотрел на меня черным большим глазом так, будто он, седой аист, и его седой товарищ поймали меня на каком-то коварстве и уж никуда от них мне теперь не уйти.

– Готово! Можно снимать! – От площадки бежал мой первый заместитель, правая рука, начальник штаба.

В легких ботиночках, в темном легком плаще он бежал счастливо и легко. Когда Василь отдыхал, я не знаю. С утра до вечера он возился на съемочной площадке, а ночью вместе с директором фильма сидел над планами предстоящих съемок. Для него не существовало слова «нет». В кино он пришел из университета, где преподавал аспирантам французский язык.

– Готово! Можем снимать. – От него шел пар. – А это

что? – Василь заметил коня. – Марш на съемку!

– Не трогай его, Василь. Этот конь не наш.

– Как не наш? А если и не наш, так что? У меня коней не хватает...

Василь схватил хворостинку и подбежал к коню. Конь не двигался. Ни удивления, ни страха не было в серых его глазах.

Василь остановился и, внимательно приглядевшись к коню, обернулся ко мне.

– Сумасшедший какой-то, ты гляди!

– Идем, Василь. Видишь – крупа. Если мы сегодня не снимем...

– Снимем.

– Значит, так: ты бери на себя главное командование. Распорядись, чтоб еще раз проверили взрывы. Не покалечило бы кого. Артисты в порядке?

– В полном.

Мы подошли к моей жене. Василь побежал на командный пункт.

Микрофоны работали нормально, динамики на дубах тоже.

Я поднялся к оператору на кран, откуда мы должны были начинать съемку.

Поле боя желтело внизу меж дубов до самого Тетерева. В землянках и за ними притаились наши партизанские отряды. Меж скал стояла конница. Тихо чернели пушки в за-

рослях дубняка. Пошевеливались, возились пулеметчики. У шоссе тускло чернели отряды эсэсовцев.

Все было наготове. Можно приступить. Одно слово – и за-тишье перед боем примет иной образ. Один миг – и все разом заговорит и задвигается... И надо быть спокойным, чтобы все видеть.

– Можно?

– Можно, – шепотом отвечает оператор; на лбу и на щеках у него начинает таять крупа.

Я оглядываюсь на жену. Внизу, под раскидистым дубом, сливаясь с крупой и листвой, она смотрит на меня. Красные розы на платке горят для меня. Жена не одна: седой конь вышел из лесу и встал возле, будто в дозоре. Аист присел под полою шубы и довольно поглядывает своим большим глазом. Представляю, как дрожит его иззябшее тело от неожиданного шубного тепла.

– Съемка! – негромко кричу в микрофон.

Затряслась земля, заблестали языки пламени из пулеметов, испугались и тут же сорвались с места кони; откуда ни возмись поднялся ветер да такой, что закрутил змеями дымы меж дубов, листву понес, посрывал с голов шапки и фуражки – все пришло в движение, в суматоху, в ярость.

Правый фланг «эсэсовцев» смял и стер в порошок наши форпосты и начал заворачивать к Тетереву, чтоб зайти с тыла.

Красная ракета. Сигнал нашей коннице. Я боялся, что ар-

тист, главный герой нашего фильма, командующий конницей, за дымовыми смерчами и взрывами не заметит ракеты.

– Еще одну!

Взлетела вторая ракета, и конница вырвалась из-за скал. Вдруг конь, на котором сидел герой фильма, увидев «немцев», понесся в противоположную сторону, где было тихо и пусто, где никакой битвы не было. Артист изо всех сил старался завернуть коня, ударил его нагайкой по морде. Выкормленный на сытых кинематографических харчах белокопытный красавец на полном скаку на мгновение пригнул голову и тут же стал стоймя; артист, как птица, раскрылив руки, вылетел из седла и упал на землю.

– Сто-о-оп!

Ассистенты бросились к артисту... Слава Богу, все обошлось.

– Давайте людям обед. После обеда начнем сначала.

– Ну что? Вышло? – подошли запыхавшиеся «партизаны», с недоверчивостью глядя на кинокамеру. – Вышло?

– Вышло. Но после обеда повторим еще раз.

– А я это поднялся с земли – у самого уха ка-ак ахнет, ну точно война, только тогда я двух ребер не досчитал, а сегодня – красота! – пригнулся и побежал дальше!

– Скажите, пожалуйста, ваш последний бой хоть чем-нибудь напоминал наш?

– Нет, куда равнять с вашим?! У вас одних пушек двадцать пять, а у нас было три да коней раз в пять меньше.

– Ну, в пять не в пять, Иван, не говори, а раза в два – это точно!

– Может, в два, я уже забыл, но пушек было только три, это я помню доподлинно. Две стояли вон там на горе – видите? – а третья вот тут, где едят ваши кони...

Наши кони добросовестно уминали сено, особенно старался белокопытный красавец.

Обедал и седой конь: моя жена подбирала с земли дубовые листья и подавала коню. Конь не жевал, нечем было, а просто глотал, не сводя серых глаз из-под очков с белокопытного красавца. Потом, будто что надумал, опустил голову к земле, покрытой листвой, и пошел к нашим дымившимся коням. Задняя нога его волочилась и оставляла на листве инистый след. Конь приковылял к белокопытному красавцу и долго рассматривал его печальными глазами. Удивленные кони оставили его и, в свою очередь, уставились на Сивка. Сивко и их окинул медленным взором.

Кажется, мне послышался такой разговор:

«Кто ты такой?»

Сивко молчал. Кони переглянулись; серый жеребец в яблоках будто бы проговорил:

«Ты что, забыл в лесу язык или, может, ты вообще никогда не говорил?»

Некоторые кони заржали.

«Давай, Уран, с ним по-немецки!»

Уран имел, как говорили, высшее образование, правда,

незаконченное: снимался во многих фильмах, главных ролей ему не поручали еще, но все же...

«Шпрехен зи дойч? – спросил Уран, махнув дважды хвостом. – Инглиш?»

Сивко молчал, хотя говорить умел, знал и немецкий, он сидел в его печенках, но его рот был беззуб, и он не хотел выглядеть смешным.

Он еще раз внимательно посмотрел на белокопытного красавца, оглянулся на мою жену и поволок ногу к ней – глотать листья.

«Чудак!» – сказала молодая кобыла, запуская жадные губы в сено.

Я спросил Ивана:

– Вы случайно не знаете, что это за конь?

– Какой? Седой? Был когда-то конь. Всю войну партизанил с нами, а теперь такой старый стал, что и волки не едят. Правда, несколько лет тому назад, когда круто было с хлебом и мясом, хотел председатель на колбасу его пустить. Пошел я к председателю и говорю: пустите на колбасу – не будет добра ни вам, ни вашим детям, потому как если бы не этот конь, кто знает, что б еще было. Знаете, сколько раз он нас выручал... Раненых спасал, привозил патроны... Ну, оставили его. С той поры он и перешел жить в лес. Еще аист-калека приبلудился, вот и доживают вдвоем... На зимку, правда, я их забираю к себе – жалко как-никак...

Повторили съемку еще и еще. Дубы почернели от дыма,

и изорванная взрывами земля стала походить на ту, какой она была много лет назад в том партизанском бою. Так сказал Иван.

Все были утомлены и счастливы: битва снята.

И тут пошел снег. Пока грузили машины, пока все переодевались, снег прикрыл собой изорванную землю, будто здесь ничего и не было.

Я подошел к жене, подал ей руку. Холодная ее щека уже пахла молоком.

Сивко, совсем забеленный снегом, казался еще седее, а аист снова трясся подле него от холода.

По конским глазам я понял, что Сивку никто не понравился: ни люди, которые разыгрывали партизан и немцев, ни наши кони. Ему понравилась лишь моя жена. Она сказала ему «до свидания», махнула ладошкой аисту и пошла к машине.

Мы сели и поехали. Сивко смотрел нам вслед. На его спину вскочил аист и, вытягивая окоченевшую шею, видимо, что-то щелкал ему про нас.

Белорусские рассказы

Явген Пушкін

Приятное знакомство

09 на этот раз было на диво терпеливым. Приятный девичий голос только переспросил:

– Вам какого Гоголя?

– Конечно, не Николая Васильевича.

Не прошло и минуты, как тот же голос задал снова мне вопрос:

– В Минске два Гоголя. Один живет на Зеленой, другой на Тракторном. Вам какого?

– Того, на Тракторном.

Я набрал названный номер. Трубку сняла девочка. Поздоровавшись, попросил к телефону Гоголя.

– А папы нет дома. Но он скоро будет. Что ему передать?

– Передай, пожалуйста, что звонил Пушкин.

– Хорошо. А я вас знаю. Мы вашего «Анчара» в этом году проходили.

– А в каком классе?

– В четвертом. – И девочка, будто старому знакомо-

му, принялась мне рассказывать про свои школьные дела, про подружек и свою учительницу.

В конце разговора она пообещала передать отцу, что звонил Пушкин.

– Обязательно передай. Гоголь должен знать Пушкина.

Вл. Отчык

Икона помогла

В колхозной бухгалтерии зазвонил телефон. Руководитель местного драмкружка счетовод Иван Чубков взял трубку.

– Гарбач из отдела культуры. Слушаешь? Мы тут отчет готовим. Не все гладко, понимаешь... Надо чтоб вы срочно поставили пьесу на атеистическую тему. Ну, как, не подкачаешь?

– Будет сделано! – заверил Чубков.

В тот же вечер кружковцы решили сыграть «Чудо» святого Ярмилы.

Работа закипела. В клуб начали сносить кто бабусину паневу, кто позеленевшие медные подсвечники, кто лен для бород. Но на первой же репетиции, когда Алене Первужиной пришлось пасть на колени и класть земные поклоны, клубная уборщица тетка Христина заметила:

– Кто же так крестится? Так только мух отгоняют. Да образ должен в углу висеть...

– Этого мы не предусмотрели, – почесал затылок Чубков. – Надо икону.

Оказалось, никто из кружковцев не знает, где можно ее

отыскать. Все с надеждой посмотрели на тетку Христину.

– Нет у меня, детки. Телевизор есть, а иконки нету...

День выступления приближался. Ребята обошли многие дома; но без толку. Больше всех переживал Иван. Сегодня опять звонил Гарбач:

– Как форсируете пьесу?

– Заканчиваем репетиции. Только иконы не можем достать...

– Как так не можете? – повысил голос Гарбач. – Найти и точка: Привыкли, чтоб все за вас отдел культуры делал.

Начался новый этап поисков. В день премьеры, когда по всему селу были развешаны объявления, неожиданно к Чубкову влетел расторопный парнишка. Таинственно подмигнув, он потянул Ивана в коридор:

– Есть, – шепнул на ухо, – у бабки Салавеихи. Мне Витька сказал, внук ее.

– Чудесно! – потер руки Иван.

Старая Салавеиха возилась на огороде, когда Чубков и мальчонка подошли к ее дому.

– Добрый день, бабушка!

– Добрый, добрый, внучки... Только б дождя не было.

– Не будет. Барометр показывает «ясно», – заверил Иван.

– Что ваш барометр. Мои косточки точней, – разогнулась старушка. – За неделю непогоду предсказывают.

Иван деликатно забросил удочку:

– Говорят, у вас икона сохранилась?

– Да, детки, жива. Богородица. Покойный Архип аж из Киева принес. Ну что то за хата, коли в красном углу образа нет?

– А вы, бабушка, в Бога верите? – брякнул паренек.

Иван толкнул его в бок и показал кулак.

– Ты еще будешь меня учить? – засердилась старушка.

– А может, вы нам одолжите икону на вечер? – попросил Чубков. – Для клуба...

– Икона дело божественное. И не для вашего клуба...

– Мы не для клуба... Мы для людей... Сегодня в клубе спектакль. Икона во как нужна! – провел Чубков ребром ладони по шее.

– А разве мне мало ли что нужно? – передразнила его Салавеиха. – Вон забор подгнил, а сын когда еще приедет...

– Так мы сейчас! – прервал ее Иван и, пошептавшись с подростком, куда-то побежал.

Через полчаса во дворе Салавеихи пели пилы и стучали топоры.

– Живее! Два часа до выступления, а забор еще не готов, – подгонял Иван кружковцев.

Когда поставили новые столбы, Салавеиха смилостивилась и отдала икону.

– Вы нас здорово выручили! – сказал Иван. – Вы ж, бабушка, приходите вечером в клуб.

Кружковцы, забрав пилы и топоры, отправились готовиться к выступлению, а старушка, потрогав забор, сказала:

– В первый раз Богородица помогла.

Премьера прошла на бис.

Старая же Салавеиха, которая сидела в первом ряду, даже слезу пустила от восторга.

В тот же вечер Иван Чубков записал в журнале мероприятий драмкружка:

1. Поставлена пьеса «Чудо» святого Ярмилы.

2. На общественных началах отремонтирован забор на участке пенсионерки Марфы Салавеевой.

Борис Саченко

Не имей сто рублей

В первые годы студенчества я никогда не имел ста рублей. В карманах моих лихо гулял ветер, в лучшем случае звякало несколько желтых двухкопеечных монеток, которых хватало только на то, чтобы позвонить в редакцию и спросить, забракован ли мой новый рассказ. Друзей же у меня было хоть отбавляй... Любил я компании, не пропускал ни одного матча ни по футболу, ни по хоккею, ездил за город кататься на лыжах, а летом – купаться и загорать. Если ко всему этому добавить, что я буквально глотал книгу за книгой и имел приличную память (я мог иной раз прочесть наизусть страниц двадцать Гомера) – можете себе представить, что однокурсники ходили за мной цугом; пока мы шли, я рассказывал им содержание романов или читал полный курс лекций о творчестве того или иного писателя.

И надо же такому случиться! Кажется, на третьем курсе заметили мои способности и оценили – мне дали повышенную стипендию. Прошло с месяц и одновременно в нескольких газетах и журналах напечатали мои рассказы. Не верилось! Куда ни позвоню, всюду поздравляют с успехом и просят приносить новые. Издательство предложило мне заклю-

читать договор и подрядилось издать мою книгу. И даже выписало аванс. Богатому сам черт помогает! Нечто подобное случилось и со мной – в одной из редакций мне предложили работу; работа начиналась с двух, без особых трудностей я ходил на лекции и работал.

После трехлетней бедности я стал богат, как Рокфеллер. Во всяком случае, мне так казалось.

Каждый день ко мне шли друзья занять. У одного истоптались ботинки; у второго разлезся костюм, третьему не на что было сходить в столовую... Известно – студенты... Я понимал своих друзей с полуслова и отсчитывал сразу ту сумму, которую у меня просили.

Со временем я понял, что я не Рокфеллер. Деньги, что ко мне так легко приходили, так же легко и уходили. Если я и впредь буду таким небережливым, через неделю сам буду искать рубль на обед. Я решил давать займы только близким друзьям.

Метаморфоза! Все, кому я не одалживал, из друзей превращались в самых заклятых врагов. Они начали распускать сплетни о моей жадности, утверждали, будто я ни разу не ходил в столовую, уверяли, что я никогда не моюсь в бане – жалко денег на билет, что я вообще за копейку готов гонять целый день по городу блоху. Они даже подали докладную в ректорат, будто видели, как я продавал на рынке интернатский утюг. На мое счастье, в то время, на которое указывали «друзья», я был на заседании стипендиальной комиссии

и докладную оставили без внимания.

Но и это не все. Вскоре я заметил, что те, кому я одалживал, стали избегать встреч со мной в дни стипендий. Я все больше и больше чувствовал, что меня покидают самые, казалось бы, верные друзья. Я готов был уже даровать им долги, лишь бы быть с парнями по-прежнему на короткой ноге...

Хуже. Когда я посоветовал одному другу забыть про те деньги, что у меня занимал, давай только дружить, как и дружили, он вспылил:

– Не хнычь, скупердьяй несчастный, по тем рублям, завтра их тебе принесу! Подавись ты ими!

Денег, конечно, он назавтра не принес, а друга я потерял.

Пятый курс университета я кончил один, как божий перст. Одинок я и сейчас. Ко всем однокурсникам заходят друзья, которые работают в селах и при случае приезжают в город, все они переписываются, и только до меня никому нет дела. Самому написать кому письмо неудобно: еще подумают, что специально напоминаю о себе, чтоб не забывал о долге. Тем же, кому ничего не давал, тоже неловко писать: подумают, что собираюсь извиниться за то, что отказывал... Я остался и без рублей, и без друзей...

Вот отчего я молчу, когда слышу: не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Может, это и правда

☺ Не кланяйся слишком низко: спина будет болеть.

☺ Поговорку «Не все кому масленица» заведующий базой вспомнил только на скамье подсудимых.

☺ На скрижалях истории некоторые оставляют лишь кресты.

☺ Он никогда не носит мыслей в голове. Носит их в папке.

☺ Чужие цитаты склеивал своим клеем.

☺ Может, это и правда, что написанное пером не вырубишь и топором. Но все написанное пером очень легко стереть обыкновенной резинкой.

☺ Критики, как правило, это люди, не научившиеся писать, но набравшиеся смелости учить других, как надо писать.

☺ Он не боится никакого ветра – всегда держит нос по ветру.

☺ Очки помогают глазам видеть. А сами очки ничего не видят.

☺ Всем, кто считает себя бессмертным, полезно хоть изредка бывать на кладбище.

Без суфлера не проходит ни один спектакль, хотя об этом никто особенно не распространяется.

В. Семянтович

Мимоходом

Чаще заваривает кашу та голова, которая плохо варит.

Лучше раньше, чем поздно, придти к выводу, что учиться никогда не поздно.

Подхалим оказался предусмотрительным: у него всегда была запасная смена взглядов.

Чтобы свести концы с концами, ему приходилось разрываться пополам.

Его любимый конек – ослиное упрямство в спорах.

Сплетник жаловался: столько чужих дел и забот свалилось на его голову.

П. Шыбут

Подложить свинью...

– Наша продавщица замоталась, – говорит мать соседке.

– Так чего ж ты ее не размотала?

В городе она духовно выросла – стала покупать духи.

Подложить свинью можно и вегетарианцу.

В гостях хорошо, если дома плохо.

М. Ковзский

Звёзд на небе хватает для всех

Хор – коллектив, которым руководят припеваючи.

Звезд на небе хватает для всех, но не все хватают звезды с неба.

И поклонники замочных скважин подтверждают, что глядят во все глаза.

Черным по белому делал белое черным.

Последнее слово осталось за ним, но на скамье подсудимых.

Отмочил номер: вышел сухим из воды.

Время идет и при переливании из пустого в порожнее.

Червь сомнения точит и яблоко раздора.

Дрянной роман попал в переплет.

Произведения художника-абстракциониста не укладывались ни в какие рамки.

Футболисты были на высоком уровне – били по воротам только выше перекладины.

Бритва была очень тупая, ее отношения с бородой крайне обострялись.

Заблудиться можно не только в трех соснах, но и в четырех стенах.

О рентгенологе в селе с уважением говорили, что, хотя он и молодой, но человека видит насквозь.

Любил порядок: не любил, если что плохо лежало.

Дом – полная чаша. Но надо еще посмотреть, из какой криницы эта чаша наполняется.

В любовном треугольнике оставался свободный угол.

Строительство можно заморозить и без мороза.

Когда виноват кляузник, не верьте, что ему достается на орехи: с ним миндальничают.

Достичь успеха, скользя по поверхности, можно только в балете на льду.

Он хотел быть самым набожным, а потому молился обеими руками.

Трехэтажный мат ничего общего не имеет со строительством.

Высоко поднятый нос голову принижает.

– Меня голыми руками не возьмешь! – сказала крапива.

Окулист на собрании: «Дальнозоркость ревизионной комиссии выявила близорукость директора».

Чудесные у оленя рога, но спасают его ноги.

Он имел такой тяжелый характер, что даже не любил легкой музыки.

Делила с мужем пополам радости и неприятности: первое брала себе, второе оставляла ему.

Для рыбы не имеет существенного значения: жарят ее или варят.

Холодильник вкладывал в работу все тепло своей души.

Директор швейной фабрики любил говорить: «Работаем на всю катушку».

Белорусские народные усмешки

Перепутал

Четырехлетний мальчик шел с отцом по улице и увидел слишком раскрашенных девушек.

- Папа, а их кто-то побил?
- Почему ты так, сынок, думаешь?
- Откуда же у них синяки под глазами?

Логика

Жена сердито спрашивает мужа:

- Скажи, откуда на кухне столько пустых бутылок?
- Понятия не имею. Ты же сама знаешь, что я пустых бутылок не покупаю.

Нашёл выход

- Умывайся, сынок, с мылом, – учит мать маленького сына.
- А зачем, мама, на такие грязные руки тратить мыло?

Вынужденная ситуация

Пьяный водитель пытается сесть за руль. Подошел к нему регулировщик движения и говорит:

– В таком состоянии вам нельзя ехать.

– Как раз мне необходимо ехать. Вы ж видите, я не могу идти.

Спасся

– Товарищ директор, могли бы вы отпустить меня на час с работы? Звонила жена и просила, чтоб я пошел с нею за продуктами.

– Нет, не могу.

– От всего сердца благодарю вас, товарищ директор!

Взаимная любовь

Жена мужу:

– Ты меня очень любишь?

– Так, милая, как и ты меня.

– Ну знаешь!..

Зачем учиться?

– Ты же умный парень, а не хочешь дальше учиться, – упрекает отец сына.

– Если я умный, так зачем мне учиться?

Среди лекторов

– Коллега, чтобы хорошо говорить, надо иметь большой запас слов. А для этого надо много читать.

– Ошибаетесь. Моя жена совсем ничего не читает, но если начнет говорить – не остановишь.

Раскрыл тайну

Всякий раз, когда маленькой девочке приносили подарки, ей говорили:

– От зайчика... Зайчик передал...

Слушала это девочка, слушала и однажды спрашивает:

– А что, большой у зайчика магазин?

Не дали отгул

Учительница:

– Миша, почему ты вчера не остался после уроков?

– А я больше оставаться не буду.

– Почему?

– Папе, когда он остается после работы, отгул дают, а вы мне не даете.

Не исправил

Не успел сын переступить порог, как мать спросила:

– Ну, исправил двойку по арифметике?

– Сегодня не удалось. Ни один учитель не оставил классный журнал на перемену, все уносили в учительскую.

Птички

Учитель спрашивает учеников, показывая на двух птичек за окном:

– Кто скажет, которая из двух птичек синица, а которая дятел?

– Я знаю! – говорит Миша. – Та, что возле дятла, и будет синица!

Польские рассказы

Анатолий Потемковский

Рассказ о добрых желаниях

Некий мужчина выразил в автобусе предположение, что гобой имеет двойной язычок, а кларнет – одинарный.

– Может быть, наоборот? – сказал Зызя.

– Думаю, что нет, – сказал мужчина.

– Что такое язычок? – спросила дама.

– Неизвестно, – вздохнул Зызя. – Разное говорят.

Незнакомый мужчина тоже не знал. Проблема усложнилась.

Вышли на первой остановке, чтобы поехать к знакомому незнакомца на Саски Кэпэ. Тот знакомый разобрался в разных вещах, до войны учился в институте.

– Сейчас выясним, – сказал незнакомец.

Увы! Знакомый направил к Отвоцке.

– Что делать? – спросила дама.

Поехали к Отвоцке.

Вот тебе раз! У него отпуск и он где-то странствует. Возвращаясь, расспрашивали о гобое кондуктора, надеясь,

что он играет в духовом оркестра железнодорожников. Кондуктор молчал, словно воды в рот набрал.

Библиотека на Кошикова закрыта. Университетская – тоже.

Рано утром в четверг мы пошли к бабке Паташонских. Без ключа (ключ давно потерялся) открыли шкаф и набросились на энциклопедию.

– Благодарим! – сказали. – Проблема решена.

«Рассказ о добрых желаниях».

— Я очень рада, — сказала бабка Паташонских, — но что это за проблема? Любите музыку?

— Что вы! — обиделись мы. — Мы любим только проблемы!

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР • • • • •

РАССКАЗ О ДОБРЫХ ЖЕЛАНИЯХ

Анатолий ПОТЕМКОВСКИЙ

НУЖЕН мужчинам вездыхал и автобусе «вездыхаленки», что доброй душой свободный язычок, а клавиш — одиннадцати.

— Может быть, наоборот? — сказала Зина.

— Дружище, что нет, — сказала женщина.

— Что там же язычок? — спросила бабка.

— Неизвестно, — сказала Зина. — Разное дело.

Незнакомый мужчина

тоже не знал. Проблема усложнилась.

Вышли на первой остановке, чтобы поехать в знаменитый институт на Сахле Клея. Там знаменитый разбирается в разных жидках, но войны раздался в институте.

— Сейчас выйдем, — сказал незнакомцу.

Увидел Знаменитый направил к Отовошке.

— Что делать? — спросила бабка.

Поехали к Отовошке.

Вот тебе раз! У него отпуск, и он едет-то транзитом. Возвращаясь, расспрашивала о работе кондуктора, видя, что он играет в духовом оркестре железнодорожников. Кондуктор молчал, словно воды в рот набрал.

Библиотека на Конюховой закрыта. Университетская — тоже.

Рано утром в четверг мы пошли к бабке Паташонских. Без ключа

(ключ давно потерялся) открыли шкаф и набрались на язычок-медведица.

— Благодарим! — сказали.

— Проблема решена.

— Я очень рада, — сказала бабка Паташонских, — но что это за проблема? Любите музыку?

— Что вы! — обиделись мы. — Мы любим только проблемы!

Перевел с польского А. САНЖАРОВСКИЙ.

«Вечерняя Москва». 24 ноября 1969.

Рассказ о любви

Фочинович упал на Уяздовских аллеях и вывихнул ногу. Сидел на грязном тротуаре, с любопытством рассматривая нас.

— Надо бы, — сказал Куця.

— Ничего не надо! — ответила Кропивницкая. — Пойдите

здесь, у водосточной канавы! Очень хорошо!

– Тут нет ни одной водосточной канавы, – сказал Фочинovich. – Это тротуар.

– Жаль, – сказала Кропивницкая.

Она подошла к Фочинovichу, тронула за ногу.

Фочинovich вздрогнул.

– Что случилось? – спросил прохожий.

– Ничего, – ответила Кропивницкая. – Все в порядке.

Прохожий отошел.

Кропивницкая посмотрела на Фочинovichа с омерзением.

– Люблю его уже сколько лет! – сказала, обращаясь к нам. – А что я в нем вижу?

– Я ничего, – сказал Беспальчик.

– Я тоже, – сказала Кропивницкая. – Все любят, как люди, не долго, а я за ним полжизни света не вижу! Из-за него, бурбона, я на старуху похожа! Может, наконец, его апоплексический удар пристукнет!

Кропивницкая повернулась и пошла к площади Трех Крестов. Фочинovich кое-как отполз в сторонку, выковырял ком мерзлой грязи и метнул его вослед уходящей. Фочинovich ответил взаимностью на чувство, которым одарила его пани Кропивницкая.

С гражданской позиции

Кто-то любезно ущипнул пани Соловейчик. Это достави-

ло ей явное удовольствие. Но она машинально вздрогнула и столкнула тарелку борща на колени поэту Розланку.

На нем был новый костюмчик, выдержанный в фисташковом цвете.

– М-да, – сказал поэт.

– Отнесите в прачечную, – посоветовала пани Соловейчик.

– Ни одна прачечная не поможет! – в раздражении ответил поэт.

К ним подошла Зося с посудным полотенцем.

– Надо простирать в теплой воде. Не будет и следа.

Поэт сопротивлялся, но Зося все-таки увела его на кухню. Не прошло и пяти минут, как Розланек возвратился. Штанишки как новые!

– Bravo! – обрадовались мы. – Поздравляем? Такая радость!

– Гм... Но если, – сказал Розланек, – посмотреть на происшествие с другой точки зрения, то ликовать не приходится. Борщ совсем не наваристый. Одна вода.

Анатолий ПОТЕМКОВСКИЙ

КТО-ТО любезно обнял пани Соловейчик. Это доставило ей явное удовольствие. Но она машинально вадрогнула и столкнула тарелку борща на колени поэту Розланку.

На нем был новый костюмчик, выдержанный в фисташковом цвете.

— М-да, — сказал поэт.

— Отнесите в прачечную, — посоветовала пани Соловейчик.

— Ни одна прачечная не поможет, — раздражался поэт.

С ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ

Зоя подошла к ним с посудным полотенцем.

— Надо простирать в теплой воде. Не будет следа.

Поэт сопротивлялся, но Зоя все-таки увела его на кухню. Не прошло и пяти минут, как Розланек возвратился. Штанишки как новые!

— Bravo! — обра-

довались мы. — Поздравляем! Такая радость!

— Гм... Но если, — сказал Розланек, — посмотреть на происшествие с другой точки зрения, то ликовать не приходится. Борщ совсем не наваристый. Одна вода.

Перевел с польского
А. САНЖАРОВСКИЙ.

«Вечерняя Москва». 5 июня 1971.

Веслав Брудзиньский

Не вступай в спор...

Не вступай в спор с литературным карликом: поневоле ведь будет бить ниже пояса.

Коллега Икс не сдерживает обещания, но зато, как он уверяет, шагает в ногу с эпохой.

Будьте снисходительны к чужим порокам – это может вам пригодиться.

Не мог перейти от слов к делу. За него это делали его слова.

Ни одна оценка нового веяния не сгоняет с чела шефа мрачность, наоборот, нагоняет ее.

На очной ставке преступник познакомился со своей будущей жертвой.

Умер от непосильной учебы на собственных ошибках.

Учится на утвержденных ошибках.

В течение всего рабочего дня стоят у дверей и подслушивают: подчиненные – снаружи, шеф – изнутри.

У меня всегда хватит гражданской смелости отказаться выполнить приказ, который никому не навредит.

Достал как ни в чем не бывало свидетельство верности, подписанное сообща двумя шефами, которым служил.

Право кулака? Увы, зажато.

Трясется король от злобы, от страха ли – трон его всегда колеблется.

Больше сочувствия тому, кто открыто носит корону с терновыми колючками, нежели тому, кто носит шипы в душе.

Немецкие рассказы

Альфред Саломон

Югомат

1 апреля 19... года войдет в историю как год движения молодости. На межпланетный берлинский аэродром Шенефельд явится посланец молодежной делегации и заявит о желании отправиться на межпланетном корабле 105 на Марс. Там они будут изучать развитие жизни юных марсиан.

Последние минуты перед продолжительным путешествием.

Отъезжающие занимают места в корабле.

Корабль 105 берет курс на Марс.

...Перед вами первое сообщение по радио члена делегации Рени:

«На двенадцатый день мы высадились на живописном марсианском аэродроме. Нас приветливо встречала делегация СММ (Союз марсианской молодежи).

Некоторые хозяева несли автоматические транспаранты. Лозунги на них то и цело менялись. Нас доставили к зданию

ЦССММ (Центральный Союз свободной марсианской молодежи). Один марсианский юноша сказал мне, между прочим, что деятельность их Союза автоматизирована.

Мы вошли в зал для приезжих: ни людей, ни мебели. Неоновые стрелки указали на кабинет председателя. Наконец, мы достигли огромной металлической двери. В низу ее была фотокамера, назначение которой открывать дверь для посетителей. Мы подошли ближе. Она распахнулась автоматически. Перед нами стоял невероятных размеров человек-аппарат. Едва его зеленые с отливом глаза увидели нас, как затрещал его машинный голос:

„Скорее!“.

Дверь закрылась.

Мы очутились в полуосвещенном зале. За письменным столом сидел автоматический человек. Он походил на вооруженного рыцаря пятнадцатого века. На голове его вращались телевизионные антенны. На всем его корпусе переливался свет лампочек всеми красками радуги. На голове – стеклянный колпак.

Одной рукой он перелистывал пучок актов, ставя в то же время большим пальцем штемпеля. В другой руке он держал своеобразный телефон. Увидев нас, он поднялся и, слегка наклонившись, произнес:

– Югомат.

Затем взял с полки F-образный засов, сделал им отверстие в голове.

Тотчас стеклянная трубка засветилась красным светом. Послышался механический голос.

– Дорогие юные друзья! Мы искренне приветствуем нас. Эта встреча имеет большое значение для нашей братской связи...

После приветственной речи погасли красные стеклянные трубочки.

– Скажите, откуда вы? – вдруг спросил он.

– С Земли, из Берлина.

Мы видим, как лампочка на его плече, горевшая голубым светом, стала зеленой.

Югомат хотел что-то сказать, но я, чувствуя себя как дома, опередил:

– Нас очень интересует жизнь юных марсиан.

– О, вы познакомитесь с нею, – ответил Югомат.

После этих слов распахнулась дверь в соседнюю комнату.

– Входите! – крикнул машинный голос, и мы автоматически туда перенеслись.

– Здесь наша дискуссионная, – сказал он.

Одна трубка на его голове зажелтела.

Мы увидели машину, похожую на почтовый вагон. Посредине стрелка, указывающая на слова „да“ и „нет“. Сбоку микрофон для вопросов. Я к нему подошел:

– Любят ли молодые марсиане твист?

Стрелка вмиг показала на „нет“.

– Тьфу, – разочаровался я. – Наверное, здесь существует

трудовая община?

– Вздор, – проворчал Югомат. Свет на его плече сменился на синий. – Почему трудовая община? Желаешь планер – спроси в карманный микрофон – и планер перед тобой. У нас каждый юноша имеет дома автоматическую киносъемочную или счетную машину. И никто ничего не делает вручную, все заменили машины. Какая же тут трудовая община?

– Может, они коллективно читают книги? – съязвил я.

– Да, читают, – ответил Югомат.

Мы диву дались».

На этом месте было прервано сообщение путешественника.

1960

Руди Штраль

Хорошо б родиться трижды

Ничто так не смущает меня, как мысль, что все должны умереть. Следовательно, я не составлю исключения. Я не фантазер, но снова и снова застаю себя в надежде, что в один прекрасный день смерть будет дерзко отброшена. Наука много чудес совершала. Почему это ей не должно удастся?

Я был воодушевлен данной сентенцией, когда в мои руки попала научная статья. Она излагала сущие пустяки – как осуществить прыжок нашего бытия в вечную жизнь. Теоретически, восклицала она, это уже сегодня абсолютно просто. Практически... Практически нужны кое-какие предпосылки, которые – опять же теоретически! – просты и могут даже быть созданы.

Добавлю, я сознательно не взвесил все детали способа.

Язык исследований мудр и не всем смертным доступен. Все же я верю, что постигну этот принцип. Кое-что я уже усвоил. Допустим, в один прекрасный день у вас не хватило духу открыть глаза. Не отчаивайтесь, пожалуйста! При помощи искусственных жизнеспособных веществ и заранее начертанной структуры усопшей персоны любой индивидуум

может быть воссоздан заново столько раз, сколько ему заблагорассудится. Волосы выглядят, как и прежде. При нем все его старые добродетели и странности. Даже целы будут воспоминания о жизни до сих пор. И все это возвращается в мгновение ока! Едва старого Адама опускают в гроб, как субъект превращается в дитя, а гроб – в колыбель. Какая перспектива!

Разумеется, здравый рассудок советует мне держать в узде мое ликование. Несомненно, заманчиво прожить еще пятьсот или тысячу лет, прежде чем вступит в силу абонемент на вечную жизнь. Тогда даже самый заурядный смертный протиснется в стан бессмертных. Сначала придут, конечно, строем и станут в очередь тузы, затем – публика помельче, но пронырливая, со связями: служащие органов власти, ремесленники, маляры, конники...

Что, если я сам сделаю схему моей особы и отдам чертежи на хранение, чтобы позже начать ходатайствовать за надежное место? Хотя я тысячу волнующих лет не переживу, но тем не менее очень лестно внезапно всплывать и таким модернизированным красавцем являться на свет, где в долгие века нести звезду самого совершенства.

Растопыренными пальцами я лихорадочно хватаю карандаш. Прежде всего записываю несомненно достоверные данные: рост, вес, цвет глаз и волос, школьное образование, профессия, группа налога. Также записываю, что я страстный коллекционер этикеток с пивных бутылок, дрожу при виде

зубного врача и один раз в неделю хожу в кино.

Конечно, простое исправление этого обычая повлекло за собой бедствия. К моему растущему страху прибавилось то, что теперь я стал решительно все оценивать иначе, откуда-то пришла абсолютная точность (хотел же я самим собой снова родиться!).

Я стиснул зубы и вооружился мужеством водолаза, который мимо рифов намерен проникнуть в бездонную пропасть. Напрасно я пробовал держать взаперти свои достоинства. Они, оказывается, неустойчивы, как карнавальные маски. Не помог мне и опыт самокритики. За тысячу лет я все равно узнаю, здоров я или болен. Еще не поздно, и я верну жизнь многим своим коллегам. Парень я славный.

После публичных исповедей я не мог отречься от затеянного. Начались сплошные казусы. Я пытался увязывать действительное с желаемым. В качестве примера лени я постоянно выдавал устойчивые размышления. Скупость я рассматривал как бережливость. Равнодушие к людям я называл неземным почтением. Короче, в чем я дополнительно себя проверил, так это в том, что везде и всюду наталкивался на острые углы и глухие стены в своем характере.

Когда более чем на тринадцати страницах сочинил ошеломляющие выводы, я внезапно застиг себя на мысли, где и как надежнее сохранить себя для следующего тысячелетия. Просто закопаю схему в саду, и буду вне опасности. Так что еще при моей жизни глупый случай предадут гласности. В какой ужас придут все мои друзья и знакомые. И как будут торжествовать люди, которые и без того не переваривают меня. Мои жалкие останки соберут в гроб.

Мой бумажный двойник, пребывающий в безопасном укрытии, пожалуй, и за тысячу лет не отыщут. Но кто гаран-

тирует, что счастливейший случай не допустит этого, найдет документы и доведет мою реконструкцию до конца?

За тысячу лет мир, может, поднимется на какую ступеньку в области совершенства. Тогда гадай: то ли ждать милости от закона, то ли подлинной реконструкции – неизвестно, как примут меня дети того времени. Меня бросает в озноб, когда я об этом думаю. Во всяком случае, мне улыбался шанс попасть в музей или сыграть карликовую роль в историческом диафильме. Сомнительная перспектива!

Я выбросил схему.

Я думаю теперь не только на тысячу лет вперед: значительно больше достоинств у тех, кто для грядущего сегодня прилагает добрые усилия.

Инге Ристок

Срочный разговор

Ванке, шеф отдела, утром объявил, что ждет телефонного разговора, который решит его судьбу. Говорил он волнуясь. Этого за ним прежде не водилось.

Ванке молча сел за письменный стол и загипнотизировал телефон. Никакой реакции! Зато в Ванке что-то зарычалось. Он срочно должен был выйти.

Ванке снял трубку и отчаянно забарабанил по белым кнопкам. Центральная, как обычно, заставляла ждать. Нервозность Ванке подпрыгнула на несколько градусов. Он даже забыл доводы жалобы, которой собирался атаковать телефонистку. Когда же, наконец, центральная ответила. Ванке только сказал:

– Извините, я всего на десять минут должен покинуть комнату. У меня заказан срочный служебный разговор. Если дадут в мое отсутствие, придержите абонента на линии. Я сейчас.

Телефонистка пообещала.

Ванке, насколько позволяли правила приличия, в темпе отправился за дверь. Вдруг остановился, резко повернулся и снова подбежал к телефону. Он вспомнил, что на цен-

тральной двадцать телефонисток. Одна знает. А другие?

Центральная долго не отвечала.

Когда она подала признаки жизни, Ванке запыхтел:

– Девушка, вы все-таки передайте мою просьбу остальным. Хорошо?

Это была уже другая. Разумеется, ничего не знала. Ей показалось, что Ванке прикидывается дурачком, и потому навела справку:

– У вас все дома?

Ванке растерялся и не мог сразу дать утвердительный ответ. Он не был готов к контрудару. На подготовку понадобилась одна астрономическая секунда. Он побагровел и, свирепо гремя челюстями, как трактор гусеницами, обрушился на девушку. Она выбросила белый флаг – заплакала.

Трубку взяла ее подруга и небрежно дала Ванке от ворот поворот.

Ванке был вне себя. Как он начал бушевать!

У собеседницы, простите, глоточка тоже луженая.

Настал кульминационный момент, когда все телефонистки сочли своим святым долгом поддержать партнершу, которая стала сдавать позиции.

Ванке не мог дать себя в обиду. Потому уже через четверть часа семнадцать плачущих телефонисток (у остальных выходной) в истерике бросили работу и подали заявления об уходе.

Телефонная связь была парализована.

Весь наш отдел взбудоражен.

Только Ванке неподвижно сидел за своим письменным столом и тупо смотрел на телефон.

Поздно вечером раздался звонок. Женский голос сказал:

– Можете быть спокойны. Я не воюю с детьми.

Примечания

Василь Чечвянский

Анатолий Санжаровский. *Василь Чечвянский, или Зачем Ильф и Петров приезжали в Харьков*. Впервые кусочки из этого предисловия в две странички появились в книжке «Ответственность момента» (Москва. «Библиотека „Огонёк“ № 27 за 1990 год).

Отрывки из предисловия опубликовала 21 октября 2011 года всеукраинская ежедневная газета „День“ на русском, украинском и английском языках.

Анатолій Санжаровський. „Василь Чечвянський, або Навіщо Ильф і Петров прїжджали до Харкова“. (Київ. „Літературна Україна“, № 23 за 2012 год).

Анатолий Санжаровский. „Украинский Зощенко“. О Чечвянском В. М. (Москва, „Литературная Россия“, № 29 за 2012 год).

„О себе“. Впервые мой перевод с украинского этого рассказа В. Чечвянского опубликован²⁷ в журнале „Дон“ № 2 за 1971 год. Затем вышел в книжке „Библиотека „Огонек“

²⁷ Во избежание повторений слова «Впервые мой перевод с украинского этого рассказа был опубликован» в дальнейшем опускаются.

№ 27 за 1990 год.

„Ложки“. Мой перевод рассказа опубликовала „Литературная газета“ (Клуб 12 стульев), № 16 от 16 апреля 2008 года.

„Юбилейная переписка“. Мой перевод рассказа опубликовала „Литературная газета“ (Клуб 12 стульев), № 44 от 9 ноября 2011 года.

„Пивная история“. Мой перевод рассказа опубликовала „Независимая газета“. („Экслибрис“). № 2 от 26 января 2012 года. Страница 6.

13 марта 2013 года „Клуб 12 стульев“ „Литературной газеты“ опубликовал мой перевод рассказа В. Чечвянского „Подход“ с таким предисловием.

„Мы уже знакомили читателей с творчеством украинского сатирика Василя Чечвянского (№ 16, 2008 и № 44, 2011). Он родной брат классика украинской сатиры Остапа Вишни. Оба писали под псевдонимами, их настоящая фамилия Губенко.

У Василя Чечвянского (1888–1937) трагическая судьба: в разгар большого террора он был арестован и расстрелян. Что касается литературной судьбы, она постепенно улучшается благодаря усилиям писателя и переводчика Анатолия Санжаровского. Анатолий Никифорович всячески пропагандирует творчество «Колумба украинского юмора». Сейчас, к 125-летию сатирика, он даже издал за свой счет (!) сборник его рассказов «Радостная

параллель» (М.: Книга по требованию, 2013)». (А. С.)

«Иностранный язык», «Ответственность момента», «Про удочку, рыбку и вообще», «Оскудение», «Когда будут крематории», «Подход», «Дачные мученики», «Цари природы», «Популярность», «Христос воскрес», «Как оно будет», «Ярмарка в Полтаве», «Хитрый врач». Впервые переводы этих юморесок Василия Чечвянского опубликованы в «Библиотеке „Огонек“ № 27 за 1990 год.

ОГОНЕК

№ 27 1990

Остап
ВИШНЯ

Василь
ЧЕЧВЯНСКИЙ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
МОМЕНТА

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Василь Чечвянский, Остап Вишня. «Ответственность момента».

Я первый, кому удалось собрать в одну книжку и опубликовать еще не известные русскому читателю рассказы и юморески двух родных незаконно репрессированных, а после реабилитированных братьев – Василя Чечвянского и Остапа Вишни. Василь Чечвянский был реабилитирован через много лет после расстрела.

Анатолий Санжаровский

В Киеве не женись

Анатолий Санжаровский

В КИЕВЕ НЕ ЖЕНЬСЬ!

В этой книге моих переводов опубликованы многие рассказы Василя Чечвянского.

Книга вышла в Москве, в 2012 году.

А ведь на Украине издано далеко не все, что написал В. Чечвянский. И я послал запрос в харьковскую государственную научную библиотеку имени В. Г. Короленко. Заве-

дующей отделом «Україніка» Полянской Н. И.

Дорогая Надежда Ивановна!

Большое Вам спасибо за сердечное отношение к моим просьбам.

Сейчас меня интересует вот что.

После реабилитации у В. Чечвянского вышло, по-моему, два сборника. И в те сборники многое не вошло из того, что было им опубликовано в периодике. Такой оказалась юмореска «Принципiallyно», опубликованная в 1927 году в «Перце». Спасибо, Вы мне ее прислали. Может, посмотрите на досуге еще из того наследия Чечвянского, которое дальше периодики не пошло? Я был бы Вам бесконечно признателен.

С искренним уважением А. Санжаровский.

1.12.2012

И пришел ответ.

Уважаемый Анатолий Никифорович!

В нашей библиотеке есть только две книги

В. Чечвянского, изданные после его реабилитации: «Вибрані гуморески» (1959), «Вибрані гуморески» (1968).

В Библиотеке нет *всех* сборников прижизненных писателя, изданных в 1920-30-е гг. Следовательно, их содержание нам неизвестно.

Исчерпывающим ответ не может быть еще и потому, что имеются разночтения в названии некоторых юморесок. Например, юмореска «Ильинская ярмарка в Полтаве»,

опублікована в журналі «Пламя» в 1925 році, в виданні «Вибрані гуморески» (1959) має назву «Ярмарок у Полтаві». Порівняти назви і тексти всіх творів не представляється можливим, так як це дуже трудомісткий процес, що вимагає великих витрат часу.

Привожу *прикладний* перелік творів, що не увійшли в видання збірок і вибраних гуморесок В. Чечвянського:

1. Мусій Копистка в Полтаві.
2. Ні... не винуватий.
3. Почали сезон.
4. Підручник.
5. Про «Всесвіт» з приводу ювілея «Вісті».
6. Діло о порваних брюках.
7. Жилкризис с последствиями.
8. Дійсно, становище.
9. Обійдемося.
10. Діалог недалекого майбутнього.
11. Самі винні.
12. Хліб насущний.
13. Перше чудо нового Христа.
14. Системочка.
15. З репортажів головного штабу боротьби з бюрократизмом.
16. Записки божевільного.

17. Скоротителі.
18. Я не проти, але...
19. Запитання й відповіді.
20. Треба покласти край, ой, як треба.
21. Принципіально.
22. Дотаційні перельоти з Києва – до Харкова.
23. Метаморфоза.
24. Наслідки.
25. Про ладан і дурну голову.
26. Не те падає.
27. Інструкція для адміністратора як позбавитись робко-
ра.
28. Сучасний український фейлетон.
29. Цілком нормально.
30. Баранячий ріг.
31. О часи, о звичаї.
32. Специ.
33. Я – за.
34. На курорті.
35. Слабкувате навантаження.
36. Харашо буде!
37. Для чого це?
38. Стратегія й тактика.
39. Свята монька.
40. Неузгодженість.
41. Сильний характер.

42. Труднощі.
43. Доречи.
44. Дороги.
45. «На місцях»... в столиці.
46. «На баса».
47. «Розговорчики».
48. Трагедія першого дня.
49. Слава! Слава!
50. Мученики люди.
51. Технічні зауваження.
52. Територіальне нещастя.
53. «Безобразіє».
54. Іди – знай?
55. «Грандіозний Гарштейн».
56. Заклик до любові.
57. Антре фоторепортерів.
58. Вихід фоторепортерів.
59. «Спокійно – знімаємо».
60. Моряк.
61. «Хіроманд, гадаю на чистку чи да, чи нет?»
62. Субординація.
63. Не люблю п'ятирічок.
64. «Орфей у пеклі»: (відкриття сезону Першої Укр. Муз. Комедії, тепер ім. Шевченка. Харків)
65. Сумно...
66. Ввічливий помзав.

67. Без геніальності.
68. Неув'язка.
69. Скандал в «благородному» сімействі.
70. Звіт.
71. Всенародне моління.
72. Порушники етики.
73. Дозвольте слово.
74. Ідуть.
75. Тут проривів не буває.
76. «Рука Франції».
77. Скандал.
78. Перегортаючи «УРЕ».
79. Моя пропозиція: вірш.
80. Техсон. *Вірш.*
81. Помнач. *Вірш.*
82. Жарт. *Вірш.*
83. Наш проект.
84. Любов.
85. «Утриманець». *Вірш.*
86. Хай живе. *Вірш.*
87. Зав і Гава. *Вірш.*
88. «Лишивсь в кабінеті...». *Літературний жарт.*
89. «Йй-право – тяжка драматургічна справа». *Літературний жарт.*
90. Багато паперу.
91. Транспортний дяк. *Вірш.*

92. Професіональний підхід. *Вірш*

93. Про що тирса шелестіла...

94. Моя рецензія (на «Загибель ескадри» О. Корнійчука).

95. Корисна діяльність. *Віршована гумореска.*

96. Хто ж він? *Вірш.*

97. Ненормальна тварина.

98. Культура зеленого сукна.

99. Реміз підполковника де Брюкс. *Оповідання з часів імперіалістичної війни.*

Все это неизвестно сегодня даже современному украинскому читателю, не говоря уже о русском.

Неизданное превышает изданное раза в два.

Что же делать?

Издавать, шановні панове!

В Киеве не женись

Два слова о названии книги «В Киеве не женись!» Название должно заинтриговать читателя. Тем не менее почему именно такое название? Что, мне не нравится Киев? Отнюдь. Я не раз бывал в Киеве. Город мне нравится. Но в судьбе В. Чечвянского этот город сыграл роковую роль. Ни за что репрессированный Василь Михайлович был расстрелян в киевских застенках КГБ и до сих пор неизвестно, где же он похоронен. Вот в названии и слились и боль утра-

ты, и ирония, и предупреждение-призыв, чтоб таких «женитьб» нигде и никогда не было. Известно выражение «женить на смерти», то есть убить, уничтожить. А кому такие «женитьбы» нужны?

Эта книга – призыв к доброте, к дружбе в отношениях между людьми. Ведь, по украинской пословице, «де дружно, там і хлібно». А хлеб хлебу брат. За хлебом все добро.

К слову, для названия книги я взял первую половинку украинской пословицы из сборника «Українські прислів'я та приказки». Составители С. В. Мищанич и М. М. Пазяк. (Київ. Видавництво художньої літератури «Дніпро». 1984. Страница 362. 18-ая строка сверху.)

Полностью же пословица звучит так:

«У Києві не женись, а в Ромнах коней не міняй».

Как и намечалось, этот сборник переводов вошел в двенадцатый том Собрания моих сочинений.

Анатолій Санжаровский. *Василь Чечвянский, или За-чем Ильф и Петров приезжали в Харьков.*

Впервые кусочки из этого предисловия в две странички появились в книжке «Ответственность момента» (Москва. Библиотека «Огонек» № 27 за 1990 год).

За двадцать один год предисловие всемеро увеличилось. И судьба у него горькая.

Как я уже подробно писал в предисловии к этому тому, мой материал был дико искорежен в украинской газете

«День». К тому же за него ни копейки не заплатили.

Ранее, 29 апреля 2011 года, в этой же газете была опубликована моя новелла на целую полосу «Где же наш дом, мама?» На дворе уже господин Ноябрь. Но гонорара все нет. Я напомнил, что хотел бы его получить. И редакция ответила: «Гонорар за ранее вышедший материал был перечислен на имя Ольги Решетиловой, но, поскольку она длительное время **находилась в больничном листе**, (*Выделено мною. – А. С.*) вопрос немного затянулся. Сейчас он решается».

Решетилова готовила мой материал к печати, и, похоже, мой гонорар выписали ей, чтобы она переслала его мне? Я написал Ольге. Она тут же ответила:

«Здравствуйте! Денег Ваших у меня нет. Вас не правильно проинформировали: их должны были перечислить, но не перечислили, поскольку я была на больничном (на протяжении трех месяцев).

А сейчас я отказываюсь иметь с Вами общие финансовые или еще какие-нибудь дела.

Обращайтесь, пожалуйста, в бухгалтерию или в отдел кадров.

Спасибо. До свидания. Ольга Решетилова».

Прошло семь месяцев. Гонорар мне обещали заплатить в августе, но я так и не повстречался с ним. Я не хотел расставаться со своим гонораром и написал учредителю и издателю «Дня», в чао (частное акционерное общество) «Украин-

ская пресс-группа», его председателю правления Белке Сергею Станиславовичу.

С. С. прислал мне такую депешу:

Выплата заработной платы (равно как и гонорара) иностранцам в Украине предусматривает ряд законодательных процедур, для решения которых необходимо Ваше личное участие. Для оформления разрешения на трудоустройство необходимо Ваше личное обращение в ОВИР Украины с предоставлением соответствующих документов.

В соответствии со ст. 8 Закона Украины «О правовом статусе иностранцев», предприятия независимо от формы собственности могут использовать труд иностранных работников только при наличии у них разрешения на трудоустройство. Выдача указанных разрешений регламентирована Порядком оформления иностранцам и лицам без гражданства разрешения на трудоустройство в Украине, утвержденным Постановлением Кабинета Министров Украины от 01.11.1999 г. № 2028, с изменениями и дополнениями (далее – Порядок № 2028). Разрешение на трудоустройство оформляется сроком до одного года и выдается в 30-дневный срок со дня подачи документов в Государственный центр занятости.

Документы от иностранного гражданина:

1. Копия первой страницы паспорта (перевод

и нотариальная заверка на украинский язык);

2. Копия идентификационного кода (Получать ИИН надо в городской (г. Киев) налоговой.);

3. Копия разрешения на трудоустройство (нотариально заверенная);

4. Медицинские справки по СПИДу, туберкулезу, сертификат от нарколога (от медицинских учреждений Киева);

5. Справка об отсутствии судимости в Украине;

6. Жилье в Киеве: Справка форма № 3 из ЖЕК о составе семьи. Если в квартире никто не прописан – справка о том, что в квартире никто не прописан;

7. Заявление всех совершеннолетних членов семьи (18 лет) об отсутствии возражений по регистрации гражданина (Если квартира нанимается);

8. Документы, подтверждающие право собственности или пользования квартирой – договор купли-продажи, дарения либо договор аренды, зарегистрированный в ЖЕК;

9. Копия страхового полиса (УКРИНМЕДСТРАХ);

10. 6 черно-белых фотографий размером 3×4 на матовой основе.

11. Оплата квитанций услуги ОВИРа и госпошлина.

К сожалению, без оформления соответствующих документов, выплата гонорара не может быть произведена.

Председатель правления С. С. Белка.

Вот так цирк! То гонорар мне был уже перечислен, а то,

оказывается, нужно собрать еще тонну бумаг и прописаться в Киеве, чтоб получить несчастный разовый гонорар. И пишу я снова Белке С. С.:

«Мне 73 года, я инвалид. Уже пять лет по состоянию здоровья не могу отойти от дома дальше своего двора. А вы предлагаете мне, москвичу, прописаться и трудоустроиться в Киеве, чтоб получить разовый гонорара в «Дне» – первый гонорар украинский. Из-за единственного гонорара трудоустроиваться в 73 года в другом государстве? Что можно придумать нелепей? Ну прямо ногой в сун! Разве нет цивилизованного способа получить свой законный гонорар? Редакция мне клятвенно обещала выслать гонорар. И чего стоят эти ах обещания?»

Белка молчит. Напоминаю электронкой.

Через двадцать минут после отправки мое письмо вернулось ко мне без ответа. Что бы это значило? Любопытненько... Я посылаю его снова и терпеливо, духоподъемненько жду ответа.

Напрасно ждал. Мое письмо-напоминание вернулось ко мне уже через 20 секунд и снова без дорогого ответа.

С каждым разом очередное письмо возвращалось без ответа все быстрее. Последние три четко возвращались – каждое! – уже ровно через восемь с половиной секунд! Скоростной пинг-понг! Высший пилотаж! Этот рекорд чиновничье-го неуважения к автору обращения не надо ли срочно заносить в Книгу рекордов Гиннеса?

И я посылаю последнее (16 ноября 2011, 11:35):

Возвращенное через восемь с половиной секунд мое письмо без ответа – очень красноречивый ответ.

Спасибо за оперативность!

Остап Вишня

«Писатели». Юмореска. Газета «Литературная Россия» 7 ноября 1969 года. Затем юмореска появилась в Библиотеке «Огонек» № 27 за 1990 год.

«Молочное производство», «Ах, молодость!», «Что посоветуешь?», «Сенокос», «Держись, хлопцы!», «Долой стыд!», «Сон кобылы вороной». Впервые переводы этих рассказов О. Вишни появились в Библиотеке «Огонек» № 27 за 1990 год.

«Ничего не поделаешь, готовимся!». Юмореска. «Дон» № 2 за 1971 год. Затем перевод появился в Библиотеке «Огонек» № 27 за 1990 год.

«Земля-Луна-Марс». Рассказ. Воронежская областная газета

«Коммуна». 18 октября 1959 года.

«Ох, и тяжело!». Рассказ. (Москва. «Крокодил». № 31, ноябрь 1969 года.)

«Спорт на селе и вообще». Юмореска. («Крокодил», № 32 за 1974 год.) Затем этот перевод вошёл в книжку «Библиотека „Огонёк“ № 27 за 1990 год.

„Жатва“. Рассказ. Всесоюзная газета „Сельская жизнь“
18 ноября 1969 года.

Микола Билкун

„Из дневника футболиста“. Юмореска. „Клуб 12 студёв“ „Литературной газеты“ 28 мая 1969 года. Позже этот перевод юморески был включён в репертуарный сборник „На весёлой волне“. (Москва. Выпуск № 8 за 1973 год.)

„Репка“. Киносценарий. Образец экранизации классического наследия. (Москва. „Неделя“. № 30 за 1971 год.)

„Жертва стандарта“. Юмористический рассказ. „Строительная газета“. 18 сентября 1966 года.

„Фатальный взрыв“. Юмористический рассказ. Газета „За коммунизм“. 31 июля 1959 года. (Село Щучье Воронежской области).

„Ой, пуговица“. Юмореска. (Москва, „Медицинская газета“, 1 января 1970 года.)

Иван Сочивец

„Флюс“. Юмористический рассказ. („Путь Ленина“. 12 марта 1961 года. Лиски Воронежской области.)

„Продолжение рода“. Юмореска. („Путь Ленина“ 29. октября 1961 года.)

Андрей Крыжановский

„В порядке дискуссии“. Юмореска. („Литературная Россия“.

24 октября 1969 года.)

„Контексты“. Часть их в моем переводе была опубликована впервые в „Двенадцати стульях“ „Литературной газеты“.

Олекса Вусык

„Как меня украли“. Юмористический рассказ. („Молодой коммунист“, 8 марта 1969 года. Чебоксары.)

„У каждого, к сожалению, есть зубы“. Юмореска. („Молодой коммунист“, сентябрь 1970. Чебоксары.)

„Диспут о воспитании“, „Столько шума“. Юморески. („Крестьянка“, № 11 за 1968 год.)

Валентин Чемерис. *„В мире букв“.* Басня. („Вечерняя Уфа“, 23 августа 1971 года. „Молодежная эстрада“, 1974 год.)

В. Срибный. *„Жертва спорта“.* Юмореска. („Путь Ленина“, 9 апреля 1961 года.)

П. Шабатин. *„Бык“.* Басня. („За коммунизм“, 10 января

1960 года. Село Щучье Воронежской области.)

Ол. Климьша. „Троша“. *Басня.* („За коммунизм“. 10 января 1960 года.)

В. Николаенко. „Беда продавца Недоливайко“. *Басня.* („За коммунизм“. 10 января 1960 года.)

В. Лучук. Приятен, хоть клади к ране... *Басня.* („За коммунизм“. 10 января 1960 года.)

Федор Макивчук. „Как писать рецензии“. Рубрика „Советы начинающим критикам“ (Москва. „Литературная Россия“. 23 мая 1969 года.)

Юрий Ячейкин. „Что покупают мужчины“. Юмореска. (Воронеж. „Коммуна“. 6 марта 1960 года.)

Юрий Прокопенко. „Что дарить на праздник“. Юмореска. („Строительная газета“, 1 января 1974 года.)

Леонид Шиян. „Ёлка“. Юмореска. (Чебоксары. „Молодой коммунист“. 1 января 1970 года.)

О. Подгорный. „Цепная реакция“. Юмористический рассказ. („Вечерняя Москва“. 18 июля 1969 года.)

Е. Кравченко. „Марсианин“. Юмористический рассказ. („Путь Ленина“. 13 августа 1961 года.)

Вырезку из „Пути Ленина“ я показал чувашскому прозаику Аркадию Эшелю. И он перевел уже на чувашский. Так я стал автором двойного перевода. Он опубликован в чувашском сатирическом журнале „Капкан“ № 17 за 1962 год.

„Усмешки Днепра“. Короткие народные юморески. („Рязанский комсомолец“. 21 сентября 1963 года.)

„Шутит „Перець“. („Сельский календарь“, 1976, стр. 85.)

Микола Винграновский. *„Не смотри мне в спину“.* Рассказ. (Журнал „Смена“, № 17 за 1977 год.) Единственный в этой книге рассказ не юмористический. Казалось бы, не место ему здесь. Но... Этот свой сборник я рассматриваю не как сборник только переводов юмористических сочинений, а значительно шире. Как сборник *всего* того, что я перевел на родной русский язык.

Вл. Отчык. *„Икона помогла“.* Рассказ. Перевод с белорусского. („Молодой коммунист“. 30 января 1970 года.)

Борис Саченко. *„Не имей сто рублей“.* Юмористический рассказ. Перевод с белорусского. („Молодой коммунист“. 19 февраля 1970 года.)

Анатоль Потемковский. *„Рассказ о добрых желаниях“.* Юмореска. Перевод с польского. („Вечерняя Москва“. 24 ноября 1969 года.) *„С гражданской позиции“.* Юмореска. Перевод с польского. („Вечерняя Москва“. 5 июня 1971 года.)

Альфред Саломон. *„Югомат“.* Юмористический рассказ. Мой перевод с немецкого. („За коммунизм“. 27 марта 1960 года.)

Руди Штраль. *„Хорошо б родиться трижды“.* Юмористический рассказ. Перевод с немецкого. (Тула. „Молодой коммунар“, 4 января 1967 года.)

Инге Ристок. *„Срочный разговор“.* Юмореска. Перевод

с немецкого. („Молодой коммунар“, 22 марта 1967 года.)

„В Киеве не женись!“ Переводы с украинского, белорусского, польского, немецкого. Сатира, юмор. Москва, «Книга по требованию». 2012 год.

Василь Чечвянский. «Радостная параллель» «Избранное».

Эта книга моих переводов вышла в Москве в начале 2013 года.

Собрание сочинений в десяти томах (тринадцати книгах).

Том 12. Сатира, юмор. Переводы с украинского, белорусского, польского, немецкого. Москва. «Книга по требованию». 2013 год.

◆

35 років. У такому віці людина досягає фізичної і духовної досконалості. За такий строк дуже змужніла «Літературна Україна». Від усієї душі хочеться привітати: «З 35-річчям, шановна!».

Я не українець. Росіянин. Ніколи не бував на Україні. Але сталося так, що я зараз читаю в оригіналі Олеса Гончара, Михайла Стельмаха, Остапа Вишню...

Якось я почув чарівну го-вірку дівчини з Ізяславля і — не міг не взятися за опанування мови Шевченка. Тепер я передплачую «Зміну», «Радянську жінку» і двічі на тиждень стрічаюся з подругою — «Літературною Україною».

У Чебоксарах дуже багато українців. Вони працюють пліч-о-пліч з чувашами на електроапаратному заводі, який евакуювався під час війни з Харкова.

Хіба мало українців у годині лихоліття залишили свій рідний дім? Чому про них не

Письмо из юности

В молодости я работал на чувашском телевидении.

Тогда украинской писательской газете исполнилось тридцать пять лет.

И я написал ей это письмо.

Анатолий Санжаровский

Літературна Україна

Газета письменників України
www.litukraina.kiev.ua

7 вересня 2012 року

№ 23 (5462)

статье о Василе Чечвянском.

Приложение
Что пишут о переводах
Анатолия Санжаровского

№ 10–11 (6407) (2013-03-13) Клуб 12 стульев

РЕТРО

13 марта 2013 года «Клуб 12 стульев» «Литературной газеты» опубликовал мой перевод рассказа В. Чечвянского «Подход» с таким предисловием.

ഭൂമിശാസ്ത്രം ഘടനാഭൂമിശാസ്ത്രം

РАДОСТНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

«Мы уже знакомили читателей с творчеством украинского сатирика Василя Чечвянского (№ 16, 2008 и № 44, 2011). Он родной брат классика украинской сатиры Остапа Вишни. Оба писали под псевдонимами, их настоящая фамилия Губенко.

У Василя Чечвянского (1888–1937) трагическая судьба: в разгар большого террора он был арестован и расстрелян. Что касается литературной судьбы, она постепенно улучшается благодаря усилиям писателя и переводчика Анатолия Санжаровского. Анатолий Никифорович всячески пропагандирует творчество „Колумба украинского юмора“. Сейчас, к 125-летию сатирика, он даже издал за свой счет (!) сборник его рассказов „Радостная параллель“ (М.: Книга по требованию, 2013)».

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

№ 45 (6438) 13–19 ноября 2013

Клуб 12 стульев

Читалка

По заслугам и честь

Вышел в свет двенадцатый том десятитомного собрания сочинений Анатолия Санжаровского. (М.: «Книга по требованию», 2013). Сразу объясним парадоксальную нумерацию. Причина тому излишняя скромность автора, недооценка собственных ресурсов. Сам Анатолий Никифорович считал, что его полное собрание потянет на десять томов. Но когда вышел десятый, выяснилось, что оставшихся за бортом материалов – невпроворот. Пришлось делать еще три. Сейчас наконец вышел предпоследний, он посвящен сатире и юмору. Точнее – здесь собраны переводы с белорусского, польского, немецкого и – главное – украинского языков.

Нашим читателям Санжаровский известен в первую очередь как переводчик рассказов одного из классиков украинской сатиры XX века Василя Чечвянского, они не раз публиковались на 16-й полосе «ЛГ». В новом томе его произведения занимают добрую половину. Далее в рейтинге пред-

почтений Санжаровского следует родной брат Чечвянского – Остап Вишня. Фамилии разные, поскольку оба писали под псевдонимами, так-то они урожденные Губенко. Кроме них в книге представлены еще полтора десятка украинских писателей.

Так что Украине следует сто раз подумать – стоит ли вступить в Евросоюз. Вряд ли там станет кто-либо так щедро переводить их замечательных сатириков.

PS. В первом собрании моих сочинений книга переводов занимала двенадцатый том. В новом, во втором, собрании, исправленном и дополненном, книга переводов перешла в одиннадцатый том. – А. С.